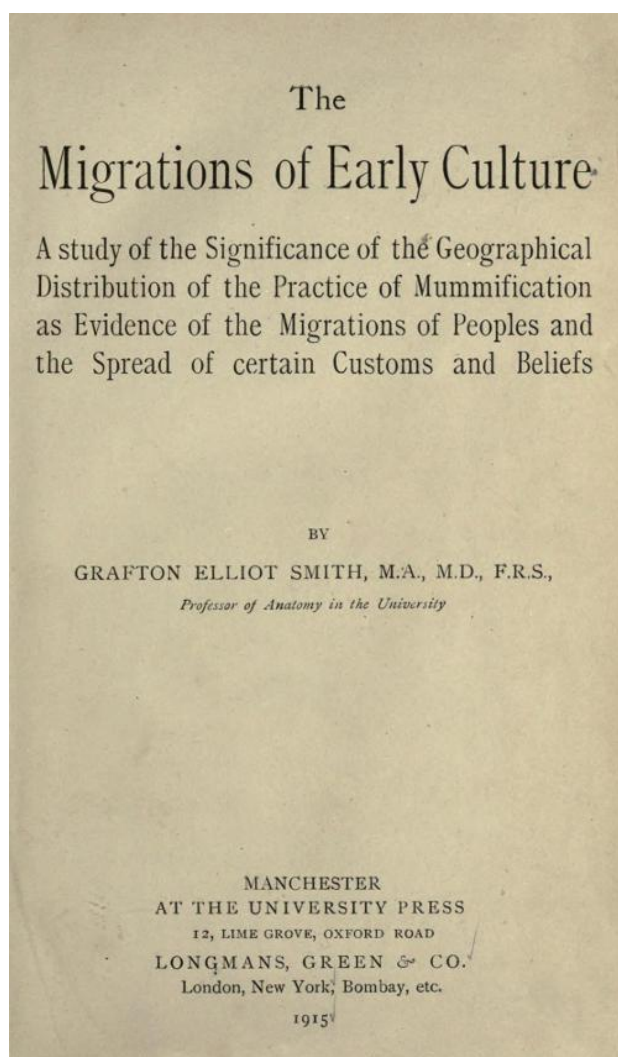

Миграции ранней культуры. Изучение
значения географического
распространения практики
мумификации как свидетельства
миграций народов и распространения
определенных обычаев и верований

Графтон Эллиот Смит

Электронная книга проекта "Гутенберг" о миграциях ранней культуры

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Миграции ранней культуры

Автор: Графтон Эллиот Смит

Дата выхода: 17 мая 2020 г. [Электронная книга № 62164]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динсером и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " МИГРАЦИИ РАННЕЙ КУЛЬТУРЫ" ***

ПУБЛИКАЦИИ МАНЧЕСТЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Миграции ранней культуры.

Опубликовано Манчестерским университетом в издательстве UNIVERSITY PRESS (Х. М. Маккечни, секретарь)

12, Лайм-Гроув, Оксфорд-роуд, МАНЧЕСТЕР

LONGMANS, GREEN & CO.

Лондон: 39, Патерностер-Роу

Нью-Йорк: 443-449, Четвертая авеню и Тридцатая улица

Бомбей: 8, Хорнби-роуд

Калькутта: 303, Боубазар-стрит

Мадрас: 167, Маунт-роуд

Миграции ранней культуры

Изучение значения географического распространения практики мумификации как свидетельства миграций народов и распространения определенных обычаев и верований

АВТОР: ГРАФТОН ЭЛЛИОТ СМИТ, магистр медицины, F.R.S.,
профессор анатомии в Университете

МАНЧЕСТЕР
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ UNIVERSITY PRESS
, ЛАЙМ-ГРОУВ, ОКСФОРД-РОУД, 12,

LONGMANS, GREEN & CO.
Лондон, Нью-Йорк, Бомбей и др.

1915

ПУБЛИКАЦИИ МАНЧЕСТЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ СII.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Когда эти страницы были грубо скомканы, им не предвиделось иной участи, кроме публикации в трудах научного общества как призыва к этнологам признать ошибочность своего пути и покаяться. Они были задуманы просто как совокупность доказательств, призванных заставить ученых признать, что в прежние века знания и культура распространялись во многом таким же образом, как, как известно, они распространяются сегодня. Разница лишь в том, что темпы миграции ускорились.

Переиздание в виде книги было предложено секретарем издательства Манчестерского университета, который подумал, что вопросы, обсуждаемые на этих страницах, понравятся гораздо более широкому кругу читателей, чем те, кто привык читать научные журналы.

Аргумент составлен в основном из выдержек из трудов признанных авторитетов, и автор не согласен со всеми утверждениями в различных цитируемых им выдержках: такой способ изложения дела был принят намеренно, с целью продемонстрировать, что общепризнанные факты поддаются более естественному и убедительному объяснению, чем то, которое выдвигается с *кафедры* большинством современных антропологов, что на самом деле больше соответствует всему тому, чему нас учат наш собственный опыт и факты истории о последствиях контактов народов и распространения знаний.

Такой метод изложения аргументации неизбежно предполагает значительное количество повторений утверждений и фраз, что может вызвать раздражение читателя и оскорбить его чувство литературного стиля. В оправдание этого допущенного недостатка следует помнить, что брошюра была задумана как протест против обвинений в искусственности и невероятности,

которые так часто выдвигаются против предлагаемого здесь объяснения: намеренно был направлен совокупный эффект подтверждения, показывающий, что многие исследователи, использующие самые разнообразные виды данных, независимо друг от друга пришли к идентичным выводам и часто выражали их похожими фразами.

В настоящей работе изложена лишь очень малая часть доказательств. Большая часть наиболее информативной информации стала известна автору только после того, как эти мемуары появились в печати; и огромное количество данных, особенно относящихся к Европе, Индии и Китаю, слишком тесно переплетено с влиянием других культур, чтобы обсуждать их и отделять от них в таком ограниченном пространстве, как это.

Также не было предпринято никаких попыток обсудить время путешествий, продолжительность общения или подробности отправок и возвращений древних мореплавателей, которые распределяли столь любопытный ассортимент разнообразных грузов по побережьям всего мира — буквально “от Китая до Перу”. Они оказали влияние на историю цивилизации и совершили чудеса морской отваги, которые заслуживают большего уважения, поскольку были совершены на много веков раньше, чем у более известных средневековых европейских авантюристов и пиратов, которые, движимые сходными мотивами, совершали набеги на Майн-Испанию и Ост-Индию.

Как видно из страниц, эта книга перепечатана из тома 59, части 2, “Воспоминаний и трудов Манчестерского литературно-философского общества”, сессия 1914-15; и я в долгу перед Советом этого органа за их любезное разрешение переиздать ее в ее нынешнем виде.

Г. Эллиот Смит.

Университет, Манчестер, *июль 1915 г.*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Карта 1. Приблизительная схема географического распространения определенных обычаев, практик и традиций

Карта 2. Попытка приблизительного представления областей, более непосредственно затронутых “гелиолитическим” культурным комплексом, со стрелками для обозначения гипотетических маршрутов миграции носителей культуры, которые были ответственны за ее распространение

“Манчестерские мемуары”, том первый (1915), № 10.

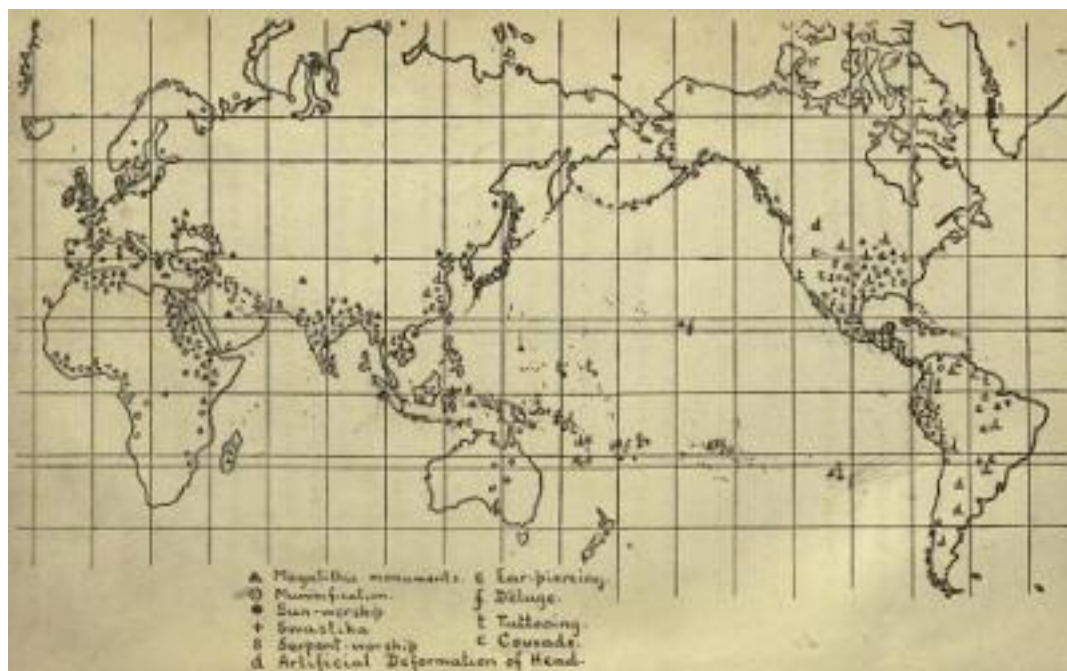
Х. О значении географического распространения практики мумификации.— Изучение миграций народов и распространения определенных обычаев и верований.

Профессор Г. Эллиот Смит, магистр медицины, F.R.S.

(Прочитайте 23 февраля 1915 года. Получено для публикации 6 апреля 1915 г.)

Приступая к обсуждению географического распространения практики мумификации, я интересуюсь не столько происхождением и техническими процедурами этого замечательного обычая. Этот аспект проблемы я уже рассматривал в серии мемуаров (с75 89[1]). Я выбрал мумификацию скорее как наиболее своеобразный и, следовательно, наиболее отличительный и навязчивый элемент очень тесно переплетенной серии странных обычаев, которые почти тридцать веков назад оказались случайно связанными друг с другом, образовав определенный культурный комплекс, и распространились вдоль береговых линий большей части мира, пробуждая к новой и самобытной деятельности вялые некультурные народы, которые, в свою очередь, подверглись воздействию этой экзотической закваски.

Если заглянуть в журналы по антропологии и этнологии, то среди обширных коллекций информации, относящейся к деятельности человека, можно найти весьма наводящий на размышления ряд фактов, касающихся миграций прошлых эпох и распространения своеобразных обычаев и верований.

Карта 1.— приблизительная схема географического распространения определенных обычаев, практик и традиций. [Ни одна из этих областей распространения не является полной. На карте показаны только данные, упомянутые в этих мемуарах или в цитируемой в них литературе.]

Если взять карту мира и нанести на нее (*Карта I.*) географическое распространение таких замечательных обычаев, как строительство мегалитических памятников (см., например, Карту Лейна Фокса [Питта Риверса], **20**), поклонение солнцу и змее (**51**; **103**), обычай прокалывать уши (см. Парк Харрисон, **29**), татуировка (см. Мисс Бакленд, **10**), практика обрезания, любопытный обычай, известный как поскольку куваде, практика массажа, сложная история сотворения мира, всемирный потоп, окаменение людей, божественное происхождение королей и избранного народа, возникших в результате кровосмесительного союза (У. Дж. Перри), использование символа свастики (см. Карту Уилсона, **105**), практика деформации черепа, если упомянуть лишь некоторые из многих, которые можно было бы перечислить, будет обнаружено, что в большинстве аспектов области, в которых встречается этот необычайный набор причудливых обычаев и верований, совпадают друг с другом. В некоторых сериях возникают пробелы, которые, вероятно, чаще возникают из-за недостатка информации с нашей стороны, чем из-за реального отсутствия практики; в других местах тот или иной элемент этой сложной культурной смеси вышел из общего русла и прорвался на новую территорию. Но, рассматриваемые в совокупности, эти данные позволяют нам определенно и точно наметить маршрут, по которому движется эта особенно отличительная группа эксцентричностей человеческого разума. Если рассматривать каждый из них по отдельности, то в цепочке возникает много разрывов и много неопределенностей относительно точного курса: но когда их брать вместе, все эти пробелы устраняются. Более того, в большинстве областей существуют культурные традиции-герои, которые принесли некоторые или все эти обычаи в одно и то же время, а также привнесли знания в области сельского хозяйства и ткачества.

Насколько мне известно, никто до сих пор не привлек внимания к тому факту, что практика мумификации имеет географическое распространение, в точности соответствующее области, занятой любопытным набором других практик, только что перечисленных. Не только так, но, вдобавок, совершенно очевидно, что это совпадение не просто случайное. Это связано с тем фактом, что в большинстве регионов люди, которые ввели обычай мегалитического строительства и поклонения солнцу (сочетание, для обозначения которого удобно использовать характерный термин профессора Броквелла “гелиолитическая культура”), в то же время принесли с собой практику мумификации.

Обычай бальзамирования умерших на самом деле является неотъемлемой частью “гелиолитической культуры” и, возможно, как я попытаюсь продемонстрировать, ее наиболее важным компонентом. Ибо эта практика и верования, выросшие в связи с ней, были ответственны за развитие некоторых из главных элементов этого культурного комплекса и, между прочим, за связь с другими факторами, не столь тесно связанными с ним в генетическом смысле.

Прежде чем углубиться в обсуждение свидетельств, предоставляемых практикой мумификации, будет полезно на мгновение рассмотреть географическое распределение других компонентов “гелиолитической культуры”. Мне нет необходимости много говорить о мегалитических памятниках, поскольку я уже рассматривал их значение в другом месте (с **90** по **96**); but I should like once more specifically to call the attention of those who are obsessed by theories of the independent evolution of such monuments, and who scoff at Fergusson (**17**), to the memoirs of Lane Fox (**20**) and Meadows Taylor (**100**,,,). Последнее поразительным образом подчеркивает замечательную идентичность структуры не только в том, что касается разнообразия и общей концепции подобных памятников, но и в том, что касается тривиальных и, казалось бы,

несущественных деталей. Ссылаясь на “мнение многих”, которое “было выдвинуто в качестве гипотезы, что общие инстинкты человечества подсказали общие методы захоронения”, он справедливо замечает: “Я признаю, что такого рода расплывчатые обобщения меня не удовлетворяют перед лицом таких точных точек сходства.... Вряд ли это могло быть результатом несчастного случая или какого-либо обычного человеческого инстинкта” (стр. 173).

Но не только идентичность структуры и географическое распределение (в большинстве случаев вдоль непрерывных береговых линий или связанных с ними островов) доказывают общее происхождение мегалитических памятников. Это также убедительно подтверждается замечательным рядом верований, традиций и практик, многие из которых совершенно бессмысленны и непонятны для нас, которые ассоциируются с такими структурами, где бы они ни находились. Истории о карликах и великанах (13), вера в пребывание богов или великих людей в камнях, использование этих сооружений определенным образом для проведения определенных специальных советов (20, стр. 64 и 65), а также любопытная и, на наш взгляд, бессмысленная практика развешивания тряпок на деревьях в связи с такими памятниками (20, стр. 63 и 64). Касаясь последней из этих связанных с ней практик, Лейн Фокс замечает: “невозможно поверить, что такой необычный обычай, как этот, мог возникнуть независимо во всех этих странах”.

В важной статье “Факты, наводящие на мысль о доисторических отношениях между Востоком и Западом” (*Журнал. Anthr. Inst.*, Vol. 14, 1884, стр. 227), мисс Бакленд привлекает внимание к замечательному ряду идентичностей обычаев и верований, и среди них к некоторым легендам об окаменении *танцовщиц*, связанным с каменными кругами, расположенными так далеко друг от друга, как Корнуолл и Перу.

Принимая во внимание все эти факты, для меня совершенно непостижимо, как какой-либо серьезный исследователь, знакомящийся с доказательствами, может честно отказаться признать, что факт распространения вдохновения на возведение мегалитических памятников из одного центра был подтвержден подавляющей массой точных и неопровержимых данных. Но это свидетельство не стоит особняком. Это связано с множеством других своеобразных обычаев и верований, свидетельства каждого из которых, какими бы несовершенными и неубедительными некоторые ученые ни считали их по отдельности, усиливают все аргументы в совокупности; и если должным образом учесть огромную сложность и искусственность культурной структуры, составленной из таких фантастических элементов, они неизбежно заставят признать их значение, как только нынешнее поколение этнологов научится забывать о бессмысленном фетише, перед которым оно в настоящее время преклоняет колени.

Но предположим, ради аргументации, что мы закрываем уши для голоса здравого смысла и позволяем загипнотизировать себя верой в то, что какой-то сложный и высокоспециализированный инстинкт (*т.е.* именно тот тип инстинкта, который настоящие психологи — не этнологическая разновидность - отрицают у человечества) побудил группы людей, разбросанных так далеко друг от друга, как Ирландия, Индия и Перу, независимо друг от друга строить мавзолеи того же типа, приобретать схожие убеждения относительно окаменения людей и многих других экстраординарных вещей, связанных с такими памятниками, как “психологическое объяснение”. “хотите помочь нам объяснить, почему женам строителей этих памятников, будь то в Африке, Азии или Америке, следует колоть подбородки и натирать их углем, или почему они должны делать обрезание своим мальчикам, или почему у них должна

быть традиция всемирного потопа? Помогает ли какая-либо теория эволюции объяснить эти ассоциации? Это явно случайные ассоциации обычаев и верований, которые не имеют внутренней связи друг с другом. Они соединились чисто случайно в одной определенной местности, и тот факт, что такие несообразные обычаи вновь появляются в сообществе в отдаленных частях земного шара, является самым убедительным доказательством того, что странствия народов, должно быть, принесли это своеобразное сочетание причудливых обычаев из центра, где случай соединил их вместе.

Поскольку среди определенной группы строителей мегалитов было модно татуировать подбородки своих женщин, странники, которые переносили за границу один обычай, переняли и другой: но нет никакой генетической или врожденной связи между строительством мегалитов и татуировкой подбородка.

Такое свидетельство бесконечно сильнее и убедительнее, чем то, которое дает обычай, рассматриваемый сам по себе, потому что в первом случае мы имеем дело с ассоциацией, которая определена и очевидно обусловлена чистой случайностью, такой, которую так называемый психологический метод, каким бы казуистичным он ни был, объяснить не в состоянии.

Но изучение такого обычая, как татуировка, даже если рассматривать его отдельно, дает доказательства, которые должны убедить большинство здравомыслящих людей в невозможности его независимого возникновения в разных, широко разбросанных местностях. Эти данные были тщательно собраны и обсуждены с ясным пониманием и здравым смыслом мисс Бакленд (10) в замечательных мемуарах, которые я хотел бы порекомендовать всем, кто все еще придерживается бессмысленной догмы “о сходстве работы человеческого разума” как объяснения идентичности обычаев. Нанесение татуировок практикуется на протяжении всего великого трека “гелиолит”. (Как ни поразительна карта распространения мисс Бакленд, демонстрирующая это, если бы она была дополнена в свете нашей нынешней информации, она была бы еще более убедительной, поскольку она опустила Ливию, которая, насколько нам известно в настоящее время, возможно, была центром зарождения этой любопытной практики.)

Татуировка подбородка у женщин практикуется в таких отдаленных друг от друга регионах, как Египет, Индия, Япония, Новая Гвинея, Новая Зеландия, остров Пасхи, Северная и Южная Америка.

Мисс Бакленд справедливо делает вывод, что “широкое распространение этого своеобразного обычая имеет большое значение, особенно потому, что оно так близко соответствует линии, ”которую она “указала в двух предыдущих статьях (8 и 9) как наводящую на мысль о доисторических взаимоотношениях между двумя полушариями.... Когда мы находим в Индии, Японии, Египте, Новой Гвинее, Новой Зеландии, Аляске, Гренландии и Америке обычай нанесения татуировок, выполняемый точно таким же образом и с теми же целями, и когда в дополнение к этому мы находим сходство в других украшениях, в оружии, в играх, в способах погребения и многих других обычаях, мы думаем, что справедливо предположить, что все они заимствовали эти обычаи из общего источника или что в какой-то неизвестный период существовали какие-то половые сношения ” (стр. 326).

В первом из своих мемуаров (8) мисс Бакленд обращает внимание на “любопытную связь между ранним поклонением змее и знанием металлов”, которая представляет особый интерес в этом

обсуждении, потому что протоегипетты, которые поклонялись змеям (см. Sethe, 74), обладали знаниями о металлах в период, когда, насколько нам известно в настоящее время, ни один другой народ еще не приобрел их. Ссылаясь на древнеиндийского Индру, халдейского Эа и мексиканского Кецалькоатля, среди других богов, мисс Бакленд замечает: “Божества, короли и герои, которых символизирует змей, обычно описываются как пионеры цивилизации и наставники человечества в искусстве земледелия и добычи полезных ископаемых”.

Далее, в интересной статье “Стимуляторы, используемые дикарями и древними” (9) она сообщает нам, что “среди аборигенных рас, расположенных вдоль Тихого океана, от Формозы на западе до Перу и Боливии на востоке, преобладает своеобразный и, как показалось бы цивилизованным расам, отвратительный способ приготовления ферментированных напитков, причем женщины во всех случаях являются главными производителями; используемый материал варьируется в зависимости от состояния сельского хозяйства в разных местностях, но способ приготовления остается практически одинаковым” (9, с. 213). .

Если позволит место, я бы хотел привести обширные цитаты из наиболее убедительной независимой демонстрации Паком Харрисоном распространения культуры по тому же великому маршруту, к которому он пришел, изучая географическое распространение своеобразного обычая искусственно растягивать мочку уха (29). Эта практика была нередкой в Египте (79) во времена новой империи, факт, который Харрисон, похоже, упустил из виду: но он фиксирует ее среди греков, евреев, этрусков, персов, в Беотии, Занзибаре, Натале, Южной Индии, Цейлоне, Ассаме, Аракане, Бирме, Лаосе, на Никобарских островах, Ниасе, Борнео, Китае, Соломоновых островах, островах Адмиралтейства, Новых Гебридах, Новой Каледонии, островах Пелев, острове Навигаторов, Фиджи, Дружественных островах, Пенрин, Острова Общества, остров Пасхи, Перу, Паленке, Мексика, Бразилия и Парагвай. Это превосходная и удивительно полная карта (если бы он использовал доступные сейчас данные, она могла бы быть составлена еще полнее) великого “гелиолитического” маршрута.

Идентичность географического распределения - это не просто случайное совпадение.

Особый интерес представляет то, что Харрисон смог продемонстрировать взаимосвязь между этим обычаем и поклонением солнцу в большинстве перечисленных населенных пунктов. В рисунках, иллюстрирующих его мемуары, можно обнаружить другие очевидные ассоциации, тесно связывающие их многочисленными нитями с самой структурой “гелиолитической культуры”. Если к этому мы добавим тот факт, что во многих населенных пунктах рисунок, вытатуированный на коже, изображал солнце, мы еще больше укрепим тонкую ткань, которая постепенно приобретает форму.

К этим демонстрациям сорокалетней давности позвольте мне добавить интересную недавнюю монографию Уилсона о свастике (105), которая независимо друг от друга рассказывает ту же историю и прокладывает тот же великий путь по всему миру (см. Его карту). Далее он обращает внимание на тесную географическую связь между распространением свастики и веретенообразного завитка. Приписывая введение ткачества и свастики в большинстве местностей, где они встречаются, одним и тем же культурным героям, он тем самым добавляет свастику к “гелиолитическому” наряду, поскольку ткачество уже относится к нему.

К этим практикам можно было бы добавить целый ряд других, не менее примечательных по характеру, таких, например, как обрезание, практика массажа (57, 67 и 11), любопытный

обычай, известный как *куваде*, - все это распространено вдоль великого “гелиолитического” пути и принадлежит великому культурному комплексу, по которому он проходил.

Но есть несколько интересных подтверждающих фактов, от упоминания которых я не могу удержаться.

Одна из наиболее тщательно исследованных культурных связей между Восточным Средиземноморьем финикийской эпохи и доколумбовой Америкой (Теуантепек) была недавно зафиксирована Зелией Натталл в ее мемуарах “любопытное свидетельство использования пурпурных моллюсков для окрашивания в Мексике” (50). После очень тщательного и критического анализа всех фактов этого поистине замечательного случая передачи необычного обычая миссис Наттолл справедливо приходит к выводу, что “кажется, почти легче поверить, что определенные элементы древней европейской культуры были когда-то, и, возможно, только один раз, действительно переданы традиционной небольшой группой людей ” ... Средиземноморских мореплавателей, чем объяснять, как в совершенно разных расовых и климатических условиях должны были возникнуть идентичные идеи и обычаи” (стр. 383 и 384). Она также не оставляет нам никаких сомнений относительно пути, по которому идут носители этой практики. С ним ассоциировалось, как в Старом, так и в Новом Свете, использование труб в виде раковин и жемчуга. Древность этих обычаев подтверждается их изображением на доколумбовых рисунках или, в случае с жемчугом, находкой реальных образцов в могилах.

На финикийском греческом и в более поздние времена эти раковины-трубы широко использовались в Средиземноморье: “Европейские путешественники находили их в действительном употреблении в Восточной Индии, Японии и, у альфуров, у керамов, папуасов Новой Гвинеи, а также на островах Южного моря вплоть до Новой Зеландии” и во многих местах Америки (стр. 378). “Как в Старом, так и в Новом Свете в одной и той же тесной связи находятся (1) производство пурпура и мастерство ткачества; (2) использование жемчуга и труб из раковин; (3) добыча, обработка и незаконный оборот меди, серебра и золота; (4) тетрархическая форма правления; (5) концепция ‘Четырех элементов’; (6) циклическая форма календаря. Те ученые, которые утверждают, что все вышеперечисленное должно было быть разработано независимо, когда-нибудь столкнутся с постоянным и неопровержимым фактом, что по всей Америке аборигены единодушно отрицают всякое участие в их производстве и приписывают их внедрение чужакам с более высокой культурой из отдаленных и неизвестных частей ” (стр. 383).

Можно привести множество других столь же определенных доказательств передачи обычаев из Старого Света в Новый, и случай, о котором сообщает Тайлор (102), является классическим примером[2]; но я не знаю ни одного другого случая, который был бы так критически изучен и так полно зарегистрирован, как случай миссис Наттолл.

Но может возникнуть трудность — как на самом деле неизменно случается, когда эти темы выносятся на обсуждение, — относительно средств передачи. Риверс объяснил, что на самом деле происходит при контакте народов (68) и как небольшая группа странников, приносящих элементы более высокой культуры, может оказывать глубокое и далеко идущее влияние на большое некультурное население (64 - 70).

Мемуары Лейн-Фокса [Питта Риверса] “О ранних способах навигации” (21) не только сами по себе представляют собой замечательное резюме определенных свидетельств распространения культуры; но и вдвойне ценны для нас, потому что, кстати, они также иллюстрируют

фактические средства, с помощью которых происходили миграции носителей культуры. Сохранившиеся до наших дней на Хугли и других индийских реках лодки с фантастическим рулевым управлением, использовавшимся древними египтянами за 2000 лет до нашей эры, сами по себе являются доказательством древнеегипетского влияния в Индии; а современная практика изображения глаз на носу корабля позволяет нам продемонстрировать еще более широкое распространение этого влияния, поскольку в наше время этот обычай был зафиксирован на Мальте, в Индии, Китае, Океании и на северо-западном побережье Америки.

Но в вопросе о передаче таких обычаев нет никаких трудностей. Большинство ученых, изучивших раннюю историю какой-либо конкретной области, во многих случаях тех, кто самым решительным образом отрицает даже возможность более широкого распространения культуры, откровенно признают — потому что отрицание этого свело бы на нет их собственные локальные исследования — общение конкретного народа, в котором они заинтересованы, с его соседями. Просто используя эти звенья, выкованные неохотно руками враждебных свидетелей, можно построить всю цепочку, необходимую для таких миграций, как я постулирую (см. [Карта II.](#))

Никто, кто читает свидетельства, собранные такими авторами, как Эллис (15), де Катрефаж (60) и Перси Смит (98)[3], не может усомниться в факте обширных доисторических миграций по всему Тихому океану по определенно известным маршрутам. Даже Джойс (чье в остальном превосходное изложение фактов, относящихся к американской археологии, было выхолощено его отказом признать влияние Старого Света на американскую культуру) утверждает, что миграции из Индии распространились на Индонезию (и Мадагаскар) и все острова Тихого океана; и даже что “вполне вероятно, что они достигли побережья Америки” (61, стр. 119).[4]

Нет никаких сомнений в реальности тесных морских связей между Персидским заливом и Индией с восьмого века до нашей эры (13; 14; 51; и 101); и, конечно, историческим фактом является то, что средиземноморское побережье и Египет находились в тесной связи с Вавилонией на протяжении нескольких столетий до и особенно после этого времени.

Карта 2.— Попытка приблизительного представления областей, более непосредственно затронутых “гелиолитическим” культурным комплексом, со стрелками для обозначения

гипотетических маршрутов миграции носителей культуры, которые были ответственны за ее распространение.

Перед лицом этой подавляющей массы неопровержимых доказательств реальности не только распространения культуры и ее носителей, но также путей и средств, с помощью которых она распространялась, естественно, возникнет вопрос, как получилось, что существует хотя бы тень сомнения относительно миграций, которые так широко распространили этот “гелиолитический” культурный комплекс по миру. Это нельзя объяснить недостатком знаний, поскольку большинство фактов, которые я перечислил, целиком взяты из антропологических журналов сорока или более летней давности.

Я полагаю, объяснение следует искать в любопытном психологическом процессе, сопутствующем интенсивному изучению сложной проблемы. По мере роста знаний и попыток различных ученых определить средства (и время), с помощью которых происходили контакты между различными народами, выявлялись трудности, которые, хотя и были действительно тривиальными, увеличивались до непреодолимых препятствий. Все эти реальные трудности были созданы ошибочными представлениями об относительной хронологии возникновения цивилизации в различных центрах, и особенно непониманием того, что полезные искусства часто утрачивались. Например, если на некоем материке *A* были развиты две практики, *a* и *b* — одна из них, *a*, полезная практика, скажем, изготовление керамики; другая, *b*, бесполезный обычай, скажем, сохранение трупа — и *a* была по крайней мере такой же древней, или предпочтительно определенно старше, чем *b*, этнологу казалось совершенно немыслимым, чтобы остров *B* находился под влиянием культуры материка *A*, через некоторое время после того, как практики *a* и *b* вошли в моду. , что это может при любых мыслимых обстоятельствах не сохранить полезное искусство *a*, даже если это может привести к прекращению совершенно бесполезной практики *b*. Поэтому утверждалось, что, если более поздние жители *B* мумифицировали своих умерших, но не делали керамику, это было явным доказательством того, что они не могли попасть под влияние *A*.

Но весь огромный ряд препятствий, поднятых такого рода аргументами, был полностью устранен доктором Риверсом, который продемонстрировал, как часто случалось, что население полностью утрачивало какое-то полезное искусство, которым оно когда-то обладало, и даже чаще цеплялось за какую-нибудь бесполезную практику (65).

Примечательной чертой нынешнего состояния дискуссии является то, что, несмотря на полное устранение Риверсом этих трудностей (65), большинство этнологов, похоже, не осознают, что теперь есть свободное пространство для принятия ясного взгляда на истину, основанного на здравом смысле, без каких-либо препятствий. Для истории научных, не в меньшей степени, чем теологических споров характерно, что непосредственным результатом разрушения основ лелеемых верований является то, что их наиболее фанатичные приверженцы все громче и догматичнее выкрикивают свое кредо и предают анафеме тех, кто с ним не согласен.

Это единственное объяснение, которое я могу предложить замечательному президентскому обращению, с которым Фьюкс обратился к Антропологическому обществу Вашингтона в 1912 году (18), непоследовательному безрассудству Кина[5] (41, стр. 140, 218, 219 и с 367 по 370), а

также поразительной критике, которую в течение последних четырех лет я получал ежегодно встретиться. Это не попытка аргументации, а просто догматические и часто неуместные утверждения. Постоянное обращение к бессмысленной фразе “сходство работы человеческого разума” [6] (18), как если бы это было магическое заклинание против логической индукции, и употребление так называемого “психологического аргумента” (41), который прямо противоречит преподаванию психологии, являются единственными оправданиями, которые можно получить от “ортодоксального” этнолога для этого упрямого отказ столкнуться с проблемой лицом к лицу. Конечно, историческим фактом является то, что дискуссии по теории эволюции в течение последнего столетия с большей готовностью склонили этнологов к тому, чтобы принять позицию *laissez faire* и положить конец всем их трудностям, сделав вид, что большинство культур развивались независимо *in situ*. Тем более удивительно, что Хаксли принимал какое-то незначительное участие в поощрении этого впадения в поверхностность и злоупотребления эволюционной концепцией, если вспомнить, что, как говорит нам сэр Майкл Фостер, тогдашний президент Этнологического общества “давал о себе знать многими способами, не в последнюю очередь той строгостью, с которой он подавлял притязания поверхностных людей, которые, пользуясь очарованием дарвиновской доктрины, несли чушь во имя антропологической науки” (“Жизнь и письма Томаса Генри Хаксли”, Т. I., стр. 263).

Это своеобразный комментарий к позиции “ортодоксальной” школы этнологов, заключающийся в том, что, когда их заставляют принять очевидное учение об этнологических доказательствах, они должны покинуть прочные укрепления, которые трудности полного и адекватного объяснения предоставляли им в прошлом, и укрыться за соломенными баррикадами воображаемых психологических и биологических аналогий, которые они наспех построили для своих собственных целей, и в вопиющем пренебрежении ко всему, что психолог понимает под фразой “работа человеческого разума”, если, возможно, он когда-либо будет вынужден использовать это выражение или значение, придаваемое этим термином. биолог - к “эволюции”.

Однако недостаточным доказательством моего тезиса является ни просто разоблачение необоснованности претензий моих оппонентов, ни даже демонстрация идентичности географического распространения и взаимосвязи обычаев для формирования “гелиолитического” культурного комплекса. Многие авторы смутно осознавали, что некоторое подобное распространение культуры имело место, но из-за неправильного понимания природы факторов, которые вступили в игру, или хронологии движений, которые они обсуждали (особенно см. Книги Макмиллана Брауна (7) и Еноха (16), не говоря уже о последних, но ни в коем случае не о самых злостных нарушителях), дискредитировали тезис, который я пытаюсь продемонстрировать.

Другая опасность возникла из-за неприятия старой идеи Бастиана о независимой эволюции его соотечественниками Фробениусом, Гребнером, Анкерманом, Фоем и другими при содействии австрийского филолога Шмидта и швейцарского этнолога Монтандона (который обобщил взгляды новой школы в первой части “Нового журнала”, *Архивы всеобщей антропологии*, май 1914 г., стр. 113); ибо они бросились в другую крайность и, опираясь главным образом на объекты “материальной культуры”, они выдвинули метод анализа и постулировали серию миграций, доказательства которых весьма сомнительны. Риверс (64) указал на ненадежность таких выводов, если их не проверять рассмотрением элементов культуры, которые не так легко обменять или позаимствовать, как луки и копья. Он настаивал на фундаментальной важности

изучения социальной организации как источника наиболее стабильных и заслуживающих доверия данных для анализа культурного комплекса и показателя расовой примеси. Изучение такой практики, как мумификация, влияние которой глубоко укоренилось в сокровенных верованиях людей, прибегающих к ней, дает данные почти столь же надежные, как и метод Риверса; поскольку последующий отчет со всей очевидностью покажет, что практика бальзамирования накладывает свой отпечаток на погребальные обычаи народа спустя много веков после того, как были приняты другие методы захоронения умерших.

Я сделал это отступление, пытаясь прояснить, что простая демонстрация идентичности географического распределения и связывания воедино ряда культурных элементов никоим образом не является решением главной проблемы.

Что еще предстоит выяснить, так это способ и место, в которых была соткана сложная ткань “гелиолитической” культуры, точную эпоху, в которую она начала распространяться за границу, и личность ее носителей, влияния, которым она подвергалась на этом пути, а также дополнения, вычитания и модификации, которым она подверглась в результате.

Хотя к настоящему времени я собрал много данных для выяснения этих вопросов, ограниченность пространства, имеющегося в моем распоряжении, вынуждает меня отложить на данный момент рассмотрение наиболее интересного аспекта всей проблемы - личности первых мореплавателей, которые были распространителями столь странного груза. Именно этот аспект вопроса впервые ввел меня в полемику; но я смогу заняться им более удобно, когда будут изложены этнологические аргументы. Огромный объем накопленных данных вынуждает меня опустить большую массу подтверждающих свидетельств этнологического характера; но, без сомнения, в ближайшем будущем будет много возможностей использовать этот запас боеприпасов.

Прежде чем отправиться на собрание Британской ассоциации в Австралии в прошлом году, я представил следующее резюме сообщения (96), которое должно быть сделано в Секции антропологии:—

“После рассмотрения свидетельств сходства физических характеристик широко разделенных популяций — таких, например, как некоторые древние обитатели Западной Азии, с одной стороны, и некоторые полинезийцы, с другой, — предполагающих далеко идущие доисторические миграции, распространение определенных, особенно отличительных практик, таких как мумификация и строительство мегалитических памятников, используется для подтверждения реальности таких странствий народов.

“Я уже (на встречах в Портсмуте, Данди и Бирмингеме) рассматривал проблему, поскольку она затрагивает побережье Средиземного моря и Западную Европу. В данном случае я предлагаю обратить внимание главным образом на вопрос о распространении культуры из центров древних цивилизаций вдоль Южного азиатского побережья и оттуда в Тихий океан. На основе изучения свидетельств, представленных мегалитическими памятниками и характерными обычаями погребения, изученных в свете исторической информации, относящейся к влиянию Аравии и Индии на Дальний Восток, можно по аналогии с природой миграций в еще более отдаленном прошлом объяснить распространение древнейших народов, обитавших на берегах Тихого океана.

“Такие практики, как мумификация и строительство мегалитов, обладают таким количеством специфических и отличительных черт, что никакая гипотеза независимой эволюции не может быть серьезно принята для объяснения их географического распространения. Их следует рассматривать как свидетельство распространения информации и миграции ее носителей откуда-то из окрестностей Восточного Средиземноморья, шаг за шагом в Полинезию и даже, возможно, за пределы Тихого океана к американскому побережью”.

В то время я намеревался еще больше развить аргументы, основанные на мегалитических памятниках, которые я представил Ассоциации на трех предыдущих встречах и в других местах (90; 91; 92;93; и особенно 94); и попытаться доказать, что структура и географическое распределение этих любопытных памятников указывают на распространение особого типа культуры вдоль Южного азиатского побережья, через Индонезию и Океанию на Американский континент. Географическое распространение практики мумификации должно было использоваться просто как средство подтверждения того, что я тогда считал более полными мегалитическими записями, и подчеркивания того факта, что Египет сыграл по крайней мере какую-то роль в возникновении этих странно связанных обычаев.

Но когда я исследовал мумию из Торресова пролива в музее Макли (Сиднейский университет) и изучил литературу, касающуюся методов, использовавшихся бальзамировщиками в этом регионе (1; 19; 25; и 27), я был убежден, исходя из моего знания технических деталей, использовавшихся при мумификации в Древнем Египте (см. Особенно 78; 86 и 87), что эти папуасские мумии предоставили нам наиболее убедительную демонстрацию египетского происхождения используемых методов. Более того, поскольку они выявили ряд очень любопытных процедур, которые не были изобретены в Египте до времен Новой империи, а некоторые из них - до XXIST династии, стало очевидно, что культурная волна, которая принесла знания об этих вещах в Торресов пролив, не могла начаться в своем долгом пути из Египта самое раннее раньше девятого века до нашей эры.

Разрез для потрошения тела производился в боку, справа или слева, или в промежности (19; 25) — два места, выбранные для выполнения разреза при бальзамировании в Египте (78); боковой разрез производился в точном месте (между реберным краем и гребнем подвздошной кости), которое отличало методы XXIST и XXIIND династий в Египте (86); и рана была зашита в соответствии с методом, применявшимся в случае более дешевых видов бальзамирования в тот период (78). Когда боковой разрез не использовался, в промежности делалось отверстие, как это делалось в Египте — второй метод, упомянутый Геродотом, — в случае менее состоятельных людей (56, с. 46).

Внутренности после удаления выбрасывали в море, поскольку, согласно Порфирию и Плутарху, одно время в Египте было принято выбрасывать их в Нил (56, стр. 57 и 58).

Тело было окрашено смесью, содержащей красную охру, скальп выкрашен в черный цвет, и были вставлены искусственные глаза. Впервые эти процедуры были приняты (полностью) в Египте во времена XXIST династии, хотя эксперименты, приведшие к внедрению этих методов, начались в XIX веке.

Но самое замечательное, что удивительно необъяснимой египетской процедуре извлечения мозга, к которой в Египте не прибегали до XVIII династии —*то есть* до тех пор, пока его

бальзамировщики не приобрели семнадцативековой опыт в своем замечательном ремесле (78), — также следовали дикари Торресова пролива (25; 27)!

Конечно, немыслимо, чтобы такие люди могли выдвинуть идею или изобрести средства для осуществления операции, столь лишенной смысла и столь технически сложной, как эта! Интерес их техники заключается в том, что операторы в Торресовом проливе следовали методу, первоначально применявшемуся в Египте (в случае с мумией фараона Ахмеса I. [86, с. 16]), который требует значительного мастерства и ловкости, а не более простой операции через ноздри, которая была изобретена позже (78).

Жители островов Дарнли также сделали круговые надрезы на коже каждого пальца руки и ноги и, соскоблив эпидермис с остальной части тела, осторожно сняли эти кусочки кожи и подарили их вдове покойного (25; 27).

Эта практика особенно интересна как иллюстрация принятия древнеегипетского обычая при полном незнании цели, которой он должен был служить. Древнеегипетские бальзамировщики (и, опять же, бальзамировщики XXIST династии) делали аналогичные круговые надрезы на пальцах рук и ног, а также соскабливали остальной эпидермис: но целью этой странной процедуры было предотвратить выпадение общего эпидермиса (что происходило, когда тело неделями вымачивалось в ванне с консервирующим рассолом) вместе с ногтями пальцев рук и ног (78). На каждом пальце руки и ноги оставляли по кусочку кожи, чтобы сохранить ноготь *на месте*; а для двойной надежности его перевязывали бечевкой (78) или закрепляли золотым кольцом или серебряной перчаткой (84).

В Торресовом проливе метод бальзамирования с морской водой не использовался, поэтому в соскабливании эпидермиса не было никакой необходимости. Кроме того, после точного следования предварительным этапам этого бесцельного процесса, намеренно удаляя кожные наперстки и гвозди, они уничтожили те самые предметы, которые египтяне имели в виду, когда изобретали эту операцию!

Подобная сложная техническая операция, которая не служит никакой полезной цели и совершенно неправильно понимается ее практикующими, не могла быть изобретена ими. Это еще одно несомненное доказательство египетского происхождения этой практики.

Есть еще одна особенность этих папуасских мумий, которая может быть объяснена, а может и нет, как заимствование египетских обычаев для модифицированного, если не совершенно иного, использования. Среди новых методов, введенных в Египте во времена XXIST династии, было любопытное приспособление для восстановления мумии той полноты формы и очертаний, которые она утратила в процессе консервации. Через различные разрезы (которые, кстати, несомненно, позволили выйти жидким продуктам разложения) инородные материалы были помещены под кожу мумии (78; 87). Эти разрезы делались между пальцами ног, иногда на коленях, в области плеч, а иногда и в других ситуациях (78). В папуасском методе мумификации “делались надрезы на коленных чашечках и между пальцами рук и ног; затем в надрезах стрелой прокалывались отверстия, чтобы из них могла капать жидкость” (Хэмлин-Харрис, 27, стр. 3). У одной из мумий в музее Брисбена, похоже, есть разрезы и на плечах. Ситуация с этими отверстиями наводит на мысль, что идея их создания *могла* (и я не хочу выражать это более определенно) быть подсказана египетской династической практикой XX века. Ибо, хотя в

последнем случае разрезы были сделаны с целью упаковки конечностей, между прочим, они служили для дренажа.

Но не только простой метод бальзамирования, каким бы убедительным и определенным он ни был, устанавливает происхождение папуасской процедуры от египетской; но также все другие погребальные практики и верования, связанные с ними, помогают подтвердить это доказательство. Особое обращение с головой, использование масок, изготовление каменных идолов - эти и множество других любопытных обычаев (которые были подробно описаны в замечательном отчете Хэддона и Майерса [25]) можно было бы привести.

Когда я привлек внимание Антропологической секции к этим фактам и моей интерпретации их на собрании Британской ассоциации в Мельбурне, профессор Дж. Л. Майрс открыл дискуссию, приведя аргументацию, которая, даже после четырехлетнего опыта споров по проблеме мегалитов, совершенно поразила меня. “Что может быть более естественным, чем желание людей сохранить своих мертвых? Или то, что при этом они должны удалять наиболее подверженные разложению части тела? Разве бок не был бы естественным местом для выбора для этой цели? Разве это не обычная практика для людей раскрашивать своих мертвецов красной охрой?” Трудно поверить, что к таким вопросам следовало относиться серьезно. Утверждение о том, что после смерти близкого родственника выжившие инстинктивно извлекают у него внутренности, сушат труп над огнем, соскребают эпидермис, удаляют мозг через отверстие в задней части шеи, а затем красят труп в красный цвет, является образцом казуистики, достойной средневекового теолога. И все же это необоснованное заявление, сделанное на научном совещании! Если бы профессор Майрес знал что-нибудь из истории анатомии, он бы понял, что проблема сохранения тела была одной из чрезвычайно сложных, которая на протяжении долгих веков занимала большинство цивилизованных народов, не только в древности, но и в наше время. В Египте, где природные условия, благоприятствующие успешному завершению попыток сохранения тела, были в значительной степени ответственны за возможность такого бальзамирования, потребовалось более семнадцати веков постоянной практики и экспериментов, чтобы достичь стадии и овладеть методами, примером которых являются мумии из Торресова пролива. В Египте также любопытное сочетание природных обстоятельств и расовых обычаев было ответственно за предположение о желательности и возможности искусственного сохранения трупа. Как жители Торресова пролива узнали даже о возможности такого достижения, не говоря уже об отсутствии какого-либо намека на его желательность? Ибо в жаркой, влажной атмосфере таких мест, как остров Дарнли, труп никогда бы не сохранился естественным путем, так что предположение, побудившее египтян приступить к своим экспериментам, отсутствовало в случае с папуасами. Но даже если бы по каким-то таинственным причинам этих людей побудили попытаться сохранить своих умерших, на стадии эксперимента им пришлось бы бороться с теми же неблагоприятными условиями. Возможно ли вообще предположить, что при таких исключительно трудных, чтобы не сказать обескураживающих, обстоятельствах они могли бы долгое время упорствовать в своих ужасных экспериментах или достигли бы более быстрого успеха, чем смогли достичь более культурные народы Египта и Европы, действовавшие в более благоприятных климатических условиях и с помощью знаний химии и физики? Это предложение слишком абсурдно, чтобы требовать серьезного рассмотрения.

Но если на данный момент мы предположим, что житель острова Дарнли инстинктивно пришел к выводу, что сохранять мертвых возможно, что он скорее хотел бы попробовать это и что по

какому-то таинственному наитию технические средства достижения этой цели были дарованы ему, почему, когда вся брюшная поверхность тела соблазнительно приглашала его оперировать самыми простыми и прямыми способами, он ограничил свой выбор двумя наиболее трудными участками для разреза? Мы знаем, почему египтянин сделал отверстие в левом боку, а в других случаях - в промежности; но вероятно ли, что папуас, решив разрезать тело, настолько заботился о сохранении целостности передней части тела, чтобы побудить его выбрать метод, который значительно усложнял техническую сложность операции? У нас есть самые убедительные доказательства того, что у папуаса не было такого замысла, поскольку это была его обычная процедура - отрезать голову от туловища и больше не обращать на последнее внимания. Утверждение Майреса не выдержит ни малейшего обсуждения.

Что касается использования красной охры, которое, как справедливо утверждал Майрес, было настолько широко распространено, то не было сделано ни малейшего намека на возможность того, что это могло так широко практиковаться просто потому, что египетский обычай распространился далеко.

Важно помнить, что практика окрашивания каменных статуй красной охрой (очевидно, чтобы сделать их более похожими на живые) была в моде в Египте до 3000 г. до н.э.; и во всей "гелиолитической" зоне, везде, где принималась концепция человеческих существ, обитающих в камнях, вырезанных или нет, египетская практика нанесения красной краски также вошла в моду. Но только более чем двадцать веков спустя —*т.е.* Когда по вполне определенным причинам в XXIST династии египтянам пришла в голову идея превратить саму мумию в статую — они ввели процедуру раскрашивания мумии (собственно тела) просто потому, что оно считалось статуей (78).

Вслед за профессором Майресом доктор Хэддон высказал два критических замечания. Во-первых, разрезы на ступнях и коленях не были предусмотрены египетскими практиками, а были сделаны со строго утилитарной целью - для отвода жидкости из организма. Я уже касался этого пункта (см. выше). Его второе возражение состояло в том, что между Египтом и Папуа не было никаких связей, указывающих на распространение этого обычая. Настоящее сообщение призвано устранить это возражение, продемонстрировав не только маршрут, по которому, но и каким образом практика достигла Торресова пролива после долгого путешествия из Египта.

Следует заметить, что эта критика оставляет совершенно нетронутыми мои основные аргументы из "мумий". Более того, тот факт, что первоначально я использовал свидетельства мумий просто в подтверждение свидетельств другого рода (физических особенностей народов и распределения мегалитических памятников), был полностью проигнорирован моими критиками.

Но, как я уже отмечал, не только поразительная идентичность столь многих специфических черт папуасского и египетского бальзамирования дает определенные доказательства происхождения одного из них от другого; кроме того, многие церемонии и обычаи, а также традиции, относящиеся к людям, которые ввели обычай мумификации, подтверждают тот факт, что иммигранты с запада привнесли эти элементы культуры. Кроме того, они также предполагают свое сходство.

“Культ героев с исполнителями в масках и замысловатыми танцами распространился с материковой части Новой Гвинеи на соседние острова: часть этого движения, по-видимому,

была связана с похоронным ритуалом, который подчеркивал жизнь после смерти.... Большинство погребальных церемоний и многие священные песни, по общему признанию, пришли с запада” (Хэддон, 25, стр. 45).

“Определенные культурные герои по отдельности обосновались на определенных островах, и они или их последователи ввели новый культ, который значительно изменил предшествующий тотемизм” и научил “усовершенствованным методам возделывания земли и рыбной ловли” (стр. 44).

“Интересная параллель с этими культами героев Торресова пролива прослеживается и на Фиджи. Жители Вити-Леву ведут свое происхождение от [культурных героев], которые переплыли Большой океан и научили людей культу, связанному с большими каменными оградами” (стр. 45).

На этих островах люди были искусны в вырезании каменных идолов, и у них были легенды о неких “камнях, которые когда-то были людьми” (стр. 11). Важно также, что на похоронах близкого родственника мальчикам и девочкам, достигшим половой зрелости, прокалывали уши и наносили татуировки на кожу (стр. 154).

Таким образом, сам Хэддон дает так много точных указаний на “гелиолитическую” природу культуры Торресова пролива.

На первый взгляд может показаться, что эти намеки на миграции и приход чужеземцев, привезших с запада любопытные обычаи и верования, мало что добавляют к доказательствам, предоставляемым техникой процесса бальзамирования; но последующее обсуждение прояснит, что связь этих конкретных процедур с мумификацией служит доказательством источника, из которого эта практика была заимствована.

Вдвойне интересно получить все эти подтверждающие доказательства из трудов доктора Хэддона, учитывая тот факт, на который я уже ссылался, что он энергично протестовал против моего утверждения, что бальзамировщики Торресова пролива приобрели свое искусство, прямо или косвенно, из Египта. Ибо в его красочном описании погребальной церемонии на островах Мюррей его признание в том, что, когда он наблюдал за погребальной лодкой и плачущими женщинами, его “мысли перенеслись на тысячи лет назад и вызвали древний Египет, перевозивший своих мертвецов в лодках по священному Нилу”, имеет гораздо более глубокое и реальное значение, чем он предполагал. Аналогия, которая сразу пришла ему в голову, была не просто случайным сходством, но выражением определенного сохранения среди этих простых людей на Дальнем Востоке обычаев, которые их далекие предки, несомненно, через многих посредников, переняли у египтян девятого века до нашей эры

В то время, когда доктор Хэддон запросил доказательства связи между Египтом и Папуа, я знал только о бирманских обычаях (*смотрите ниже*) в промежуточном регионе, и проблема установления средств, с помощью которых египетский обычай действительно распространился, казалась мне очень сложной задачей.

Но вскоре после моего возвращения из Австралии выявились все звенья культурной цепочки. Мистер У. Дж. Перри, который занимался анализом сложного смешения культур в Индонезии, любезно разрешил мне прочитать рукопись книги, написанной им на эту тему. С поразительной проницательностью он распутал кажущийся безнадежным клубок, в который социальная

организация этого этнологического центра была вовлечена смешением народов и конфликтом различных верований и обычаев. Его убедительная демонстрация факта иммиграции в Индонезию (с Запада) народа, который привнес мегалитические идеи, солнцепоклонство и фаллизм, а также многие другие отличительные практики и традиции, не только дала мне именно ту информацию, в которой я нуждался, но и обратила мое внимание на тот факт, что культура (для которой, как он сообщил мне, профессор Броквелл из Монреаля предложил особый термин “гелиолит”) включала также практику мумификации. В ходе непрерывных дискуссий с ним в течение последних четырех месяцев сложилось четкое представление обо всей проблеме и средствах решения большинства ее трудностей.

Для работы Перри в этой области, не меньше, чем для моей собственной, просветляющие и поистине эпохальные исследования Риверса (с 64 по 70) расчистили почву. Он не только устранил с пути исследователей кажущиеся непреодолимыми препятствия на пути демонстрации распространения культур, показав, как полезные искусства могут быть утрачены (65); но и проанализировал социальную организацию Океании таким образом, что различные волны иммиграции в Тихий океан могут быть идентифицированы и с уверенностью отнесены к Индонезии (69). Многие другие ученые в прошлом приводили доказательства (например, 2; 60; 61 и 98), демонстрирующие, что полинезийцы пришли из Индонезии; но Риверс проанализировал и определил характерные черты нескольких культурных потоков, которые текли из Индонезии в Тихий океан. Перри взял на себя задачу проследить за этими народами в индонезийском лабиринте и вернуть их истоки в Индию. В настоящем сообщении я попытаюсь в общих чертах обрисовать процесс постепенного накопления в Египте и окрестностях культурного наследия этих великих странников и проследить за ними в их миграциях на запад, юг и восток от места, где их любопытный набор обычаев и достижений оказался случайно связанным друг с другом (*Карта II.*).

Я не могу утверждать, что мои коллеги в этой кампании против того, что нам кажется совершенно ошибочными принципами современной этнологии, полностью согласны со мной. Они имели дело исключительно с более примитивными народами, среди которых каждое новое достижение в искусстве и ремеслах, в верованиях и социальной организации, фактически во всем, что мы рассматриваем как элемент цивилизации, было привнесено извне более культурными расами или сформировано в конфликте между расами с различными традициями и идеалами.

Напротив, мои исследования были связаны главным образом с фактическим изобретением элементов цивилизации и с людьми, создавшими практически все ее составляющие — идеи, орудия труда и методы декоративно-прикладного искусства, которые придают ей выражение. Хотя на первый взгляд может показаться, что мое отношение противоречит их, поскольку я пытаюсь объяснить первичное происхождение некоторых вещей, с которыми они имеют дело только как с готовыми обычаями и верованиями, передававшимися от народа к народу, между нами нет настоящего антагонизма.

Очевидно, что должен быть предел применению объяснения заимствованием; и когда мы вынуждены рассматривать людей, которые действительно изобрели вещи, необходимо сформулировать какую-то рабочую гипотезу для объяснения таких достижений, если только мы не признаем, что пытаться проводить подобные исследования бесполезно.

В предыдущих работах (82 и 85) Я объяснил, почему это должно быть чем-то большим, чем простое совпадение, что в Египте, где действие природных сил приводит к сохранению тела при захоронении в горячем сухом песке, стремление к сохранению тела как важнейшего средства продолжения существования после смерти должно было стать кардинальным принципом в верованиях людей. Когда наступала смерть, единственным различием, которое можно было обнаружить между трупом и живым телом, было отсутствие жизненного духа у первого. [Для интерпретации специфических представлений египтян о смерти см. Важную статью Алана Гардинера (23).] Оно находилось в состоянии, в некотором смысле аналогичном сну; и труп, следовательно, был помещен в свое “жилище” в почве, лежа в позе, естественно принятой первобытными людьми во время сна. Его жизненный дух, или *ка*, был освобожден из тела, но витал вокруг трупа до тех пор, пока сохранялись его ткани. Она нуждалась в пище и всех других вещах, которые служили благосостоянию и комфорту живущих, не исключая предметов роскоши и личных украшений, которые помогали сделать жизнь приятной. Следовательно, во все времена могилы становились объектами разграбления со стороны недобросовестных современников; и так случайно время от времени появлялись сведения о судьбе тела в могиле.

Погребальные обычаи протоегиптян, начиная с обычаев, общих для всей группы коричневой расы на этапе неолита, впервые стали отличаться от остальных, когда особое значение стало придаваться сохранению собственно тканей тела.

Именно это развитие событий, без сомнения, побудило их к более тщательным мерам по охране трупа и постепенно привело к расширению гробницы, более обильному снабжению пищевыми приношениями и погребальным инвентарем в целом.

Даже в самый ранний известный додинастический период у протоегиптян был обычай неплотно заворачивать своих умерших в полотно - ибо искусство ткачей восходит к тем отдаленным временам в Египте - и затем защищать завернутое тело от соприкосновения с землей дополнительной оберткой из козьей кожи или циновки.

Затем, когда гробница стала больше, чтобы вместить более обильные подношения, были испробованы почти все мыслимые приспособления, чтобы защитить тело от такого контакта. Вместо козьей шкуры или циновки во многих случаях того же результата добивались, выстлая могилу сериями палок, деревянными плитами, кусками необработанного камня или облицовывая могилу глиняными кирпичами. В других случаях, опять же, использовались большие глиняные гробы продолговатой, эллиптической или круглой формы. Позже, когда были изобретены металлические орудия труда (90-е годы), а умение ими пользоваться привело к появлению ремесел плотника и каменотеса, в моду вошли гробы из дерева или камня. Совершенно очевидно, что гроб и саркофаг были изобретены египтянами. Сам факт такого необычайного разнообразия средств и материалов, используемых в Египте, в то время как в других странах был принят один определенный метод, является самым убедительным доказательством того, что эти меры для облицовки могилы действительно были изобретены в Египте. Изобретатель проводит эксперименты: заемщик имитирует что-то определенное. В ходе этого процесса постепенной эволюции, который занимал весь до- и протодинастический периоды, практика ингумации (в строгом смысле этого термина) шаг за шагом превратилась в практику захоронения в гробнице. Другими словами, вместо захоронения в земле тело было помещено в тщательно сконструированную подземную камеру, которая больше не была засыпана землей. Дальнейшие этапы этого процесса эволюции строительства гробниц, способ,

которым возникла вырубленная в скале гробница, и постепенное развитие каменной надстройки и храма подношений - все эти вопросы были довольно подробно освещены в моей статье об эволюции мегалитических памятников (94).

Что особенно я хочу подчеркнуть здесь, так это то, что в Египте сохранились все этапы постепенной трансформации погребальных обычаев от простого погребения к обычаям, связанным с полностью разработанной вырубленной в скале гробницей и каменным храмом. Не может быть никаких сомнений в том, что ремесло каменщика и практика строительства мегалитических памятников зародились в Египте. Кроме того, я хочу совершенно ясно дать понять, что существует самая тесная генетическая связь между развитием этих мегалитических практик и происхождением искусства мумификации.

Ибо со временем древние египтяне узнали, без сомнения, опять же из открытий их расхитителей гробниц, что судьба трупа, остававшегося некоторое время в просторной вырубленной в скале гробнице или каменном гробу, сильно отличалась от той, которая постигала тело, когда его просто закапывали в горячий, сухой, иссушающий песок. В отношении первого они усвоили идею, которую греки много веков спустя забальзамировали в слове “саркофаг”, исходя из простой веры в то, что исчезновение плоти произошло из-за того, что камень каким-то таинственным образом пожрал ее.[7] [Некоторые современные археологи в последние годы придерживались столь же детской, хотя и еще менее информированной, точки зрения, утверждая отсутствие каких-либо следов плоти в определенных каменных саркофагах в качестве доказательства фантастической веры в то, что неолитические народы Средиземноморья были пристрастны к предполагаемой практике, которую итальянские археологи называют *скарпитура*.]

Но к тому времени, когда было сделано открытие, что тела, помещенные в более роскошные гробницы, больше не сохраняются так, как это обычно бывает при захоронении в песке, идея о необходимости сохранения тела как важнейшего условия достижения будущего существования закрепилась в умах людей и утвердилась за несколько столетий как *the* основной догмат их веры. Таким образом, те самые меры, которые они предприняли для более надежной охраны и сохранения священных останков своих умерших, привели к результату, прямо противоположному тому, что было задумано.

Сложнейший ритуал, который сложился, и впечатляющие архитектурные традиции не были заброшены, когда было сделано это открытие. Даже в наши современные просвещенные дни человеческая природа не реагирует подобным образом. От заветных верований, которых веками придерживались предки, нельзя отказаться ни ради какого научного открытия. Этнолог не отказался от своих возражений против идеи распространения культуры даже теперь, когда все трудности, мешавшие принятию точки зрения здравого смысла, были устранены! Точно так же египтяне протодинастического периода не вернулись к обычаям своих ранних предков и снова не стали хоронить их в песке. Они избрали единственную альтернативу, доступную народу, который безоговорочно сохранял веру в необходимость сохранения тела, *т.е.* Они предприняли попытку достичь искусством того, чего природа без посторонней помощи уже не могла обеспечить, пока они цеплялись за свой обычай хоронить в больших гробницах. Они пытались искусственно сохранить тела своих умерших.

Это объясняет, что я имел в виду, когда сказал, что мегалитическая идея и стимул к мумификации мертвых генетически связаны одно с другим. Каменная гробница появилась как прямой результат значения, придаваемого трупам. Это развитие разрушило саму идею, которая вдохновила его. Изобретение искусства бальзамирования стало логическим итогом попытки исправить этот неожиданный результат.

Как и в истории всех подобных событий в других местах, необходимость, или то, что эти простодушные люди считали необходимостью, была “матерью изобретений”.

В ходе последующего обсуждения будет видно, что практика мумификации иным образом оказалась связанной с тем, что можно назвать мегалитическими традициями. Грубо сохранившееся тело больше не имело никакого сходства с человеком, каким его знали друзья при жизни. Поэтому для его изображения была создана каменная статуя, похожая на живую. Были применены магические средства (стр. 42), чтобы оживить статую. Так возникла вера в то, что камень может стать жилищем живого человека; и что человек после смерти может превратиться в камень. Эта вера стала настолько настойчивой, что среди более некультурных людей, которые заимствовали египетские обычаи, но не могли делать портретные статуи, каменный столб грубой формы или даже необтесанный стал рассматриваться как жилище умершего.

Таким образом, каменная статуя из простого приспособления для идентификации умершего выродилась у менее культурных людей в объект, еще менее похожий на мертвеца, чем его собственная грубо сделанная мумия. Но фундаментальная идея осталась и стала отправной точкой для этого богатого урожая окаменения - мифов и верований о людях и животных, живущих в камнях.

Так в Египте, где-то около 3000 г. до н.э., возникло ядро “гелиолитического” культурного комплекса - мумификация, мегалитическая архитектура и изготовление идолов, три практики, наиболее тесно и генетически связанные одна с другой. Но то, что люди, среди которых развились эти обычаи, были также ткачами льна, медниками, поклонниками солнца и змеи, практиками массажа и обрезания, было чистой случайностью.

Но не прошло и пятнадцати столетий, как характерный “гелиолитический” культурный комплекс был дополнен добавлением множества других тривиальных обычаев, таких как прокалывание ушей, нанесение татуировок и использование свастики, ни один из которых не возник в Египте, но случайно “привязался” к этой самобытной культуре еще до начала ее великого мирового турне.

Самое раннее неоспоримое свидетельство (89) попытки искусственного сохранения тела было найдено в вырубленной в скале гробнице Второй династии в Саккаре. Важно отметить, что тело лежало в *согнутом* положении на левом боку и содержалось в коротком деревянном гробу, выполненном в виде дома. Конечности были обернуты отдельно, и большое количество тонких льняных бинтов было наложено на все части тела, чтобы придать завернутой мумии форму, подобную живой.

Таким образом, в самой ранней мумии — или, если быть строго точным, в останках, которые представляют собой самые ранние свидетельства попытки бальзамирования, — мы находим воплощение двух целей, к которым стремились древнеегипетские бальзамировщики на

протяжении всей истории своего ремесла, а именно: сохранить настоящие ткани тела, а также форму и подобие умершего таким, каким он был при жизни.

С самого начала бальзамировщик осознал ограниченность своего мастерства, *т.е.* то, что он не мог сделать само тело похожим на живое. Поэтому он стремился сохранить его ткани, а затем использовать обертки для изготовления модели или статуи умершего человека. Сначала это делалось, когда тело было согнуто традиционным способом. Но вскоре от согнутого положения постепенно отказались. Возможно, это изменение было вызвано тем, что было легче смоделировать поверхностную форму обернутого тела в растянутом виде; и больший успех полученных таким образом результатов, возможно, был достаточно важен, чтобы перевесить сдерживающее влияние традиции. Изменение, возможно, произошло с большей готовностью в то время, когда в обиход вошли кровати, и идея размещения “спящего” тела на кровати, возможно, способствовала процессу удлинения.

Но какой бы точки зрения ни придерживались на объяснение изменения положения тела, несомненно, что это началось вскоре после того, как были предприняты первые попытки мумификации. Свидетельства обширных захоронений, относящихся к Первой династии, которые были обнаружены Флиндерсом Петри в Тархане (54), могут показаться противоречащими этому: но есть основания полагать, что попытки бальзамирования предпринимались даже в то время (85). Кажется, определенно доказано, что это изменение не было вызвано каким-либо иностранным влиянием (45). В то время, когда это произошло, в населении Египта присутствовал очень значительный чужеродный элемент; но примесь произошла задолго до того, как проявилось изменение положения тела. Возможно, присутствие значительного иностранного элемента могло ослабить влияние египетской традиции; но свидетельства, по-видимому, определенно противоречат выводу о том, что он сыграл какую-либо активную роль в изменении обычая. Ибо история постепенного осуществления изменений является несомненным доказательством действия причинно-следственных факторов. Не было внезапного принятия полностью вытянутого положения, но происходило медленное и очень постепенное выпрямление конечностей — процесс, на завершение которого потребовались столетия. Анализ показаний Мейса вполне убедителен по этому вопросу (45).

Я твердо придерживаюсь мнения, что существует причинно-следственная связь между этим постепенным удлинением тела и мерами по воссозданию модели умершего, подобной жизни, с помощью обертываний мумии. Другими словами, принятие расширенного положения было прямым результатом внедрения мумификации.

На раннем этапе истории этих изменений, по-видимому, было осознано, что изображению умершего, которое могло быть сделано из завернутой мумии, не хватало точности, требуемой от портрета, возможно, также были некоторые сомнения относительно долговечности статуи, сделанной из льна.

Примерно в это же время произошел ряд интересных разработок, направленных на устранение этих дефектов. В одном случае (85), найденном в Медуме Флиндерсом Петри, поверхностные бинты были пропитаны пастой из смолы и соды, и тот же материал был нанесен на поверхность бинтов, которые, будучи еще в пластичном состоянии, были очень искусно отлиты в виде статуи,

подобной живой. Созданный таким образом смолистый панцирь застыл, образуя покрытие каменистой твердости. Особое внимание уделялось моделированию головы (иногда только лица) и гениталий, без сомнения, для того, чтобы служить средством идентификации личности и указания пола соответственно.

Волосы (или, возможно, правильнее было бы сказать, парик) и усы были окрашены темно-коричневой или черной смолистой смесью, а зрачки, веки и брови были изображены росписью смесью малахитовой пудры и смолистой пасты. В других случаях, недавно описанных Юнкером (40), гипс использовался для тех же целей, что и смолистая паста в мумии Петри. В двух из четырех примеров этой практики, обнаруженных Юнкером, была смоделирована только голова.

Особое значение, придаваемое голове, является одной из выдающихся особенностей древнеегипетской скульптуры. Другим примером этого были гробницы ранней части Древнего Царства, как вспоминает Юнкер в своих мемуарах, сооружение каменных портретных статуй только с изображением головы, которые изготавливались в натуральную величину и помещались в погребальную камеру рядом с мумией. Мне кажется, что Юнкер упускает из виду существенную, если не главную причину особого значения, придаваемого голове, когда он приписывает это тому факту, что в голове находились органы зрения, обоняния, слуха и вкуса. Не может быть никаких сомнений в том, что голова была смоделирована, потому что она дает главное средство распознавания личности. Это изображение особенностей позволило любому человеку, включая собственную капокойного, идентифицировать владельца. Каждое обстоятельство изготовления и использования этих головок подтверждает эту интерпретацию, и никто не объяснил эти факты более доходчиво, чем сам Юнкер.

[Поскольку предыдущие абзацы были сданы в печать, в руки профессора Рейснера попал предварительный отчет, которому я обязан большей частью информации об этих портретных головах — *Бюллетень Музея изящных искусств*, Бостон, апрель 1915 г.]

В несколько более поздний период в Древнем Царстве изготовление этих так называемых “замещающих голов” было прекращено, и вошло в практику изготовление статуи мужчины (женщины) целиком, которая помещалась над землей в мегалитическом *сердабе* внутри *мастабы* (см. 94). Но даже когда для *сердаба* была сделана полная статуя, только голова была частью, которая была смоделирована с каким-либо приближением к реализму. Другими словами, важность головы как главного средства идентификации по-прежнему признавалась. Более того, эта идея проявлялась на протяжении всей истории египетской мумификации, поскольку еще в первом веке христианской эры перед лицом мумии помещали портрет умершего.

Таким образом, со временем первоначальная идея превратить само завернутое тело в портретную статую умершего была временно [8] заброшена, и мумия была убрана в погребальную камеру на дне глубокой шахты, чтобы лучше защитить ее от осквернения, в то время как портрет-статуя была помещена над землей, в прочную камеру (*сердаб*), скрытую в *мастаба* (94).

Вскоре статуе в *сердабе* стали придавать определенное магическое значение. Это давало тело, в котором *ка* мог перевоплотиться, и умерший, таким образом воссозданный магическими

средствами, мог проходить через маленькое отверстие в *сердабе*, входить в часовню подношений и наслаждаться там едой и обществом своих друзей.

Доктор Алан Гардинер любезно дал мне следующую заметку по этому поводу: “До сих пор недостаточно подчеркивалось, что статуи в Египте служили эффективными живыми заменителями человека или существа, которое они изображали. Над каждой статуей или изображением совершались обряды “открывания рта” — магические пассы, выполняемые чем-то вроде металлической стамески перед ртом. Помимо *ир-го* “открывание рта”, другие слова свидетельствуют о распространенности той же идеи; слово, обозначающее “лепить” статую (*ms*), по всей видимости, идентично *ms* “рожать”, а термин, обозначающий скульптора, был *санкх*, “тот, кто заставляет жить”.

Как указал Блэкман (5), Тексты пирамид ясно дают понять, что возлияния и благовоения возжигались перед статуей или мумией с конкретной целью вернуть им влагу и запах, соответственно, которые тело имело при жизни.

Я уже указывал, как из представления о возможности воплощения в жизнь каменного портрета-статуи развился ряд любопытных обычаев. Среди народов, стоявших на более низком культурном уровне, которые были менее искусны в резьбе по камню, чем египтяне, изготовление статуи в натуральную величину было выше их сил. Иногда они пытались изобразить человеческую форму; в других случаях грубые изображения грудей или намеки на гениталии были единственными знаками на каменном столбе, указывающими на то, что он должен был изображать человеческую статую: во многих случаях устанавливался простой необработанный каменный блок. Но идея о том, что такая колонна, резная или нет, была жилищем какого-то умершего человека, захватила воображение и распространилась повсюду. Это видно из истории Пигмалиона и Галатеи и наоборот - из трагической истории жены Лота. Он встречается по всему Средиземноморью, всему побережью Южной Азии, Индонезии, Тихоокеанским островам и Америке и может рассматриваться как несомненное свидетельство влияния культа, который развился в связи с практикой мумификации.

Необходимо подчеркнуть, что изготовление портретных статуй было результатом практики мумификации и неотъемлемой частью культа, связанного с этим погребальным обычаем. Хартленд впадает в серьезную ошибку, когда пишет: “там, где другие народы устанавливали изображения умерших, те, кто практиковал высушивание или бальзамирование, могли сами хранить тела” (32, стр. 418). Именно люди, которые бальзамировали или сохраняли тела своих умерших, также делали из них статуи.

Поскольку эти камни, согласно таким верованиям, можно было заставить слышать и говорить (23), они, естественно, стали оракулами. Люди могли общаться и получать советы и наставления от королей и мудрецов, которые обитали внутри этих каменных колонн. Таким образом, во многих странах вошло в обычай проводить особо торжественные собрания, например, те, на которых должны были приниматься важные решения, в каменных кругах, где участники собрания сидели на камнях и общались со своими предками, бывшими правителями или мудрецами, которые обитали в камнях (или могилах) в центре круга.

Шарден в своем рассказе о каменных кругах, которые он видел в Персии, упоминает традицию, согласно которой они использовались как места собраний, где каждый член совета сидел на камне; Гомер в своем описании щита Ахиллеса в “Илиаде” говорит о старейшинах, сидящих на

месте правосудия на камнях по кругу; Плотт в своем рассказе о камнях Роллриха в Оксфордшире говорит, что Олаус Вормиус, Саксон Грамматикус, Мерсий и многие другие ранние историки сходятся во мнении, что у древних датчан была практика избирать своих королей в каменных кругах, при этом каждый член совета восседал на камне; традиция, вытекающая из этого обычая, что эти камни представляют окаменевших гигантов, широко распространена во всех странах, где они встречаются, и кол. Forbes Лесли показал, что в исторический период эти круги использовались в Шотландии как места отправления правосудия” (Лейн Фокс, (20), стр. 64). Разве наш коронованный король не восседал на Лиафиле, который сейчас находится в коронационном кресле в Вестминстере? Такие обычаи и верования широко распространены также в Индии, Индонезии и за ее пределами, как указал У. Дж. Перри. Обычаи, которые все еще наблюдаются на холмах Хасиа в наше время, ясно указывают на важность такого использования каменных сидений; и этот обычай можно встретить от Канарских островов на западе (26) до Коста-Рики на востоке, охватывая весь земной шар (сравните “Человек”, май, 1915, стр. 79).

Я более подробно остановлюсь на происхождении идей, связанных с каменными сиденьями, когда Перри опубликует свой важный анализ значения столь любопытной практики.

Противоположность вере в оживление каменных статуй — или, возможно, правильнее было бы сказать, дополняющая точка зрения о том, что если камень можно превратить в живое существо, то последнее также может быть преобразовано в камень, — встречается также везде, где известно о существовании исходной веры. Как правило, он является частью сложно переплетенной серии традиций, касающихся сотворения мира, всемирного потопа, уничтожения “сынов человеческих” в результате окаменения и повторного заселения земли в результате кровосмесительных связей “детей богов”.

Перри, изучивший географическое распространение и ассоциации этих странном образом связанных традиций, ясно продемонстрировал, что они составляют неотъемлемую часть культурного оснащения народов, поклоняющихся солнцу и использующих камни.

В приведенном выше утверждении я попытался также указать на их генетическую связь с идеями, возникшими из ранней практики мумификации в Египте.

В ранних египетских практиках есть много других любопытных черт, которые могли бы послужить соломинками, указывающими на то, как протекал культурный поток, если бы не было доступно гораздо более существенных доказательств реальности этого движения. Примером может служить распространение такого характерного предмета, как египетский подголовник, который раньше хоронили вместе с мумиями эпохи пирамид. Он широко распространен в Африке, Южной Азии, Индонезии и Тихоокеанском регионе.

Но использование кроватей в качестве погребальных носилок - гораздо более своеобразный обычай. Сторонники теорий независимой эволюции обычаев могут сказать: “Разве не естественно ожидать, что люди, которые рассматривали смерть как разновидность сна, должны были ставить подголовники и кровати в могилах своих умерших?” Но как бы такие этнологи объяснили использование погребальных носилок людьми (например, многими менее культурными людьми, перенявшими этот египетский обычай), которые сами не пользуются кроватями?

Свидетельства, предоставляемые использованием носилок, на самом деле являются наиболее четкой демонстрацией распространения обычаев. Хотя на древнеегипетских изображениях мумия, лежащая на кровати, является знакомой сценой — обычай, который, как мы знаем из египетской литературы, соблюдался на самом деле не меньше, чем обычай евреев, финикийцев, греков и римлян, — насколько мне известно, только на одном египетском кладбище — протодинастическом месте, раскопанном Флиндерсом Петри (54) в Тархане - обнаружены трупы, лежащие на кроватях. Но примерно шестнадцать столетий спустя на кладбище, раскопанном Рейснером в Судане (62), была продемонстрирована аналогичная практика. Гарстанг зафиксировал соблюдение аналогичного обычая южнее (Мероэ) в более поздние сроки.

Они образуют полезные связующие звенья с регионом вокруг верховьев Нила, где даже в наше время сохранилась эта практика, и мумифицированное тело царя кладут на грубые носилки. Позже у меня будет возможность указать, что этот любопытный обычай распространился из Восточной Африки вдоль азиатского побережья в Индонезию, Меланезию и Полинезию, отсюда на американский континент; и в большинстве мест он определенно был связан с попытками сохранения трупа.

Во многих местах на всем протяжении одного и того же большого пути вместо русла использовалась какая-нибудь лодка, обычно грубая землянка. Эта практика также наблюдалась в Египте, где ее символическое назначение ясно очевидно.

Другой отличительной чертой погребальных обычаев в том же районе была идея о том, что могила символизировала дом, в котором спал покойный. Насколько определенно этой точки зрения придерживались протоегипетяне, видно по их гробам, подземным погребальным камерам и надстройкам их гробниц, все три из которых первоначально были представлены как жилые дома (см. Мои мемуары, 94).

Тексты пирамид ясно объясняют точное значение и происхождение до сих пор загадочного и широко распространенного обычая возжигать благовония у статуи. Ибо, как указал Блэкман (5), целью было путем сжигания ароматической древесины и смол магическим образом вернуть “телу” запахи живого человека.

Следовательно, это было тесно связано с практикой мумификации и генетически связано с ней. Это было частью магической процедуры превращения портрета-статуи умершего (или позже, во времена Новой империи, самой мумии) в “эффективную живую замену человека” (Алан Гардинер).

Тщательное изучение географического распространения обычая воскуривания благовоний перед трупом и обстоятельств, связанных с такой практикой, убедило меня в том, что где бы это ни находили, даже там, где не предпринималось попыток сохранить тело, это можно рассматривать как указание на влияние египетского обычая мумификации. Ибо без такого влияния возжигание благовоний необъяснимо. Попытка некоторых авторов объяснить использование благовоний просто как средство маскировки запахов гниения не выдерживает критики. Это пример того вида так называемого психологического объяснения, которому противостоят все установленные факты.

За пределами Египта народы, которые на какое-то время переняли обычай бальзамирования, а затем по какой-то причине, такой как неспособность достичь успешных результатов или

принятие противоречивых верований или обычаев, позволили прекратить эту практику, часто продолжали соблюдать более простые части египетского погребального ритуала. Тело было помазано маслом, возможно, завернуто в соль и ароматические растения, завернуто в льняную или тонкую одежду, перед ним воскурили благовония и уложили на кровать или специальные носилки. Все эти практики зародились в Египте, исоблюдение любой из них или всех из них следует рассматривать как верный признак влияния египетского обычая мумификации. Среди более непосредственных соседей египтян, таких как евреи, греки и римляне, доказательства этого очевидны. Иногда выполнялся полный процесс бальзамирования, даже если это была лишь временная процедура, предшествующая соблюдению какого-либо другого погребального обычая, такого как кремация, возможно, вдохновленного идеями, совершенно чуждыми тем, которые привели к мумификации. Мне нет нужды перечислять примеры этого любопытного синкретизма погребальных обычаев, многочисленные примеры которых можно найти у Ройтера (63, стр. 144-147) и в Словаре Гастингса (32), а также на следующих страницах.

В самый ранний период в Египте, из которого до нас дошли исторические записи (время Первой династии, 3200 г. до н. э. или даже раньше) “любимым титулом царя был ‘Гор’, которым он идентифицировал себя как преемника великого бога [бога солнца-ястреба], который когда-то правил царством... [часто появлялись и другие символы] бок о бок с Буто, богиней-змеей северной столицы. Поскольку [царь] все еще чувствовал себя в первую очередь царем Верхнего Египта, лишь позже он надел на лоб змею Севера, священного урея”. (Брестед, 6, стр. 38). “Солнечный диск с распростертыми крыльями ястреба стал самым распространенным символом их религии” (стр. 54). Но во времена Четвертой династии “жрецы Гелиополиса теперь требовали, чтобы [царь, который всегда представлялся преемником бога солнца и носил титул “Гор”] был телесным сыном Ра, который отныне должен был появиться на земле, чтобы стать отцом фараона” (стр. 122).

Теперь, когда фараон таким образом стал отождествляться с великим богом солнца Ре, его Пирамида-храм стала местом поклонения богу солнца. Мегалитическая архитектура, таким образом, оказалась неразрывно связанной с солнцепоклонничеством просто из-за случайного изобретения искусства строительства из камня - возведения каменных гробниц, которые также были храмами жертвоприношений, — народом, который по случайности был солнцепоклонником, и гробница правителя которого стала святилищем бога солнца. Я уже объяснял тесную генетическую связь между практикой мумификации и мегалитическим строительством.

Тот факт, что господство бога солнца Ре было достигнуто в северной столице, которая также была местом поклонения змеям, привел к ассоциации солнца и змеи. [9] Из этого чисто случайного смешения солнечного диска с уреем, часто комбинируемого, особенно в более поздние времена, с крыльями ястреба Гора, возникла символика, которой было суждено распространиться, пока она не охватила весь мир, от Ирландии до Америки. Превосходный пример этого сложного американского символизма см. в Бэнкрофте, (3), т. IV., стр. 351. Более поразительной иллюстрации полноты переноса сложной и полностью искусственной конструкции из Древнего Египта в Америку невозможно было себе представить. [Полное обсуждение первоначальной ассоциации солнца и змея см. в важных Мемуарах (74).].....

Случайные обстоятельства, которые привели к объединению всех этих несовместимых элементов — мумификации, мегалитической архитектуры, представления о царе как сыне солнца, культа солнца и змеи и его любопытной символики, — были созданы в Египте, так что, где бы ни появлялись эти своеобразные обычаи или традиции, связанные одно с другим, это можно с уверенностью рассматривать как несомненный признак египетского влияния, оказываемого прямо или косвенно.

Когда некоторые современные этнологи утверждают, что для первобытных народов поклонение солнцу как очевидному источнику тепла и плодородия - самая естественная вещь в мире, и поэтому такое поклонение не может иметь ценности как показатель контакта народов, исходя из общих принципов, можно быть готовым признать обоснованность этого утверждения. Но когда осознается, что поклонение солнцу, где бы оно ни встречалось, неизменно ассоциируется с частью (или целым) большого ряда на удивление несочетаемых обычаев и верований, становится невозможным рассматривать поклонение солнцу как независимо возникшее в нескольких центрах. Почему солнцепоклонник должен также поклоняться змее и использовать крылатый символ, строить мегалитические памятники, мумифицировать своих мертвецов и практиковать множество фантастических трюков, к которым другие народы не привыкли? Нет никакой внутренней причины, по которой мужчина, поклоняющийся солнцу, должен также делать татуировки на лице, прокалывать уши, практиковать обрезание и пользоваться массажем. Фактически, до времен Новой империи египтяне, поклонявшиеся солнцу, не практиковали прокалывание ушей и нанесение татуировок, тем самым иллюстрируя тот факт, что первоначально эти практики не были частью культа, и что их возможная связь с ним была чисто случайной. Это только более определенно подтверждает точку зрения о том, что именно случайная ассоциация любопытного ряда обычаев в Египте во времена Новой империи обеспечила культурное снаряжение “гелиолитических” странников для их великого переселения.

В соответствии с египетскими верованиями “солнце рождалось каждое утро и плыло по небу на небесной ладье, чтобы прибыть на запад и спуститься, как старик, ковыляющий в могилу” (Breasted, (6), стр. 54).

Умерший мог добраться до запада, если его перевезли на барке бога солнца: дружественные духи, четыре сына Гора, могли доставить ему судно, на котором он мог переплыть: но, безусловно, большинство зависело от услуг паромщика по имени “Оборотень” (Брестед, стр. 65).

В более поздние времена (Среднее царство) в гробницу обычно клали модель полностью оборудованной лодки, “чтобы у умершего не возникло трудностей с пересечением вод к счастливым островам”. “У пирамиды Сесостриса III в песках пустыни были даже зарыты пять больших нильских лодок, предназначенных для перевозки царя и его дома по этим водам” (Брестед, стр. 176).

В более поздний период “триумф фиванской семьи принес с собой верховенство Амона.... Его сущностный характер и индивидуальность уже были стерты солярной теологией Среднего Царства, когда он стал Амоном-Ра, и с некоторыми атрибутами, заимствованными у его итифаллического соседа, Мина из Коптоса, он теперь поднялся до уникального и высшего

положения беспрецедентного великолепия” (6, стр. 248). Таким образом, к этому “гелиолитическому” комплексу идей был добавлен определенно фаллический элемент: но следует признать, что этот аспект культуры не становился навязчивым, пока не был насажден в чужих землях, где среди финикийцев и народов Индии фаллический аспект стал более подчеркнутым. Время от времени различные авторы стремились продемонстрировать фаллический мотив почти в каждом элементе рассматриваемой культуры. Что я хочу прояснить, так это то, что это было позднее дополнение, которое было относительно незначительным на первоначальном очаге культуры.

После этого отступления я должен теперь вернуться к дальнейшему рассмотрению самих мумий.

Прямое исследование мумифицированных тел, конечно, не дает каких-либо определенных доказательств нанесения масла или жировой прослойки на поверхность тела. Большое количество жировых отложений часто обнаруживалось во рту и в полости тела (78; 81 и 86); и поверхность тела часто была жирной; но, конечно, жировые отложения в самой коже могли бы послужить достаточным объяснением этого. Доктор Алан Гардинер, однако, говорит мне, что древнеегипетская литература содержит повторяющиеся упоминания о процессе помазания тела “маслом кедра”, [10] и большое внимание уделяется этой процедуре как важному элементу техники бальзамирования. [11]

Так, во времена упадка Новой империи египетский писатель сетует на ослабление власти Египта над Ливаном, потому что, если бы не было “кедрового масла”, бальзамирование мертвых могло бы стать невозможным.

Диодор Сицилийский, писавший много веков спустя, говорит, что тело “помазывали кедровым маслом и другими вещами в течение тридцати дней, а затем миррой, корицей и другими подобными веществами” (Петтигрю, 56, стр. 62). Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что умащение тела маслом было неотъемлемой частью древнеегипетской техники.

Петтигрю (56, стр. 62, а также стр. 242) приводит убедительные доводы в доказательство того факта, что египтяне (а в наше время и капуцины в Палермо) использовали тепло для высушивания тела, вероятно, в печи.

Таким образом, совершенно ясно, что древние египтяне осознавали важность высушивания как важнейшего элемента сохранения организма. Более того, они были знакомы с рядом различных средств достижения этой цели: (1) путем захоронения в сухом песке; (2) путем воздействия солнечных лучей; (3) путем удаления всех более мягких и подверженных гниению частей тела; (4) возможно, путем массажа и выжимания соков из тела; (5) путем свободного употребления алкоголя (пальмового вина) и большого количества измельченной древесины; и (6) с помощью огня.

Доктор Алан Гардинер говорит мне, что самые древние египетские письмена, такие, например, как тексты пирамид, предоставляют убедительные доказательства того, что египтяне признавали факт высыхания тела в процессе бальзамирования, поскольку их писцы самым определенным образом сообщают нам, что целью церемонии возлияния было магическим образом восстановить в теле (представленном статуей над землей) жидкости, которые оно потеряло во время бальзамирования (Blackman, 5).

Если тогда египтяне эпохи пирамид осознавали важность восстановления жидкостей для оживления мумии или ее статуи, совершенно очевидно, что они должны были оценить физический факт, что процесс их сохранения в значительной степени сводился к высушиванию.

В этой связи представляет определенный интерес и важность отметить, что основные процессы мумификации — (1) соление, (2) потрошение, (3) сушка и (4) копчение (или даже приготовление) — идентичны тем, которые используются для консервирования мяса, и (5) использование меда аналогично средствам, используемым для консервирования фруктов. Фактически, термин, используемый Геродотом для обозначения первой стадии египетского процесса мумификации, - это термин, используемый для засолки рыбы. Было бы поучительно выяснить, в какой мере эти две потребности первобытного человека в Северо-Восточной Африке взаимно влияли друг на друга и привели к приобретению знаний, полезных для сохранения как своей пищи, так и своих умерших родственников!

К составляющим элементам “гелиолитической” культуры теперь можно добавить практику помазания маслом или мазями, возжигание благовоний и возлияния, все это происходит от ритуала бальзамирования.

Рассматривая южное распространение египетского влияния, следует помнить, что еще “в 2600 году до н.э. египтяне уже начали эксплуатацию Верхнего течения Нила и были приведены военной силой до нынешней провинции Донгола” (62, стр. 23). В течение нескольких столетий Нубия и Судан были предоставлены сами себе. Затем, во времена Среднего царства, Египет вновь оказал мощное влияние на Юг. В конце этого периода Египет был захвачен гиксосами.

В Керме, недалеко от Третьего водопада, Рейснер недавно раскопал кладбище, которое он относит к гиксосскому периоду (62, стр. 23). “Погребальные обычаи отвратительны в своем варварстве. На резном ложе посреди большой круглой ямы главный персонаж лежит на правом боку головой на восток. Под головой у него деревянная подушка, а между ног - меч или кинжал. Вокруг кровати лежит разное количество тел, мужских и женских, все свернуты на правом боку, головой на восток. Среди них горшки и сковородки, косметические баночки, табуретки и другие предметы. По всему захоронению расстелена большая бычья шкура. Очевидно, что все они были похоронены одновременно. Мужчины и женщины вокруг, должно быть, были принесены в жертву, чтобы их души могли сопровождать вождя в мир иной.... Я не мог отделаться от мысли, что они были похоронены заживо” (62). Эти погребальные обряды являются самым важным звеном в цепи, которую я пытаюсь наладить. Я бы особенно обратил внимание (1) на факт принесения в жертву вождя (? жен и) слуг и (2) на погребение самого вождя на ложе.

Мы знаем, что египетская практика мумификации распространилась на юг, в Нубию (39гг.) и Судан.

Согласно Геродоту, древние макробиоты сохраняли тела своих умерших путем сушки: затем они покрывали их штукатуркой, раскрашивали так, чтобы они выглядели как живые люди, и оставляли в своих домах на год. Более полный отчет об этой практике и гораздо более поучительную информацию для сравнения см. в книге Риджуэя “Ранняя эпоха Греции”, том I., стр. 483 и далее.

Многочисленные упоминания у классических авторов наводят нас на мысль, что подобный обычай хранить мумию в доме родственников в течение более длительного или более короткого

периода, возможно, был в моде в Египте. На всей обширной территории, где практиковалась мумификация, — от Африки до Америки — точно такая же практика встречается у многих народов.

Обычай покрывать мумии гипсом[12] является интересным продолжением практики, описанной Юнкером в Египте (*видео выше*), которая, по-видимому, объясняет любопытные меры, принятые для моделирования лица в Меланезии.

Даже в наши дни, спустя столетия после исчезновения искусства бальзамирования в Египте, определенные люди, живущие по соседству с верховьями Нила, предпринимают попытки мумификации.

В своей статье в Словаре Гастингса (32, стр. 418) Хартленд утверждает, что практика мумификации встречается “более или менее по всей западной Африке: среди ниямниам бассейна Верхнего Нила сохранились тела вождей, а среди баганда - королей, и этот обычай встречается также у варунди в Немецкой Восточной Африке (Фробениус); а в британской Центральной Африке труп натирают вареной кукурузой (Вернер)”.

Роско (72, стр. 105) в своей книге о Баганде описывает процесс бальзамирования тела короля. Как и в Египте, тело потрошили, а кишки промывали пивом, точно так же, как египтяне, согласно Геродоту и Диодору, поступали с пальмовым вином. Внутренности раскладывали на солнце для просушки, а затем возвращали телу, как это делалось в Египте во времена XXIST династии. Затем тело высушивали и промывали пивом.

Насколько нам известно, египтяне никогда не приносили в жертву людей на своих похоронах, хотя они часто размещали в *сердабе мастабы* статуи жены, семьи и слуг покойного, чтобы обеспечить ему их присутствие и домашний уют в его новой форме существования.

Из цитат из отчета Рейснера только что было видно, что он обнаружил несколько захоронений, сделанных примерно в 1800 году до нашей эры, в которых, по-видимому, приносились в жертву слуги.

В случае с Багандой Роско описывает убийство жен короля и его приближенных на его похоронах.

Далее Роско описывает (в своей книге), что тело вождя было уложено на кровать или каркас из банановых деревьев (стр. 117).

По истечении пяти месяцев у мумии сняли голову, извлекли челюстную кость, очистили и затем похоронили, а над челюстью построили большой конический храм с соломенной крышей. [На островах Торресова пролива также встречается тот же любопытный обычай спасать голову примерно через шесть месяцев; но особое внимание уделялось языку, а не челюсти (25 и 27).

В Египте, где практика мумификации была наиболее успешной, особой обработки головы не требовалось, за исключением случаев времен Птолемеев (39гг.), когда небрежность бальзамировщика приводила к катастрофическим результатам и возникала необходимость “подделывать” тело для прикрепления к отделенной голове. Но поскольку баганда не смогли изготовить мумию, которая прослужила бы долго, они приняли эти особые меры в отношении черепа. Первоначально особое значение придавалось голове, в первую очередь (*см. выше*) как средству идентификации умершего. Но когда практика консервации распространилась на

некультурных людей, чьи усилия по бальзамированию оказались безрезультатными, идея была перенесена на череп, и причина особого обращения с головой, вероятно, была забыта. Почему челюсти должны быть оказаны такие особые почести, можно только догадываться, исходя из наших знаний о вере в то, что умерший должен был уметь говорить и общаться с живыми (21).

В своей статье в *Журнале Антропологического института* (72, стр. 44) Роско приводит некоторые дополнительные подробности. Четверо мужчин и четыре женщины были забиты до смерти дубинками на церемонии похорон короля.

Тело было обернуто полосками ткани из коры, и каждый палец на руке и ноге был обернут отдельно.

В *“Антропологии”* (Т. 21, 1910, с. 53) Поутрин говорит о погребальных обычаях народа М'баков во Французском Конго: “корпус, исследование эмбома, исследование трав, сеченых и раненых, кушанье в литературе”.

Уикс (104, стр. 450 и 451) рассказывает о погребальных обычаях народа бангала в Верхнем Конго. “Они вынули внутренности и закопали их, положили труп на каркас, разожгли под ним костер и тщательно просушили его дымом”. “Высушенное тело завернули в циновку и положили в грубо сколоченную хижину”. “Гробы часто делали из старых каноэ”. “Более бедных натирали маслом и порошком красного верблюжьего дерева, обвязывали тканью и заворачивали в циновку”.

Один из самых замечательных примеров сохранения погребальных практик, странно напоминающих погребальные практики древнего Египта, был описан мистером Амором Тэлботом (99). Среди народа ибибио, живущего в крайнем юго-западном углу Нигерии, на границе с Гвинейским заливом, он обнаружил, что и у ибибио, и у соседнего племени ибо были погребальные обряды, которые “напоминают обряды древнего Египта”. Например, “среди ибо до сих пор практикуется бальзамирование”. Практикуются два метода мумификации, при которых происходит потрошение трупа.

Для могилы была вырыта “яма с широким горлом”, “со дна которой подземный ход, иногда тридцати футов длиной, вел в квадратную камеру без другого выхода. В нее было положено мертвое тело, и после того, как носильщики вернулись к дневному свету, устье ямы было завалено камнями и все засыпано землей”. Далее, в случае с Ибибио: “на каком-нибудь видном месте недалеко от города в качестве мемориалов воздвигнуты сооружения, похожие на беседки, которые являются любимой собственностью умершего человека. Сзади или сбоку от них находится то, что мы всегда называли маленьким домиком “Ка”, с окном или дверью в центральную комнату, предназначенную, как и в древнем Египте, для обитания Ка или двойника умершего. Также можно увидеть фигуры Вождя с любимыми женами и рабынями — аналогами ушабти”.

На фотографиях, иллюстрирующих статью мистера Тэлбота, следует отметить много других замечательных моментов, сходных с древнеегипетскими практиками.

Змея и солнце составляют навязчивые черты грубого рисунка, нарисованного в погребальном святилище. Тот факт, что столь многие черты египетской погребальной практики должны были

быть сохранены (и в сочетании со многими другими элементами “гелиолитической” культуры) в этом отдаленном месте, на другой стороне континента, поднимает вопрос, не могла ли его близость к атлантическому побережью быть фактором, способствующим выживанию. Возможно, их спасла удаленность убежища и относительная свобода от беспорядков, которым могли подвергаться более близкие населенные пункты в центре континента. Но, с другой стороны, существует вероятность того, что распространение культуры по всему побережью, возможно, принесло эти египетские обычаи в Старый Калабар. На следующих нескольких страницах будет видно, что такая возможность не так уж маловероятна, как может показаться на первый взгляд.

Но тот факт, что у ибибио был обычай хоронить жен короля вместе с его мумией, предполагает подлинно африканское влияние, в отличие от чисто египетского, и делает вероятным распространение этого обычая по всему континенту. Эта точка зрения также подтверждается традициями самих людей, не в меньшей степени, чем физическими особенностями их черепа (см. *Отчет Британской ассоциации*, 1912, стр. 613).

Поскольку жители Берега Слоновой Кости (*видео ниже*) практикуют метод бальзамирования, который явно египетский и не испорчен африканскими влияниями, становится ясно, что два потока нилотской культуры, один через континент, через Кордофан и озеро Чад, а другой вокруг берегов Средиземного моря и Атлантики, после достижения Западного побережья, должно быть, встретились где-то между устьем Нигера и берегом Слоновой Кости.

[С момента написания вышеприведенных абзацев, в которых выводы относительно расовых перемещений по Африке основывались исключительно на распространении и методах мумификации, я познакомился с замечательным подтверждением этих взглядов из двух разных источников. Фробениус в своей книге “Голос Африки”, 1913 (см., в частности, Карту на стр. 449, том II.), проводит идентичное разграничение двух сфер влияния с востока, трансафриканской и циркумафриканской (*т.е., через Средиземное море*) соответственно.

Сэр Гарри Джонстон (“Обзор этнографии Африки”, *Журнал. Roy. Anthr. Inst.*, 1913, стр. 384) дает еще более точное и определенное подтверждение маршрута, по которому прошла египетская культура - миграции через Кордофан к озеру Чад, оттуда в бассейн Нигера и “во все части Западной Африки”.

Далее он добавляет (стр. 412 и 413): “Поклонение камню и использование камня в строительстве и погребении простираются от Северной Африки на юг через пустынный регион до Сенегамбии (спорадически) и северных частей Судана, а также до Сомалиленда. Суеверное использование камня в связи с религией, погребением и памятниками после смерти снова появляется в йоруба, на северо-западе Камеруна и прилегающем регионе Калабар (Экирланд)”.]

С целью бальзамирования тел своих умерших “баулы Берега Слоновой Кости удаляют кишки, промывают их пальмовым вином или европейским спиртом, вводят спирт и соль в полость тела, после чего заменяют кишечник и зашивают отверстие”. (Клозель и Вилламур, цитируемые Хартлендом, (32), стр. 418.)

По западным берегам Африканского континента разбросаны многочисленные этнологические признаки, свидетельствующие о том, что он подвергся влиянию мегалитической культуры,

распространившейся из Средиземноморья. Но нет места, где это влияние и его египетское происхождение были бы продемонстрированы более определенно, чем на Канарских островах.

Ибо искусство бальзамирования практиковалось там по истинно египетскому обычаю; и стало предметом определенного интереса выяснить, повлияли ли каким-либо образом обычаи гуанчей на нигерийские обычаи.

Нет никаких сомнений в том, что практика на берегу Слоновой Кости, о которой только что говорилось, была вдохновлена либо гуанчами, либо тем же влиянием, которое положило начало бальзамированию на Канарских островах.

Информация, которой мы располагаем относительно Канарских островов, была собрана Бори де Сент-Винсентом (“Острова удачи”, 1811, стр. 54) и обобщена многими авторами, особенно Петтигрю, Хейгом и Ройтером.

Из рассказа мисс Хейг (26, стр. 112) Я привожу следующие выдержки:—

“Когда кто-либо умирал, они сохраняли тело таким образом; сначала они относили его в пещеру и растягивали на плоском камне, вскрывали и вынимали внутренности; затем дважды в день они промывали пористые части тела солью и водой; после этого они смазывали его составом из овечьего масла, смешанного с порошком, приготовленным из пыли сгнивших сосен, и какого-то хвороста, называемого “Брессос”, вместе с толченой пемзой, а затем сушили на солнце в течение пятнадцати дней....

Когда тело полностью высыхало и становилось очень легким, его заворачивали в овечьи или козьи шкуры, туго перевязывали длинными кожаными ремнями и относили в один из замогильных гротов, обычно расположенных в самых недоступных частях острова.

Тела лежали либо вертикально, прислоненные к стенам пещеры, либо бок о бок на своего рода строительных лесах, сделанных из веток можжевельника, мокана или другого нетронутого дерева.

“Ножи для вскрытия тела были сделаны из острых кусков обсидиана.

“В гроте Такоронте была найдена мумия старой женщины, высушенная в сидячей позе, как у перуанских трупов”.

Мумии были завернуты в красноватую козью шкуру, точно так же, как саваны египетских мумий часто были из красного льна.

Из той же статьи, в которой, как утверждается в приведенной выше цитате, тело было положено на камень с целью бальзамирования, я хотел бы привлечь внимание к следующему утверждению о любопытном обычае, который встречается в самых разных частях света, в большинстве случаев в связи с практикой мумификации.

Традиция гласит, что при своем восшествии на престол новый Менси (или глава княжества) должен усесться на камень, вырезанный в виде стула и покрытый шкурами: один из его ближайших родственников преподносит ему священную реликвию — кость правой руки главы царствующей семьи (стр. 107). Я уже (*выше*) указывал на значение этой характерной черты “гелиолитической” культуры.

Ройтер (63) приводит некоторую дополнительную информацию относительно бальзамирования гуанчей. Разрез был сделан в нижней части живота (на боку). После обработки тела насыщенным соевым раствором внутренние органы были возвращены в тело. Отверстия носа, рта и глаз были “заткнуты битумом, как это было принято в Египте”. После набивки полостей тела ароматическими растениями тело выставляли либо на солнце, либо в печь, чтобы высушить его.

Во время этой операции другие бальзамировщики неоднократно смазывали тело своего рода мазью, приготовленной путем смешивания определенных жиров с растертыми в порошок пахучими растениями, смолой, пемзой и абсорбирующими веществами (стр. 139).

Как и в Египте, согласно Геродоту и Диодору, — и мои собственные наблюдения подтвердили их рассказ, во всяком случае, в том, что касается его главной особенности, — существовал другой метод бальзамирования, при котором не делался разрез брюшной полости, за исключением прямой кишки.

Когда применялся этот более дешевый метод, труп высушивали на солнце и вводили какую-то едкую жидкость, называемую у египтян “кедрия”, а у гуанчей, как предположил доктор Парчелли, это сок молочая, с целью растворения кишечника и, таким образом, облегчения процесса консервирования за счет удаления основного очага разложения.

[Важно напомнить факт, на который я уже ссылался в этом отчете, что на островах Торресова пролива также использовались те же два альтернативных метода потрошения, либо через боковой разрез, либо через прямую кишку.]

Большинство мумий, завернутых в козы шкуры, были похоронены в пещерах. Но останки королей и принцев были помещены в гробы, вырезанные из цельного бревна, и похоронены (головой на север) под открытым небом, а над ними был воздвигнут памятник пирамидальной формы.

Важно иметь в виду, что как в Восточной, так и в Западной Африке, а также на Канарских островах технические процедуры мумификации являются теми, которые не были приняты в Египте до времен XXIST династии. Я уже обращал внимание на этот факт в своих ссылках на мумии из Торресова пролива (*видео выше*) и на вывод о том, что эти обширные миграции под влиянием Египта не могли начаться ранее девятого века до нашей эры

(Для получения более полных библиографических ссылок см. Петтигрю, (56), стр. 233.)

Большая серия идентичных процедур позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что метод бальзамирования, практикуемый на Канарских островах, был заимствован из Египта не ранее 900 г. до н.э.

Ройтер утверждает (63, стр. 137), что “карфагеняне в результате длительных торговых отношений с Египтом усвоили его цивилизацию вплоть до поклонения некоторым египетским богам и принятия многих ее идей и верований относительно будущей жизни”.

“Эти причины побудили их практиковать искусство бальзамирования и изображать черты умерших на своих саркофагах, чтобы душа могла вновь обрести своего двойника”.

“Их погребальные камеры, по большей части не застроенные, а высеченные в скале, сообщались с внешним миром лестницей. Над ними были построены мастабы, или монументы, которые использовались, как у египтян, в качестве мест для подношений” (стр. 138).

“Даже надписи в камерах погребения были написаны иероглифами, а их саркофаги содержали скарабеев, на которых были начертаны обращения к египетским богам Птаху, Бесу, Ра и т.д.”.

Этой ссылки достаточно, чтобы показать, как более поздние (определенно не ранее 900 г. до н.э. и, вероятно, несколькими столетиями позже) египетские обычаи распространились по всему Средиземноморью.

Я не предлагаю (в настоящем сообщении) обсуждать влияние и способ распространения практики мумификации в Европе. Агентство Reutter предоставляет определенную информацию по этому вопросу. Достаточно будет сказать, что нет никаких свидетельств того, что мумификация была широко распространена в Средиземноморье до сравнительно поздних времен (Новая империя и позже), хотя определенные последствия египетской практики, такие, например, как “расширенное погребение”, распространились за границу много веков назад, появившись в большинстве регионов на этапе энеолита.

Процедуры, выявленные на Канарских островах, не несут в себе и следа влияния негритянской Африки, на которое я обращал внимание (*выше*) в Судане, Уганде, Конго и Нигере. Детали техники наводят на мысль о методе, применявшемся при XXIST династии; а другие особенности, по-видимому, указывают на вывод о том, что эта практика, должно быть, достигла Канарских островов из Западного Средиземноморья через Гибралтарский пролив, что вполне вероятно, через финикийские каналы.

[Полное критическое обсуждение всей литературы, касающейся египетского влияния в Западной Африке, см. в Dahse, “Ein zweites Goldland Salomos”, *Zeitsch. f. Ethn.*, 1911, стр. 1. Масса свидетельств, собранных в этих мемуарах, полностью подтверждает выводы, к которым я пришел в результате изучения мумификации.]

Со ссылкой на Вавилонию Лэнгдон (32) утверждает: — “Следов бальзамирования обнаружено не было, но Геродот говорит, что вавилоняне консервировали в меду. Но был обнаружен текст, в котором упоминается бальзамирование кедровым маслом (цитируется Мейснером, *Wiener Zeitsch. f. Kunde des Morgenlandes*, xii, 1898, стр. 61). В любом случае бальзамирование не характерно для вавилонских захоронений, и этот обычай может быть связан с египетским влиянием”.

Я думаю, не может быть никаких сомнений в египетском происхождении этих случаев бальзамирования в Вавилонии. Сам факт его спорадического появления в стране, для которой оно не характерно, ясно указывает на этот вывод, что подтверждается акцентом, делаемым на использовании кедрового масла — явный признак египетской практики. Упоминание Геродота об употреблении меда в Вавилонии также представляет особый интерес, поскольку оно дает нам связующее звено между Средиземноморьем и Индией и Бирмой.

На широкое использование меда для сохранения здоровья тела греками, римлянами, евреями и, возможно, также египтянами указывают частые ссылки на эту практику в классических произведениях, которые были обобщены Петтигрю с многочисленными цитатами (56, стр. 85-87).

Использование меда предполагает распространение египетского влияния на Вавилонию *через* Средиземноморье и Сирию, поскольку, насколько известно, такой метод использовался только на средиземноморском побережье Египта, в Финикии и Эгейском море.

Что касается использования воска в процессе бальзамирования, многочисленные примеры которого можно найти на древнеегипетских мумиях, особенно новой империи (86), Петтигрю (стр. 87) замечает: “Тело царя Агесилая было завернуто в воск и таким образом доставлено в Лакедемон. Это подтверждается Корнелием Непотом, а также Плутархом, которые объясняют использование воска нехваткой меда для этой цели. Цицерон сообщает об использовании его персами.

В своем рассказе о методах, используемых скифами (живущими к северу от Фракии) для мумификации своих царей, Геродот сообщает нам, что тело покрывали воском, вскрывали брюшную полость, очищали ее, а затем наполняли толчеными стеблями, благовониями, семенами аниса и дикого сельдерея, а затем зашивали. Важное влияние обычаев, описанных на побережье Черного моря, на индийские и бирманские обычаи (*видео ниже*) я должен приберечь для обсуждения чуть позже.

Из последующего рассказа будет видно, что в Бирме в наше время мед использовался для бальзамирования.

В статье о персидских погребальных обычаях (32, с. 505) доктор Луис Х. Грей говорит: “К сожалению, нашу единственную информацию по этому предмету [древнеперсидским обрядам] пока приходится черпать из скудных утверждений классиков. Если мы можем судить по гробницам ахеменидов, их тела не были обнажены, как того требовал зороастризм; но ни в коем случае не исключено, что они были покрыты воском или даже, как предполагает Джексон[13] (“Персия, прошлое и настоящее”, стр. 235), ”возможно, забальзамированы на манер египтян”.

В более поздние времена персы, по-видимому, находились под влиянием обычаев, вошедших в моду в раннехристианские времена в Египте, до прихода ислама. Так, в “Истории Молля” (46, стр. 545) это утверждение относится к мусульманским обычаям погребения в Персии; “если это [тело] должно быть похоронено на большом расстоянии, его кладут в деревянный гроб, наполненный солью, известью и благовониями, чтобы сохранить его; ибо в Персии они не бальзамируют свои мертвые тела иначе и никогда не замуровывают их, как у нас”. О том, что это всего лишь деградированная форма египетской практики бальзамирования, свидетельствует тот факт, что она идентична методу, использовавшемуся коптами в Египте до седьмого или, возможно, даже до конца девятого века нашей эры, и в их случае мы знаем, что это развитие или деградация древней практики.

Этот метод, по-видимому, распространился и в Индии, поскольку мистер Крук сказал мне, что даже в наши дни некоторые аскетические ордена хоронят своих умерших в соли.

В книге Молля также встречается следующее любопытное утверждение, стр. 474: “Мумия, представляющая собой забальзамированную человеческую плоть, которая пролежала в сухой земле несколько веков и стала твердой, как рог, часто встречается в песках Хорассана или

древней Бактрии, и говорят, что некоторые тела настолько мало изменены, что черты лица можно отчетливо различить”.

При изучении распространения обычая мумификации на восток совершенно очевидно, что основной поток путешественников, которые несли знания на восток, должен был исходить с восточноафриканского побережья, потому что целый ряд модификаций египетского метода, которые были внедрены в Судане и южнее, также обнаружены в Индонезии, Полинезии и Америке. Любопытной особенностью египетского бальзамирования в XIX и особенно в XXIST династиях (78 и 86) было использование сливочного масла для упаковки мумий. Среди баганда, по словам Роско, этой практике стали придавать особое значение. Мистер Крук дал мне ссылки на индийскую литературу (особенно см. *Журнал. Anthr. Сок. Бомбей*, том I., 1886, стр. 39), чтобы тела были “искусно забальзамированы небесными снадобьями и *гхи*” [топленным маслом].

Древние арии имели обыкновение выпотрошивать труп и заполнять полость *гхи* (Митра, “Индоарийцы”, Лондон, 1881, т. I., стр. 135), как это было сделано в случае с мумией знаменитого фараона Менептаха (86).

Специфически средиземноморские модификации также распространились на восток, и представляется наиболее вероятным, что в данном случае был выбран путь из Сирии вниз по Евфрату в Персидский залив.

[Поскольку это было опубликовано, дальнейшее расследование с замечательной точностью прояснило пути и средства, а также побудительные мотивы великого переселения народов на Восток. Это требует некоторого изменения предыдущего (а также многих последующих) пунктов. Было замечено, что великая волна культуры принесла на восток и запад из Египта особый метод бальзамирования, который в полной мере вошел в употребление где-то около 900 г. до н.э.; следовательно, вероятно, восьмой век до н.э. стал свидетелем начала серии экспедиций, которые, вероятно, растянулись на многие столетия. Не может быть простой случайностью, что указанный период совпадает со временем, когда финикийцы предпринимали морские предприятия в гораздо большем и дерзновенном масштабе, чем мир знал до тех пор, в Средиземном и Атлантическом океанах, в Красном море и за его пределами. В ходе своих торговых экспедиций в Баб-эль-Мандеб эти левантийские мореплаватели принесли в этот регион более полные знания об обычаях Египта и всего финикийского мира в Средиземноморье. Вероятно, именно таким образом, а не по пути Евфрата, культура Леванта достигла Персидского залива и Индии.

Миграция культуры на восток, начавшаяся из региона Баб-эль-Мандеб, передала не только эфиопские модификации египетских обычаев, но и египетский и средиземноморский вклад, который финикийцы принесли в Эфиопию. Как-нибудь в будущем я расскажу о важной роли финикийцев в этих экспедициях на Дальний Восток.]

К сожалению, практически ничего не известно о практике мумификации на Южном побережье Аравии. Бент говорит нам, что жители Юга Аравии сохраняли своих мертвецов. Более того, поскольку египтяне получали из Сабеи большую часть материалов, используемых для бальзамирования, не исключено, что арабы также могли научиться использовать эти консерванты.

В подтверждение этого предположения я мог бы сослаться на свидетельства с Мадагаскара. Хорошо известно, что этот остров был колонизирован в древние времена людьми из окрестностей Баб-эль-Мандеба, вероятно, галлами с побережья Сомали, а также сабейцами с побережья Аравии, возможно, переправленными вдоль африканского берега опытными мореплавателями из Омана и Персидского залива, либо самими финикийцами, либо их родственниками. Более многочисленный элемент прибыл с далекого Малайского архипелага. Один или оба этих расовых элемента, возможно, ввели практику мумификации на Мадагаскаре.

В своей “Истории Мадагаскара” (1838, т. I, стр. 243) Эллис говорит, что “обычного бальзамирования не было”, но “тело какое-то время сохранялось с помощью большого количества бензоиновой смолы или других порошкообразных ароматических смол”. Этот метод сильно намекает на южноаравийское влияние.

Хартленд говорит, что “бецилео [и другие мадагаскарские племена] высушивают труп на воздухе, при этом жидкостям помогают выделяться” (32, стр. 418).

Грандидье, однако, дает нам более точную информацию по этому вопросу (“Смерть и похороны на Мадагаскаре”, *L'Anthropologie*, Т. 23, 1912, стр. 329). Согласно ему, бецилео вскрывают тело умершего и удаляют все внутренности, которые они выбрасывают в озеро: у мерина внутренности удаляют только у их суверенов или членов королевской семьи.

Практика мумификации среди бецилео представляет особый интерес, потому что забальзамированные тела захоронены в каменных гробницах, явно вдохновленных египетскими моделями. Подземная мегалитическая погребальная камера в сочетании с продолговатой надстройкой, похожей на *мастабу*, сразу напоминает отличительные черты египетской гробницы. Но есть любопытная особенность, наводящая на мысль о вавилонском влиянии, а именно, расположение храмажертвоприношений на вершине *мастабы*. В некоторых отношениях этот тип захоронений напоминает те, что были найдены на Бахрейнских островах Бентом (4), которые он сравнивает с ранними финикийскими гробницами в Арваде (55). Не может быть никаких сомнений в том, что последние были скопированы с фиванских гробниц Новой империи (см. выше).

Это, по-видимому, совершенно ясно указывает на тот факт, что погребальные практики Бецилео были вдохновлены египетскими моделями, возможно, модифицированными южноарабскими влияниями.

В книге Холла “Великое Зимбабве” (1905, стр. 94 и 95) утверждается, что “бадума, которые живут в стране Гуту, а также баротсе, до сих пор бальзамируют или, скорее, высушивают тела своих вождей, а также умерших членов определенных семей, хотя обычно тела хоронят вдоль на правом боку, лицом к солнцу. Тело кладут в хижину на носилки, сделанные из жердей, возле большого костра и постоянно переворачивают, пока тело не высохнет. Затем его заворачивают в одеяло и подвешивают к крыше” [как это делается в районе залива Доре в Новой Гвинее].

Существовали значительные споры относительно происхождения огромных каменных памятников в этом регионе. Автор, которого я только что процитировал, как и многие другие, полагал, что руины Зимбабве - дело рук ранних сабейских или финикийских иммигрантов, которых привлекли золотые прииски Родезии. Рэндалл-Макивер полагал, что нашел китайские и персидские реликвии (не ранее 14-го или самое раннее 13-го века) под фундаментами; и опрометчиво сделал поспешный вывод, что местные негры задумали и построили эти огромные

памятники! Мысль о том, что какой-либо дикий народ, и особенно негры, планируют такие сооружения и берут на себя огромный труд по их возведению, безусловно, слишком нелепа, чтобы рассматривать ее всерьез. Даже если эти памятники были построены не ранее пяти-шести веков назад, это не опровергает гипотезу о том, что они были вдохновлены моделями какой-то древней цивилизации. Необходимо ли излагать всю теорию выживаемости, чтобы прояснить этот момент? Все эти мемуары посвящены сохранению в отдаленных уголках мира странных практик, изобретатели которых скончались двадцать восемь веков назад и чья страна забыла о них и их работах более тысячи лет назад. [Мой друг, У. Дж. Перри, собирает другие свидетельства, которые совершенно определенно доказывают, что культура Зимбабве была “гелиолитической”.]

В "Истории Молля" (46) в "Описании обычаев Цейлона" встречается следующий отрывок, стр. 430: “когда умирает знатный человек, его тело раскладывают, обмывают и, накрыв льняной накидкой, выносят на носилках на какое-нибудь возвышенное место и сжигают: но если он был офицером, принадлежащим ко двору, тело не сжигают до тех пор, пока король не отдаст приказ об этом, что иногда происходит спустя значительное время. В этом случае его друзья выдалбливают тело из дерева, и, выпотрошив и забальзамировав тело, они кладут его внутрь, наполняя дупло перцем и закрыв его как можно плотнее, они хоронят труп в какой-нибудь комнате дома, пока король не прикажет его сжечь”.

“Что касается более бедных людей, то они обычно заворачивают их в циновки и хоронят”.

Рассказ этого путешественника не привлек бы серьезного внимания, если бы он не подтверждался современными сообщениями об аналогичной практике в Бирме и ее окрестностях.

В своем “Гималайском дневнике” сэр Джозеф Хукер описал, как хасиа временно бальзамируют своих умерших в меде перед кремацией.

Петтигрю (56, стр. 245) цитирует рассказ капитана Кока о бальзамировании бирманского священника. Тело, как он засвидетельствовал, лежало на виду у публики на сцене, сооруженной из бамбука. Это носилки, которые так неизменно ассоциируются с мумификацией.

“Внутренности умершего (который был мертв более месяца) были извлечены через несколько часов после смерти с помощью разреза в желудке, и вакуум, заполненный медом и специями, был зашит. Затем все тело покрывалось небольшим слоем смолистого вещества, называемого *дхаммой*, и воска, чтобы защитить его от воздействия воздуха, после чего оно богато покрывалось листовым золотом, придавая телу вид одного из тонко отлитых изображений, столь распространенных в храмах почитателей Будха”.

Затем тело кремировали.

Это любопытный пример смешения обычая мумификации с более поздней практикой кремации, которая была вдохновлена совершенно иными идеалами. По всей территории, где были приняты египетские методы бальзамирования, обнаружены многочисленные примеры такого синкретизма с различными погребальными обычаями.

“Другой метод, который, как мне известно, практикуется, но не такой распространенный, как описанный выше, при бальзамировании тел в бирманской стране, заключается в проталкивании двух полых бамбуковых стволов через подошвы ног вверх по ногам в тело умершего; затем путем надавливания жидкость отводится через бамбуковые стволы в землю”.

Эта практика является важным связующим звеном между египетским и индонезийским методами.

В своей статье о тибетских погребальных обычаях (32, стр. 511) Уодделл сообщает нам, что сохранение всего тела путем бальзамирования, по-видимому, ограничено суверенными великими ламами Ласа и Ташилхумпо. “Тело бальзамируется путем посола и, облаченное в одежды умершего и окруженное его личными культовыми принадлежностями, помещается в позе сидящего Будды в позолоченный медный саркофаг в одной из комнат дворца: затем ему поклоняются как божеству”.

В этой практике есть много интересных моментов, которые, рассматриваемые в сочетании с только что упомянутыми методами, практикуемыми в Бирме, на Цейлоне и в Персии, ясно указывают не только на источники и пути распространения знаний о бальзамировании из Египта, но и на то, как погребальные обряды самых разных народов могут тесно сочетаться друг с другом.

В книге капитана Т. Х. Левинса ‘Дикие племена Юго-Восточной Индии’ (Лондон, 1870, стр. 274) я нахожу следующее утверждение: “У кланов дхун и Кхорн тело кладут в гроб, сделанный из полого ствола дерева с отверстиями в дне. Это кладут на высокую платформу и оставляют сушиться на солнце. Затем высушенное тело укладывают в земляную вазу и закапывают; голову отрезают и консервируют. Другой клан обматывает своих умерших оболочкой из сердцевины; затем труп кладут на платформу, под которой поддерживают медленный огонь, пока тело не высохнет. Затем труп хранят в течение шести месяцев ... затем его закапывают. Клан Хаулонг подвешивает тело к балкам дома на семь дней, в течение которых жена покойного должна сидеть под ними и прясть”.

Эти интересные записи представляют значительную ценность для установления связей между Восточной Африкой и регионами, расположенными дальше на восток, что будет обсуждаться на следующих страницах.

[В поисках информации о практике бальзамирования в Индии, где, как я был убежден, в древние времена это было в моде, я совершенно упустил из виду важные мемуары мистера У. Крук “Примитивные обряды захоронения мертвых, с особым упоминанием Индии” (*Журнал. Антроп. Инст.*, том. XXIX, 1899, стр. 272). Поскольку остальная часть этой статьи была опубликована, мистер Крук любезно привлек мое внимание к своим мемуарам и предоставил мне много другой ценной информации. К счастью, все эти свидетельства подтверждают мнения, к которым я ранее пришел индуктивным путем. Поскольку они обеспечивают полный ряд связующих звеньев между западной и восточной частями реконструируемой мной цепи. Это слишком объемно, чтобы вставлять сюда, и слишком важно, чтобы просто резюмировать,

так что я должен отложить более подробное обсуждение этого индийского свидетельства до некоторого будущего.]

Если допустить, что обычай мумификации в том виде, в каком он практикуется, например, на островах Торресова пролива, произошел из Египта, пусть даже отдаленно и косвенно, то становится ясно, что, поскольку этот метод включает в себя ряд любопытных особенностей, которые не были внедрены в Египте ранее XVIII, XX и XXIST династий (соответственно, в случае различных процедур), миграция людей, использующих методы мумификации на восток, не могла произойти из Египта раньше времени XXIST династии, скажем, 900 г. до н.э. как самая ранняя возможная дата. В то время Египет находился в очень тесных отношениях с Суданом и Западной Азией; и очевидно, что египетские обычаи могли проникнуть в Персидский залив тремя путями: (1) через Судан, верховья Нила и побережье Сомали, (2) по Красному морю и (3) с Финикийского побережья вниз по Евфрату. Несомненно, все три маршрута служили путями коммуникации и передачи культурных влияний; и для наших непосредственных целей нет необходимости выяснять, какой канал служил для передачи каждого элемента египетской культуры, влияние которого ощущалось в окрестностях Персидского залива в этот период. Ибо это был период активных морских предприятий, особенно со стороны финикийцев, как в Средиземном, так и в Южных морях, и время, когда переменчивая политическая судьба Египта, Западной Азии и Судана привела к более тесному смешению народов, так что они оказывали самое глубокое взаимное влияние друг на друга.

Важно помнить, что многие особенности искусства бальзамирования в том виде, в каком оно практикуется на Дальнем Востоке, являются модификациями египетского метода, который впервые был внедрен в регионе Верхнего Нила, так что отправной точкой для таких методов должно было стать восточноафриканское побережье. Другие особенности, не только метода бальзамирования, но и связанной с ним мегалитической архитектуры, были столь же характерны для финикийского региона и, возможно, были переданы по Евфрату.^[14] Другие особенности снова были явно вавилонскими. Из первых, под африканским влиянием, я мог бы упомянуть использование каркасной подставки для мумии, обычай отсекал голову через несколько месяцев после погребения и принесение в жертву жен и слуг. Что касается финикийского и вавилонского влияний, то можно упомянуть использование меда и акцент на “кедровом” дереве и “кедровом” масле при мумификации; и финикийскую адаптацию фиванской гробницы нового имперского типа, которую видели в Арваде, и аналогичных гробниц, найденных на Бахрейнских островах (4). Гробницы Бетсилео на Мадагаскаре, вероятно, представляют собой тот же тип, перенесенный через Сабею вдоль побережья Восточной Африки.

Относительно средств, с помощью которых обычаи жителей окрестностей Персидского залива были переданы народам Индии и Цейлона, имеется значительная масса свидетельств. Тот факт, что мумификация, строительство мегалитических памятников признанных средиземноморских типов, поклонение солнцу и змеям и все другие атрибуты “гелиолитической” культуры появились в Индии в доарийские времена, является положительным доказательством реальности общения. Я уже упоминал о принятии в Индии любопытно эксцентричного метода управления речными судами, обнаруженного в египетских гробницах Среднего царства; а обычай изображать глаза на носу лодки - дополнительные иллюстрации распространения отличительных практик. Согласно Рису Дэвидсу (14, стр. 116), “теперь можно принять в качестве рабочей гипотезы, что морские торговцы [в основном дравиды, а не арийцы], пользуясь

муссонами, в начале седьмого (и, возможно, в конце восьмого) века до нашей эры вели торговлю из портов на юго-западе Индии в Вавилон, который в то время был крупным торговым центром”. Он приводит доказательства, которые ясно демонстрируют, что письменность Индии, Цейлона и Бирмы была таким образом получена от “досемитской расы, ныне называемой аккадцами”. “Кажется почти невозможным избежать вывода о том, что [те] любопытные здания [в Анурадхапуре на Цейлоне] не были полностью лишены связи с семиэтажными зикгаратами, которые были столь заметной особенностью среди зданий Халдеи.... похоже, что и в этом случае индийцы позаимствовали идею” (стр. 70). Более точное и определяемое влияние вавилонских моделей дальше на восток устраняет любые сомнения относительно той роли, которую они сыграли. Крук говорит о южных дравидах как о морском народе, который помещал в свои курганы “бронзовые изделия, которые, вероятно, были ввезены в ходе торговли с Вавилонией” (12, стр. 29). “Вероятно, они были строителями замечательной серии грубых каменных памятников, которые венчают холмы хребта Нилгири и плато Декан” (стр. 28). Самые древние каменные памятники на Юге Индии содержат предметы, которые доказывают, что они были построены в самом раннем возрасте, незадолго до появления обработки железа. Таким образом, если знания о обработке железа пришли из Европы, эти памятники не могли быть построены задолго до 800 г. до н.э. На самом деле известно, что многие из них не могут быть старше 600 г. до н.э. (Крук, 13, стр. 129). Все эти факты подтверждают точку зрения о том, что влияние Египта, которое, насколько это касается рассматриваемых вопросов, начало действовать не ранее восьмого века до нашей эры, распространилось на Индию частично через Вавилонию и частично через Восточную Африку, где-то между концом восьмого и началом шестого века до нашей эры

Памятники, о которых я только что говорил, были, на мой взгляд, вдохновлены Египтом не напрямую, а косвенно. Северная Сирия и прилегающие территории переняли египетские обычаи погребения в более ранний период, и готовый тип дольмена с отверстиями, вероятно, был разработан и сохранился в этом регионе еще долго после того, как его египетский прототип ушел в прошлое. Настоящие типы, дошедшие до наших дней, найдены на Кавказе, между Черным и Каспийским морями. Индийские дольмены, безусловно, были имитациями этих моделей. Но в отношении других построек индийцы прямо переняли вавилонские и египетские типы. Я уже упоминал о первых. Многие из дравидийских храмов настолько точно смоделированы по плану фиванских храмов Новой империи, что усомниться в источнике вдохновения первых невозможно.

“Фергюссон первым обратил внимание на поразительное сходство в общем устройстве и концепции между великими южноиндийскими храмами и храмами Древнего Египта.... Гопурамы, или надвратные башни, которые в более поздних, более богато украшенных примерах украшены от основания до вершины скульптурами индуистского пантеона, увеличиваются в размерах вместе с размерами четырехугольников, обнесенных стенами, внешние из них становятся внушительными ориентирами, которые видны на многие мили вокруг и поразительно похожи на пилоны египетских храмов” (Терстон, 101, стр. 158 и 161). Таким образом, в вопросе о своих ранних постройках Индия явно находилась под влиянием Египта, Финикии и Халдеи; и эта великая культурная волна обрушилась на Индийский полуостров не ранее конца восьмого века до нашей эры

Важно также помнить, что он достиг Индии незадолго (возможно, не более чем за столетие) до того, как другая волна совершенно иной культуры хлынула с севера и ввела, среди прочего, практику кремации.

Для нашей непосредственной цели это прискорбно, потому что эта практика вдохновлена идеями, совершенно противоположными тем, которые лежат в основе обычая бальзамирования, и, естественно, уничтожила большинство, хотя и далеко не все, следов последнего. О том, что практика бальзамирования действительно пришла в Индию с запада, известно не только потому, что свидетельства явно египетской техники найдены дальше на восток, но и потому, что в Индии и на Цейлоне сохранились определенные следы этого обычая, о котором уже упоминалось на предыдущих страницах. Случаи из Персии, Цейлона, Индии, Бирмы и Тибета приводились в качестве доказательства сохранения элементов процесса бальзамирования или ритуала, даже когда были приняты брахманические и буддийские практики погребения.

Из приведенного выше рассказа не может быть никаких сомнений в том, что народ Индии когда-то практиковал мумификацию, во всяком случае, в отношении своих вождей. Они также приобрели знания об искусстве и ремеслах в результате влияния богатого потока культуры, который принес достижения великих западных цивилизаций в Индию до иммиграции айранов. Носители этой новой культуры смешали свою кровь с коренным доправидийским населением, и в результате появились дравиды. Вовсе не исключено, что возникшая в результате дравидийская цивилизация достигла более высокого уровня, чем у ариев, которые пришли в страну после них.

В интересной и наводящей на размышления брошюре Олдхэма (51, стр. 53-55), которая, несмотря на резкую критику Крука, представляется мне ценным вкладом в изучение обсуждаемых вопросов, встречаются следующие отрывки:—

“Асуры, дасью, или наги, с которыми арии вступили в контакт, приблизившись к границам Индии, были не дикими племенами аборигенов, а цивилизованным народом, у которого были города и замки. В Ведах говорится, что некоторые из них были построены из камня.

“Действительно, может показаться, что асуры достигли более высокого уровня цивилизации, чем их арийские соперники. Некоторые из их городов имели значительное значение. И, в дополнение к этому, писатели-брахманы приписывали асурам богатство и роскошь, использование магии, превосходное архитектурное мастерство и способность возвращать мертвых к жизни”.

“Способность возвращать мертвых к жизни”, вероятно, отсылает к египетскому ритуалу “открывания рта”, который, конечно же, является неотъемлемой частью погребальной процедуры, связанной с практикой мумификации.

“Наги занимают очень видное положение в индийской астрономии, и вряд ли оно было присвоено им их соперниками-брахманами без веской причины. Вероятно, эта и другие отрасли науки были принесены асурами со своей древней родины в странах между Каспийским и Персидским заливами.

“Часто замечалась тесная связь между индийской и халдейской астрономическими системами.

“Поклонение солнцу асуров; почитание ими нагов или змей в капюшоне, иногда изображаемой со многими головами; их обожествление королей и предков; их почитание кедра; их религиозные танцы; их права на жертвоприношения; их общение с божествами через посредство вдохновенных пророков; их временная склонность к демократическим институтам; их использование племенных эмблем или тотемов — и многие из их социальных обычаев, по—видимому, связывают их с той очень ранней цивилизацией — туранской или какой-либо другой, - которую мы находим у столь многих народов глубокой древности. На самом деле у них было много общего с первыми жителями Вавилонии; и, возможно, даже больше с жителями Элама и соседних стран.

“Позже мы увидим, что асуры и дравиды были, по-видимому, одним и тем же народом”.

“ Асуры или наги были не только цивилизованным народом, но и морской державой. Удерживая оба берега великой реки Инд, они, должно быть, имели доступ к морю с очень раннего периода. Их родство также со змеепоклонническим народом древней Мидии и соседними странами, о котором уже говорилось, должно было привести к очень раннему развитию торговли с Персидским заливом.

“Асуры были активно вовлечены в ”Вспенивание океана" (*Махабхарата, Ади, Астика*, стр. xviii), что является всего лишь аллегорическим описанием морской торговли в ее первые дни" (*указ. соч.*, стр. 58).

В *Махабхарате* океан описывается как обиталище нагов и резиденция асуров; также говорится, что он был убежищем побежденных асуров (*Махабхарата, Ади, Астика*, стр. xxii.). Без сомнения, это произошло потому, что банды мародеров этого народа отступили на свои корабли после неудачного набега. Таким образом, мы обнаруживаем, что после смерти Вриты его последователи нашли убежище в море (*Махабхарата, Вана, Тиртхаятра*, стр. iii.). То же самое сделал Асура Панчаджана, который жил в Патале, когда его преследовал Кришна (*Вишну Парана*, v., xxi., 526). И так поступили данавы, когда были побеждены Дэвами при вспенивании океана (*Махабхарата, Ади, Астика*, стр. xix)”.

“Древняя легенда, приведенная в *Махабхарате*, повествует о том, как Кадру, мать змей, вынудила Гаруду переправить своих сыновей через море в прекрасную страну в отдаленном регионе, населенном нагами. После сильного шторма и сильной жары сыновья Карура высадились в стране Раманиака, на Малабарском побережье”.

“Ранее эта территория была занята свирепым асуром по имени Лавана (*Махабхарата, Ади, Астика*, стр. xxvii). Таким образом, та же раса колонизировала ее еще раньше”.

“Вожди нага часто упоминаются как правители стран в море или под ним” (стр. 61).

“Легенда и местные историки приписывают цивилизацию Бирмы и других индокитайских стран захватчикам из Индии. И они связаны с народом нага из Магадхи, а также с севером и западом Индии. Древние мореплаватели, которые принесли брахманическую и буддийскую религии, культ нага и язык санскрит или пали на Яву, Суматру и даже на далекий Целебес, тоже были

индийцами. И они, несомненно, были потомками тех асуров, обитателей океана, которые упоминаются в *Махабхарате*, и о которых уже говорилось” (стр. 166).

“Еще одним доказательством древней связи этих островов с Индией является то, что яванская эпоха - это Сака-кала, которая так хорошо известна и все еще используется в некоторых частях Западной Индии и в Гималаях. Согласно яванской традиции, экспедиция из Индии, возглавляемая сыном короля Куджрата (Gujrat), прибыла на западное побережье острова около 603 года нашей эры. Было основано поселение и построен город Мендан Камалан. За ним последовали другие индусы, и была налажена большая торговля с портами Индии и других стран (Raffles, Hist. Ява, ii., 83). Однако нет оснований предполагать, что это было первое прибытие индийских путешественников на архипелаг.

“В Западной Индии до сих пор сохранились традиции экспедиций на Яву. Гузератская поговорка гласит: “Тот, кто отправляется на Яву, никогда не возвращается; но если он все-таки вернется, его потомки на протяжении семи поколений будут жить спокойно” (*Bombay Gazetteer*, i., 402). У бардов Марвара есть легенда о том, что Бходж раджа, великий вождь пуаров Уджайни, в гневе прогнал своего сына Чандрабхана, который отплыл на Яву (*Ib.*, i., 448).

“Свидетельства, приведенные г-ном Кеннеди (*JRASS*, апрель 1898 г.), показывают, что большая морская торговля велась из индийских портов дравидийскими купцами еще в седьмом веке до н.э. Однако начало дравидийского мореплавания, вероятно, было намного раньше этого.

“Мы видели, что морская торговля племен солар, или нага, Западной Индии, приобрела важное значение в очень ранний период. Легенда о “вспенивании океана”, о которой уже упоминалось, является аллегорическим описанием, но у нас нет подробного отчета об океанских путешествиях до гораздо более позднего периода. Сам Сакья Будда, однако, упоминает о таких путешествиях. Он говорит: ‘Давным-давно океанские купцы имели обыкновение выходить в море, беря с собой птиц, наблюдающих за берегом. Когда корабль оказывался вне поля зрения суши, они выпускали птицу, наблюдавшую за берегом, на свободу. И он направлялся на восток, и на юг, и на запад, и на север, и к промежуточным точкам, и поднимался ввысь. Если на горизонте он замечал землю, то направлялся туда. Но если нет, то он снова вернется на корабль” (Рис Дэвидс, *J. R. A. S.*, апрель 1899 г., стр. 432).

Следует отметить, что этот способ определения местоположения корабля в море, напоминающий отправку птиц из Ковчега, как говорят, был обычаем ‘давным-давно”. Таким образом, представляется, что в пятом веке до нашей эры использовались другие и, вероятно, более научные методы. Также может показаться, что навигация по океану уже тогда была древним институтом.

“Во времена китайского буддийского паломника Фах Хиана (около 406 г. н. э.) между Индией и Китаем и с островами архипелага существовала регулярная и, очевидно, давняя торговля.

Фах Хиан отплыл из Тамалитти, или Тамралипти, в устье Ганга, на большом торговом корабле и за четырнадцать дней достиг Цейлона (Фо-Квокки, Бил., I, lxxi, lxxii.). Оттуда он отплыл на большом корабле, на борту которого находилось около двухсот человек и которым управляли, наблюдая за солнцем, луной и звездами. На этом корабле Фа Хянь достиг Йепо-ти (вероятно, Явы), в стране, где процветали еретики и брахманы, но закон Будды был мало известен (*Ib.*, I, lxxx.). Здесь паломник отправился в Китай на борту другого корабля, на борту которого находилось двести человек, среди которых были брахманы. Они предложили обращаться со

шраманой так, как обращались с Джоной, и по той же причине, но некоторые из находившихся на борту встали на его сторону. Наконец, когда их провизия была почти исчерпана, они достигли Китая (*Ib.*, I, lxxxі., lxxxіі.). Все эти корабли, по-видимому, были индийскими, а не китайскими.

“Фах Хиан упоминает, что пиратов в тех морях было много (*Ib.*, I, lxxx.), Что показывает, что торговля, должно быть, была значительной” (стр. 171).

“Кажется в высшей степени невероятным, что эта тесная связь между Солнцем и змеем могла возникнуть независимо друг от друга в таких далеких друг от друга странах, как Китай и Западная Африка, или Индия и Перу. И кажется маловероятным, что в дополнение к этому одни и те же формы поклонения этим божествам и один и тот же ритуал могли возникнуть спонтанно среди каждого из этих далеких народов. Альтернативой, по-видимому, является то, что совместное поклонение Солнцу и змеиным богам, должно быть, распространилось из общего центра в результате миграции или общения с людьми, утверждавшими, что они произошли от Солнца.

“Нага считался священным настолько повсеместно, что, по-видимому, это был самый ранний тотем людей, утверждавших, что они происходят от бога Солнца” (стр. 183).

Я так много цитирую из увлекательной работы Олдхэма, потому что выводы, к которым он пришел в результате изучения древней литературы Индии, подтверждаются свидетельствами, полученными из совершенно разных источников, не только из самой Индии, но и из других стран. Ибо, разбросанные по всей длине и ширине Индии, можно найти тысячи указаний (в традициях, верованиях, обычаях, социальной организации и материальных реликвиях) на то, что полноценная “гелиолитическая” культура достигла Индии не позднее начала седьмого века до нашей эры

Более того, свидетельства, которые я почерпнул из Олдхэма, подтверждают выводы, к которым привели мои собственные исследования, а именно, что “гелиолитическая” культура распространилась из Индии в Малайзию вскоре после того, как достигла самой Индии. Несомненно, это нечто большее, чем простое совпадение, что период величайших морских подвигов финикийцев, в ходе которых, по мнению многих авторитетных источников, они достигли Индии или даже дальше на восток, должен совпадать с периодом великой доарийской морской расы Индии, чьи великие экспедиции, как показывают приведенные выше цитаты, были направлены главным образом на торговые цели между Персидским заливом и Западным побережьем Индии. Постепенно накапливается значительная масса свидетельств, свидетельствующих о том, что, если асуры сами не были финикийцами, они приобрели свое морское мастерство у этих знаменитых моряков и торговцев. Те же самые отважные мореплаватели, которые принесли новые знания и практику из Персидского залива в Индию и на Цейлон, также перенесли их дальше, в Бирму и Индонезию.

О том, что это так, ясно свидетельствует тот факт, что эти обычаи распространились в Индонезии и Тихоокеанском регионе до введения кремации; и выше было указано, что внедрение практики кремации в Индии, возможно, произошло в течение столетия после прибытия туда цивилизации “гелиолита”. Следовательно, очевидно, что последний, должно быть, распространился на дальний восток вскоре после того, как достиг Индии; и полнота

передачи особого культурного комплекса может быть объяснена только предположением, что те же люди, которые принесли его в Индию, также перенесли его дальше на восток.

Все остальные имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства полностью согласуются с этой точкой зрения. Наступающая волна западной культуры пронеслась мимо Индии в Индонезию, неся на острова Тихого океана и далее к американскому побережью продукты более древних цивилизаций, поначалу почти, но не совсем, незапятнанные индийским влиянием; но в течение столетий после этого, по мере того как та же закваска постепенно покидала большую часть Индии, поток западной культуры продолжал просачиваться на восток и последовательно нес с собой влияние брахманических, буддийских и, на более ограниченной территории, магометанских культов.

Интересным подтверждением общей точности схемы, которая только что была набросана, является то, что даты, когда влияние Египта начало проявляться на востоке, даты, которым Рис Дэвидс приписывает определенное влияние Индии со стороны Вавилонии, даты, когда Индия повлияла на Малайзию, и, наконец, даты, которые исследователи полинезийской проблемы относят к началу великого индонезийского переселения в Тихий океан (60 и 98), укладываются в один последовательный ряд, хотя каждая из них была определена на основе различного рода свидетельств и независимо от остальных.

В мои намерения не входит обсуждать свидетельства прихода “гелиолитической” культуры в Индонезию, поскольку сложные проблемы этого региона были виртуозно проанализированы и интерпретированы У. Дж. Перри в книге, которая вскоре будет опубликована. Форма, которую приняло мое настоящее сообщение, в значительной степени является результатом прочтения рукописи Перри и обсуждения с ним новых направлений исследования, которые она предложила; и я удовлетворен тем, что оставляю эту область для его подробного разъяснения. Здесь будет достаточно сказать, что традиции жителей различных островов Малайзии, равно как и их разнородные обычаи и верования, предоставили ему очень точные доказательства сложного строения “гелиолитической” культуры и того факта, что она была принесена на острова иммиграцией с запада.

Мне нет необходимости анализировать обширную литературу, касающуюся погребальных практик на островах Малайского архипелага, поскольку Герц уже оказал эту полезную услугу (33). Хотя я не согласен с основным утверждением в его интерпретации фактов, его точный отчет от этого не менее ценен — возможно, даже более полезен, поскольку его определенно нельзя обвинить в предвзятости в пользу излагаемых мной взглядов.

В Индонезии встречается большое разнообразие погребальных обычаев, во многих отношениях близких к обычаям индийских племен нага; — захоронение умерших на деревьях или платформах, захоронение в дуплах деревьев, курение и другие методы консервации, временное захоронение и кремация.

Помимо определенных свидетельств сохранения мертвых, найденных на разбросанных островах от одного конца архипелага до другого, существуют гораздо более распространенные практики, которые, несомненно, происходят от прежнего обычая мумификации.

Из рассказа о мумификации, практикуемой у более диких африканских племен, видно, что в большинстве случаев эта практика ограничивалась телами царей; и даже тогда неспособность сохранить тело надолго вынудила эти народы изменить египетские методы. Понимая, что труп,

даже если его сохранить настолько эффективно, насколько они были в состоянии выполнить работу по бальзамированию, подвергнется процессу распада в течение нескольких месяцев, было принято спасать череп, которому придавалось особое значение (по определенным причинам, объясняемым ранними египетскими свидетельствами).

В своем обзоре Герц (33, стр. 66) обращает внимание на широко распространенный обычай временного захоронения по всей Индонезии, но вместо признания того, что такие процедуры вошли в моду как деградация полных ритуалов, связанных с мумификацией, он рассматривает это как часть широко распространенного “представления о том, что похоронные обряды дерниеров не связаны с жизнью после смерти, могут иметь продолжение в течение длительного времени” (стр. 66). ; и рассматривает мумификацию просто как специализированную форму этого ритуала, который является почти универсальным (стр. 67): “законный закон о мумификации является общим для каждого конкретного случая и для обеспечения культуры”. (стр. 69). Это замечательная инверсия истинного объяснения. Огромная масса имеющихся в настоящее время свидетельств позволяет с полной уверенностью утверждать, что практика временного захоронения была принята только тогда, когда неспособность (или риск неудачи) сохранить тело вынудили менее культурных людей отказаться от всего процесса.

I am in full agreement with Hertz when he says:—“L’homologie entre la préservation artificielle du cadavre et la simple exposition temporaire paraîtra moins difficile à admettre si l’on tient compte du fait qui sera mis en lumière plus bas: les ossements secs, résidu de la décomposition, constituent pour le mort un corps incorruptible, absolument comme la momie.” (p. 69). Но разве это не подтверждает полностью мое утверждение? Совершенно немыслимо, чтобы практика мумификации могла произойти от обычая препарирования скелета; но обратное - вполне естественный переход, поскольку даже в руках опытных бальзамировщиков (см. Особенно 39), не говоря уже о необразованных диких народах, меры, принятые для сохранения тела, могут потерпеть неудачу, и уцелеть может только скелет. Если согласиться с этим утверждением, приведенная Герцем демонстрация замечательного географического распространения обычаев временного погребения дает ценнейшее подтверждение общей схемы настоящего сообщения. “Au point de vue où, nous sommes placés, il y a homologie rigoureuse entre l’exposition du cadavre sur les branches d’un arbre, telle que la pratiquent les tribus du centre de l’Australie, ou à l’intérieur de la maison des vivants, comme cela se rencontre chez certains Papous et chez quelques peuples Bantous, ou sur une plateforme élevée à dessein, ainsi que le font en général les Polynésiens et de nombreuses tribus indiennes de l’Amérique du Nord, ou enfin l’enterrement provisoire, observé en particulier par la plupart des Indiens de l’Amérique du Sud” (p. 67). Не может быть никаких сомнений в справедливости этой “гомологии”, поскольку в каждой из упомянутых областей эти обычаи существуют бок о бок с практикой мумификации; и во многих случаях есть определенные свидетельства того, что другие методы лечения произошли от нее в процессе разложения. В своей превосходной библиографии, и особенно в поясняющих сносках, Герц приводит ряд ссылок на практику высушивания путем копчения или простые формы бальзамирования, которые ускользнули от меня в поисках информации по этим вопросам. Он особо ссылается на другие примеры подобной практики в Австралии, Новой Гвинее, различных частях Западной Африки, Мадагаскара и Америки (стр. 68).

Интересная ссылка в той же заметке (стр. 68, сноска 5) касается практики простого бальзамирования среди айно Сахалина (Пройсс, *Беграбнисартен дер Американ*, стр. 190). Это, по-видимому, обеспечивает важную связь между Восточноазиатским побережьем и Алеутскими

островами, где практикуется мумификация. В Сагалиене, согласно святому Иоанну (“Айнос”, *Журнал. Антропол. Inst.*, Том II., 1873, стр. 253), “когда вождь племени или деревни умирал, его тело клали на стол рядом с дверью его хижины; затем из него извлекали внутренности, и ежедневно в течение двенадцати месяцев жена и дочери тщательно мыли его. Ему разрешено ... сушиться на солнце”.

В недавней статье об обычаях народа Лаоса (G. Maupetit, “Moeurs laotiennes”, *Bull. u воспоминания о Социологии Антропологии. de Paris*, 1913), рассказывается о практике мумификации в этом дальнем юго-восточном уголке азиатского материка. Кремация - обычное средство, используемое для захоронения мертвых: но это также “идеал лаосца - иметь возможность сохранять труп в своем доме как можно дольше, прежде чем сжигать его: точно так же сиамцы и китайцы держат своих мертвецов в доме в течение нескольких месяцев, часто в течение нескольких лет” (стр. 549).

По словам Мопетти, метод консервирования самый замечательный. Они заливают в рот от 75 до 300 граммов ртути! “Он проходит по пищеварительному тракту, и его достаточно, чтобы вызвать мумификацию, быстрое высыхание органических тканей”. Затем тело растянули на толстом ложе из расплавленного воска, древесной золы, ткани и подушек.

Великий поток “гелиолитической” культуры оказал глубокое влияние на своеобразные цивилизации Китая, Кореи и Японии и сыграл большую роль в их формировании. Поскольку практика бальзамирования не играет навязчивой роли[15] в этом влиянии я не предлагаю (в настоящем сообщении) вступать в обсуждение этих вопросов, за исключением того, что мимоходом отмечу, что влияние, оказанное “гелиолитической” культурой на тихоокеанское побережье Америки, возможно, было частично оказано восточноазиатско-алеутским маршрутом (см. *Карта II.*).

Отвратительная практика сбора жидкостей, капающих с разлагающегося трупа, и смешивания их с пищей для живых встречается в Индонезии, на Новой Гвинее и соседних островах, в Меланезии, Полинезии и на Мадагаскаре (библиографические ссылки см. в Hertz, стр. 83, сноска 3).

Индонезийские методы сохранения мертвых обнаружены в Сераме (W. J. Perry), и в отчете, недавно опубликованном Lorenz[16] (43, стр. 22), описывается аналогичная практика в окрестностях залива Доре на северо-западе Новой Гвинеи. Труп был привязан к балке жилого дома; и практика смешивания соков разложения с пищей также вошла в моду. Рассказы Д'Альбертиса (1) и других путешественников показывают, что аналогичные обычаи существуют и в других местах Новой Гвинеи. Не может быть никаких сомнений в том, что практика распространилась вдоль северного побережья острова, а затем вокруг его восточной оконечности и достигла островов Торресова пролива, где практика проявляется в ее полностью развитой форме, как описали Флауэр (19), Хэддон и Майерс (25) и Хэмлин-Харрис (27).

Поскольку я уже упоминал о папуасских мумиях ранее в этом сообщении и когда-нибудь в будущем намерен посвятить специальные мемуары полному обсуждению методов бальзамирования в Торресовом проливе, я не буду здесь вдаваться в подробности. Я хотел бы, однако, обратить особое внимание на замечательный отчет Хэддона и Майерса (25) о связанных с этим погребальных обрядах.

В своих мемуарах Флауэр описал две интересные мумии, находившиеся в то время в музее Королевского колледжа хирургов в Лондоне, одну “привезенную в 1872 году с острова Дарнли в Торресовом проливе мистером Чарльзом Леместром, капитаном французского барка ‘Викторина’, а другую, австралийскую мумию, добыл в 1845 году близ Аделаиды сэр Джордж Грей”. В результате любопытного и совершенно непостижимого акта вандализма эти чрезвычайно редкие и бесценные этнологические образцы были намеренно уничтожены сэром Уильямом Флауэром, который наивно объясняет свой экстраординарный поступок заявлением: “поскольку скелет станет более поучительным экземпляром после удаления высохших и разлагающихся покровов, я приказал его почистить” (стр. 393)! Таким же образом он обошелся и со второй мумией, единственным экземпляром такого рода, насколько мне известно, в этой стране! Его фотографии показывают, что эти два экземпляра, столь далекие от того, чтобы быть “разлагающимися”, находились в удивительно хорошем состоянии сохранности в то время, когда он обрек их на уничтожение.

Капитан Леместр нашел мумию в Торресовом проливе “в могиле, которая представляла собой высокую хижину из соломы и бамбука круглой формы: она не лежала, а стояла на носилках” (19, с. 389). Это близкая параллель африканским обычаям — мумификация, захоронение в доме круглой формы и привязывание трупа к грубой форме погребальных носилок, которые устанавливаются в доме.

Кожа была окрашена в красный цвет, скальп - в черный. “Глазницы были заполнены темно-коричневым веществом, по-видимому, растительной камедью.... В него был вложен узкий овальный кусочек перламутра, заостренный с обоих концов, в центре передней поверхности которого закреплена круглая масса из того же смолистого вещества, представляющая собой зрачок глаза” (стр. 301).

“Обе ноздри были раздуты”.

“На правом боку был продольный разрез длиной 3 с половиной дюйма, проходящий между последним ребром и гребнем подвздошной кости. Рана была очень аккуратно зашита тем, что в хирургии называется прерванным швом.... Все тазовые, брюшные и грудные внутренности были удалены, и их место заняли четыре куса очень мягкого дерева.... Кроме раны в боку, не было никакого другого отверстия или повреждения кожи” (стр. 391).

“Головы и тела, приготовленные подобным образом” можно найти во многих музеях, и они представляют собой интересную иллюстрацию древнеегипетской практики уделять особое внимание голове. Это тем более поучительно, учитывая тот факт, что в определенных регионах, особенно в Малликоло на Новых Гебридах, было распространено восстановление черт с помощью глины и смолистой пасты, обычно используя череп в качестве основы, но иногда моделируя все тело целиком, [17] модель, включающая части скелета умершего (см. Статью Генри Бальфура “Мемориал Головы в музее Питт-Риверс”, *Человек*, том I., 1901, стр. 65). Эти практики моделирования и особенно тот факт, что они обычно связаны с головой (или даже лицом), являются лишь интересным подтверждением египетского происхождения этих обычаев (см. выше и т.д., 40).

В 6-м томе отчетов Кембриджской антропологической экспедиции в Торресов пролив К. С. Майерс и Хэддон (25, стр. 129 и 135) дают подробный отчет о погребальных церемониях,

некоторые моменты из которого я цитирую. “Как только наступила смерть, женщины деревни начали причитать. Труп положили на землю на циновку перед домом; руки были разведены близко к бокам; большие пальцы ног были связаны вместе бечевкой; волосы на голове и лице были срезаны и выброшены; затем длина носа была измерена кусочком воска, который сохранила родственница для последующего использования при изготовлении восковой маски для подготовленного черепа. Лук и стрелы мертвеца и его дубинка с каменным наконечником были положены рядом с ним” (стр. 129). Египетские аналогии во всех этих процедурах совершенно очевидны.

“Пятеро мужчин в масках выполнили серию маневров, завершившихся сгибанием рук и наклоном головы. Считалось, что это движение указывает на восход и заход солнца и символизирует жизнь и смерть человека.

Затем скорбящие взяли тело и положили его на деревянный каркас, который стоял на четырех деревянных опорах на небольшом расстоянии от дома покойного. Затем родственники взяли крупные куски ямса и положили их рядом с телом на каркас; они также развесили большие гроздья бананов на бамбуке вокруг. Это рассматривалось как пища для призрака, который, как предполагалось, съедал ее ночью (стр. 135).

“Через два или три дня, когда кожа на теле стала дряблой, каркас был доставлен на риф в небольшом каноэ; затем эпидермис был стерт и с помощью острой раковины был сделан небольшой разрез сбоку живота (по крайней мере, с правой стороны у женщин), откуда были извлечены внутренности.

“У мужчин была разрезана промежность”.

Из изучения всей литературы, касающейся этого обычая, а также реальных образцов, которые сейчас находятся в Сиднее и Брисбене, становится ясно, что разрез может быть сделан либо на левом, либо на правом боку, либо в промежности, и что пол не определяет место.

Затем брюшную полость заполнили кусочками пальмы Нипа; внутренности выбросили в море, а разрез закрыли с помощью тонкой лески. Для удаления мозга использовалась стрела, частично через большое отверстие, частично через небольшой разрез, который был сделан в задней части шеи. Сначала была разрезана ‘прочная оболочка’ головного мозга (твердая мозговая оболочка), а затем удалена “мягкая оболочка”.

Затем тело было доставлено обратно на остров и положено в сидячем положении на камень; затем все тело было окрашено смесью красной земли и морской воды. Затем голову, туловище и конечности привязали к каркасу бечевкой, а к нижней челюсти прикрепили маленькую палочку, чтобы она не отвисала. Каркас с его грузом был прикреплен вертикально к двум столбам, установленным в задней части дома, и был защищен от посторонних взглядов ширмой из кокосовых листьев. Затем тело аккуратно растирали и острием стрелы проделывали отверстия, чтобы соки могли выходить наружу. Под телом всегда поддерживался огонь, “чтобы мясо не разбухло” (стр. 136).

“Д'Альбертис (1) видел на острове Дарнли мумию мужчины, умершего больше года назад, стоявшую посреди дома вдовы, прикрепленную к чему-то вроде вертикальной лестницы из жердей. Время от времени они подкрашивают его красным мелом (охрой) и сохраняют мягкость кожи, смазывая ее кокосовым маслом” (стр. 137).

В Берлинском музее народного творчества хранятся мумии двух детей, фотографии которых, полученные от профессора фон Лушана, воспроизведены доктором Хэддоном. Они были подарены доктору Бастиану преподобным Джеймсом Чамлерсом в 1880 году, были получены на острове Стивена. Одна из них - маленькая девочка нескольких дней от роду. Все тело окрашено в красный цвет, за исключением волосистой части головы и бровей, которые затемнены. Другой была маленькая девочка двух или трех лет, с которой поступили аналогичным образом; разрез для бальзамирования находится на *левой* стороне и был зашит.

“В 1845 году Джакс увидел на коленях женщины с острова Дарнли тело ребенка нескольких месяцев от роду, который, казалось, уже некоторое время был мертв. Он был натянут на каркас из палочек и намазан густым красным пигментом, обновлением которого она занималась. (“Путешествие ”Мухи””, том I., 1847, стр. 246)” (стр. 138).

Макджилливрей (“Путешествие ’Гремучей змеи”, том II, 1852, стр. 48) также ссылается на мумию ребенка на острове Дарнли. Эскизы двух мумий Мириам в музее Брисбена можно найти на пластинке 94 издательства “Этнографический альбом островов Тихого океана” Эджа Партингтона и Хипа, третья серия. [Сравните также таблицу 2, рисунок 4, в книге Брокетта “Путешествие в Торресов пролив”, Сидней, 1836 г.]” (стр. 137).

“Примерно на десятый день после смерти, когда руки и ноги частично высыхают, родственники с помощью бамбукового ножа снимают кожу с ладоней и подошв вместе с ногтями, а затем вырезают язык, который засовывают в бамбуковый зажим, чтобы он оставался прямым во время сушки. Они были подарены вдове, которая отныне носила их” (стр. 138).

Большое количество дополнительной информации относительно этой практики приведено Хэддоном и Майерсом в их важной монографии. Среди прочего, они еще раз привлекают внимание к обычаю сохранения черепа на островах Торрессова пролива, где практикуется мумификация. Использование масок и церемониальных танцев в помощь исполнителям, чтобы более реалистично сыграть роль умершего, является долгожданным подтверждением вывода, сделанного на основе географического распространения, о том, что такие практики были тесно связаны с мумификацией и являются частью ритуала, генетически связанного с ней.

Доктор Хэмлин-Харрис, директор музея Квинсленда, приводит отчет (27) о двух мумиях из Торрессова пролива, которые сейчас находятся в Брисбене; и он добавляет дополнительную интересную информацию, которую он получил от мистера Дж. С. Брюса с острова Мюррей, который также был одним из информаторов доктора Хэддона. Во время моего недавнего визита в Австралию доктор Хэмлин-Харрис очень любезно предоставил мне все возможности для изучения этих двух мумий (а также австралийских мумий в музее Квинсленда); я также исследовал еще один экземпляр в музее Маклея Сиднейского университета. Я готовлю полный отчет обо всех этих интересных образцах.

Из Торрессова пролива практика мумификации распространилась в Австралию, как описали, среди прочих, Флауэр (19), Фрейзер (22), Ховитт (см. Герц, 33), Рот (71) и Хэмлин-Харрис (28). Рот говорит: “Иссушение - это форма избавления от мертвых, практикуемая только в случае очень выдающихся людей. После выпотрошения и высушивания на огне труп связывают и носят с собой в течение нескольких месяцев”. (71, стр. 393). Мумия была раскрашена красной охрой (Фрейзер, 22).

На фотографиях Рота, а также на мумиях, которые я имел возможность осмотреть, разрез для бальзамирования был сделан в типично египетской обстановке на левом боку. У одной из мумий в музее Брисбена (см. [28](#), фото 6) сильно повреждена голова. Изучение образца указывает на то, что разрезы были сделаны намеренно. Возможно, это была попытка удалить мозг, которая закончилась разрушением черепа.

Любопытной особенностью австралийского бальзамирования является то, что тело всегда было согнуто, а не вытянуто, как в проливе Торреса. Сначала я был склонен полагать, что это может быть связано с влиянием раннеегипетской процедуры (Вторая династия) ([89](#)), но более полное рассмотрение свидетельств приводит меня к выводу, что принятие согнутого положения связано с синкретизмом местных погребальных обычаев, которые соблюдались, когда носители “гелиолитической” культуры достигли Австралии. Вполне вероятно, что бумеранг прибыл из Египта, через Восточную Африку, Индию ([12](#)) и Индонезию одновременно.

В Австралии существует несколько любопытных погребальных обычаев, которые можно рассматривать как деградацию практики мумификации, но рассмотрение их я должен пока отложить.

В обсуждении мемуаров Флауэра ([19](#)) Хайд Кларк справедливо подчеркнул “важность демонстраций с точки зрения их влияния на связь населения Австралии с населением основных континентов и на влияние, оказываемое в Австралазии в прежние времена более высокоразвитой расой. Это, по его мнению, было объяснением отношений высшей культуры, будь то в отношении языка, брака и родства, названий оружия или культурных укладов, таких как описанные сейчас мумии, способы надрезания и форма погребения. Он не считал эти институты, как это делали некоторые крупные авторитеты, коренными в Австралии” ([19](#), стр. 394).

В настоящее время накапливаются подтверждающие доказательства ([70](#)), которые определенно установят реальность влияния, о котором Кларк говорил 37 лет назад.

Фрэйзер ([22](#), стр. 80) говорит, что погребение (в Австралии) на возвышении напоминает ему о “башнях молчания”, и добавляет: “Это новшество в виде возвышения едва ли может быть чем—то, что наши чернокожие изобрели для себя с тех пор, как они приехали в Австралию; и если это обычай, который какая-то часть их предков принесла с собой в эту страну, я бы сказал, исходя из этого, что эти предки когда-то контактировали с расой, у которой были верования, сходные с верованиями персов; такие верования очень распространены”. Чужеземцы нелегко усыновляют их; они принадлежат к своей расе. Фрейзер продолжает противопоставлять эту практику другому австралийскому обычаю высушивания, который, по его словам, “соответствует египетской практике мумификации” (стр. 81): но, как указал Герц ([33](#) и выше), они были вдохновлены одной и той же фундаментальной идеей, хотя нынешние практикующие оба метода могут не осознавать этого в своих верованиях и традициях. Из этих соображений вытекает интересное предположение, что своеобразные персидские погребальные обычаи могут быть, по сути, деградированной и глубоко модифицированной формой древнеегипетских погребальных обрядов.

В своих “Полинезийских исследованиях” Уильям Эллис ([15](#)) дает интересный, хотя, к сожалению, слишком краткий отчет о таитянской практике бальзамирования. Среди бедных и среднего класса “методы сохранения были слишком дорогими”, чтобы их можно было

использовать, но тело в ожидании погребения “клали на что-то вроде носилок, покрытых лучшей местной тканью” (стр. 399).

“Тела умерших вождей, однако, в целом сохранялись на поверхности: для них возводился временный дом или сарай, и их клали на что-то вроде носилок ... иногда влагу с тела удаляли, отжимая различные части, высушивая на солнце и смазывая ароматными маслами. В других случаях удалялись кишки, мозги и так далее: из тела извлекалась вся влага, которое днем фиксировалось в сидячем положении и выставлялось на солнце, а ночью, когда его клали горизонтально, часто переворачивали, чтобы оно не оставалось долго на одной и той же стороне. Затем внутреннюю часть заполняли тканью, пропитанной ароматизированными маслами, которые также вводили в другие части тела и каждый день тщательно втирали снаружи” (стр. 400 и 401).

Затем тело было облачено и зафиксировано в сидячей позе; перед ним был воздвигнут небольшой алтарь, и родственники или священники, назначенные для ухода за телом, ежедневно приносили в жертву фрукты, пищу и цветы. В таком состоянии он сохранялся несколько месяцев, а когда истлел, череп бережно хранился семьей, в то время как другие кости и т.д. были похоронены на территории семейного храма” (стр. 401).

Эллис делает важный комментарий: “Удивительно, что практика сохранения тел умерших путем бальзамирования, которая, как считалось, указывает на высокий уровень цивилизации и которая была доведена до такого совершенства одним из самых знаменитых народов древности несколько тысяч лет назад, преобладает среди этого народа”. Все обстоятельства, сопутствующие осуществлению этого обычая, а также любопытный ритуал и поведение скорбящих, описанные Эллисом, не в меньшей степени, чем детали самого процесса, на самом деле являются самым убедительным доказательством его происхождения из Египта.

Эллис говорит, что “это также практикуется другими отдаленными народами Тихого океана и на некоторых побережьях, омываемых его водами”. “На некоторых островах они высушивали тела и, завернув их в многочисленные складки ткани, подвешивали к крышам своих жилых домов” (стр. 406).

Эллис отмечает замечательные сходства между таитянским рассказом о всемирном потопе и не только древнееврейским, но и мексиканским, перуанским и многими другими народами (стр. 394).

В кратком изложении Глаумона (24, стр. 517) описаны пять способов захоронения, которые практикуются в Новой Каледонии. Первый - захоронение в согнутом положении; 2-й - расширенное захоронение в пещерах; 3-й - обнажение тела на деревьях или в горах; 4-й - мумификация; 5-й - тело в вертикальном положении или покоящееся в выкопанном каное. Что касается метода бальзамирования, то он применяется только в случае вождя. Тело вождя вскоре после смерти было покрыто уколами, в которые были введены соки определенных растений с целью предотвращения разложения тканей. После этого тело соответствующим образом высушивали или коптили, затем его одевали в его лучшие одежды, раскрашивали лицо в красный и черный цвета, а затем тело консервировали на неопределенный срок. В верхней части хижины было проделано отверстие, и с помощью него они вытащили мумию вверх. После того, как тело было выставлено таким образом в течение определенного времени, его извлекли из ямы в дом, который затем тщательно закрыли и запретили все, что в нем

находилось. Аналогичные обычаи существуют в Новой Зеландии и других странах Океании. Исключительно странный обычай сейчас используется на Новых Гебридах и Соломоновых островах. Отец и сын, например, или муж и жена, только что умершие, выкуривают только голову, как в Новой Зеландии, но делают (из бамбука, покрытого тканью) манекен, имеющий примерно человеческую форму; затем татуируют всю поверхность; к каждому плечу прикрепляют — и это самая странная часть — по куску бамбука, к одному из которых прикрепляют голову отца, а к другому - голову его сына. [Описание здесь не совсем понятно.] Головы выкрашены в белый и черный цвета. Что касается размещения тела в каноэ, то это предназначено только для вождей. Когда умирает вождь, гонцы расходятся во все стороны, повторяя: “Солнце село”. Это выражение проистекает из идеи, что вождь - это бог, верховный бог Солнца.

Эти процедуры обеспечивают удивительно полную связь с культом “гелиолита”, который практиковался в других местах на западе и востоке. Рассказ о любопытном прикреплении голов к плечам манекена проливает некоторый свет на обычай (на который я ссылался в другом месте этого сообщения) в Малликоло (61, стр. 138) и в Америке изображать человеческие лица на плечах таких моделей. Примечателен тот факт, что на некоторых фигурах Малликоло фаллос прикреплен к поясу очень любопытным образом, в точности аналогичным тому, который недавно описал и изобразил Блэкман из египетской гробницы Среднего царства в Меире.

Бальзамирование было методом, редко применявшимся в Новой Зеландии.

“После извлечения более мягких частей в плоть втирали масло или соль, а тело высушивали на солнце или над огнем; затем мумию заворачивали в ткань и прятали”.

“В некоторых частях Новой Зеландии скелеты мумифицированных тел найдены в сидячей позе” (Macmillan Brown, 7, стр. 70).

В книге Шмидта "*Jahrbücher der gesamten Medicin*", 1890, Bd. 226, стр. 175 есть выдержка из статьи П. Бурзена о Самоа, в которой, среди прочего, описываются три египетские операции обрезания, массажа и мумификации, которые практикуются.

Бальзамированием занимаются женщины. После удаления внутренностей, которые закапываются или сжигаются, выпотрошенный труп затем вымачивают в течение двух месяцев в кокосовом масле, смешанном с овощными соками. Когда тело полностью обработано и из него больше не вытекает жидкость, волосы, которые ранее были срезаны, снова приклеиваются смолистой пастой. Полость тела обматывают тканью, пропитанной растительным маслом и смолистыми веществами: затем мумию обматывают бинтами, оставляя открытыми голову и руки.

Подготовленное таким образом тело помещают в специальное место, где оно хранится неопределенное время.

“На острове Питкэрн в 1400 милях к западу от острова Пасхи обнаружены резные каменные столбы или изображения, несколько похожие по характеру на изображения острова Пасхи” (Енох, 16, стр. 274).

“Еще 1400 миль к северо-западу приведут нас на Таити. Туземцы Таити хоронили своих вождей в храмах; их забальзамированные тела после того, как их обнажили, хоронили в лежащем положении. Упоминается пирамидальное каменное сооружение, на котором находились настоящие алтари, стоявшие в дальнем конце одной из площадей”.

“Существует много близких аналогий между жертвоприношениями в Мексике” (стр. 275).

В ходе своих обширных миграций носители “гелиолитической” культуры взяли с собой обычай обрезания и внедрили его в большинстве регионов, где распространялось их влияние. В некоторых районах, затронутых “гелиолитической” закваской, обнаружена более примитивная операция “надреза”. Это заключается не в удалении крайней плоти, а просто в разрезании ее дорсальной части (69, стр. 432). Это был метод, применявшийся в Египте в додинастические времена, когда было принято прятать фаллос в кожаных ножнах, подвешенных на веревке, обвязанной вокруг тела. Практика “надреза” и использования срамных ножен сохраняется в некоторых частях Африки до наших дней (см. *Журнал. Roy. Anthropol. Институт.* 1913, стр. 120).

Риверс утверждает, что “практика надреза возникла в Океании как модификация обрезания” (69, стр. 436): но я думаю, что необходимо рассмотреть возможность того, что она была введена с запада вместе с практикой обрезания или до нее.

Другой замечательной практикой, которая, вероятно, была частью снаряжения путешественников эпохи гелиолита, был массаж. Им пользовались египтяне еще во времена Шестой династии, как мы знаем из изображений операций в *масстабе* (Capart, 11,,). Пиорри (57) рассказал о широком спектре практики массажа от Египта до Индии, Китая и Таити, а также о высокой эффективности, достигнутой при его использовании в древние времена в Индии и Китае. Китайская рукопись “*Конг-Фау*” содержала подробные отчеты об этой операции. Пиорри замечает: “Ясно, что для нас его разработка не происходила из практик, описанных в книгах Конг-цзе или сборнике Шушраты”.

Из интересного отчета Риверса о массаже в Меланезии (67) очевидно, что этот метод должен иметь общее происхождение с современной европейской практикой, и что он не мог возникнуть среди варварского народа, подобного меланезийцам, у которых самые необычные представления о том, почему и как он служит терапевтической цели. Хотя у нас нет доказательств того, что массаж распространился вместе с культурой гелиолита, тот факт, что он имеет схожее географическое распространение и, безусловно, широко практиковался в Египте задолго до начала великого переселения народов, предполагает, что он может представлять собой еще один египетский элемент этого замечательного культурного комплекса.

В своем мастерском анализе культур Океании (69) Риверс привел полезное резюме свидетельств, относящихся к практике сохранения тела, и сделал определенные выводы из этих и других методов захоронения, которые я предлагаю изучить. “В некоторых случаях, как в Тикопии, погребение происходит либо в доме, либо в сооружении, представляющем дом, в то время как на Тонге и Самоа тела вождей хоронят в склепах, построенных из камня. Часто тело хоронят в каноэ или в выдолбленном бревне, которое представляет собой каноэ” (69, с. 269). Исходя из свидетельств, на которые делались ссылки в ходе написания настоящих мемуаров, нет необходимости сколько-нибудь подробно настаивать на важности и очевидном значении

этих фактов. Но я подвергаю сомнению вывод, который делает Риверс (стр. 270) из захоронения в лодках. Он говорит, что “эта практика может рассматриваться как результат факта миграции и не показывает, что использование каноэ было практикой иммигрантов на их первоначальной родине”. Однако эта практика настолько широко распространена и в Египте и в других местах имела такое глубоко укоренившееся значение, что трудно поверить, что этот обычай не принесли с собой иммигранты. Я готов признать, что особые условия жизни народов Океании естественным образом подчеркивали то, что можно назвать “элементом лодки” в погребальном ритуале; но связь использования лодок с погребением является настолько любопытной и постоянной чертой “гелиолитической” культуры, где бы она ни проявлялась (см. выше), что вряд ли могла возникнуть независимо в разных частях ареала распространения.

“Второй способ лечения - это сохранение тела либо в доме, либо на сцене, часто покрытой крышей. В таких случаях обычно практикуется своего рода мумификация путем постоянного натирания маслом, высушивания на огне и прокалывания тела, чтобы ускорить исчезновение продуктов разложения”.

“В некоторых частях Самоа существует определенный процесс бальзамирования, при котором внутренности удаляются и закапываются. Обработанное таким образом тело лежит на платформе, опирающейся на двойное каноэ, и во многих других местах каноэ используется как вместилище для тела, пока оно подвергается процессу мумификации” (стр. 269). Эта ассоциация использования каноэ с методом консервации, очевидно египетского происхождения, естественно, провоцирует сравнение с использованием лодок в египетских погребальных церемониях. Примером может служить лодка, найденная в гробнице Аменофиса II. (81). Платформа, вероятно, представляет собой тип кровати, встречающийся в других местах рассматриваемого региона (см., Например, Отчет Рота о спальном платформе в Квинсленде) и представляет собой носилки, которые так часто встречаются в других местах (см. выше). Это ни в коей мере не противоречит мнению Риверса о том, что “выставление мертвых на платформах - это всего лишь способ сохранения в доме” (стр. 273).

Ранее в этих мемуарах я объяснял, почему египтяне стали придавать особое значение голове и как менее культурные народы Африки, столкнувшись с трудностями сохранения тела, сохранили череп (или, в некоторых случаях, челюсть). Если вспомнить, насколько широко распространен этот обычай в других частях “гелиолитической области” и насколько глубоко укоренились идеи, побудившие к столь любопытной процедуре, независимый вывод Риверса по этому поводу полностью подтверждается. “Многие практики становятся понятными как элементы единой культуры, если мы предположим, что люди прониклись приобретенной необходимостью сохранения тела после смерти ... дальнейшая идея о том, что череп является представителем тела в целом; если бы они пришли к убеждению, что цель, для которой они до сих пор сохраняли тело, могла бы быть достигнута с таким же успехом, если бы была сохранена только голова” (стр. 273). Это бесспорно верно; но я не согласен с оговоркой Риверса, что это изменение произошло, “возможно, в ходе их странствий по направлению к Океании”, потому что уже было видно, что это произошло до того, как странники покинули восточноафриканское побережье. Конечно, существует вероятность того, что Африка могла подвергнуться влиянию культурного оттока из Индонезии, как это было продемонстрировано в случае Мадагаскара; но есть основания полагать, что рассматриваемые факты не могут быть объяснены таким образом.

Таким образом, рискуя критиковать великую монографию Риверса, я хотел бы особо подчеркнуть тот факт, что эти комментарии никоим образом не относятся к его нападкам на “ортодоксальную” этнологическую позицию. Напротив, взгляды, которые я излагаю в этом сообщении, представляют собой дальнейшее развитие позиции самого Риверса о том, что культуры Океании возникли главным образом в результате контактов с другими народами. Ряд практик, которые он не решался признать привнесенными, но склонен рассматривать как местные разработки, я считаю частью культуры иммигрантов. Использование лодок для погребения, обычай рассматривать голову как эффективный представитель всего тела и практика “надреза”, а также обрезания (69, с. 432) являются примерами обычаев, которые он рассматривает как локальные изменения в Тихоокеанском регионе: но все три в равной степени характерны для Древнего Египта и встречаются в широко разделенных местностях вдоль великого “гелиолитического” пути. Связь поклонения солнцу со всеми другими элементами “гелиолитического культа” также заставляет меня усомниться в его ограничении такого поклонения определенными регионами Океании (69, с. 549); хотя я полностью признаю, что данных, использованных Риверсом, недостаточно для обоснования каких-либо дальнейших выводов, кроме тех, которые он сделал на их основе.

Таким образом, моя цель - не попытка ослабить общую позицию Риверса, а значительно усилить ее, продемонстрировав, что каждый культурный комплекс был перенесен в Тихий океан в еще более законченной форме, чем он постулировал. Моя критика также не затрагивает его гипотезу о серии культурных волн в Океании. И здесь я снова готов пройти с ним не только весь путь, но даже дальше и искать дополнительные культурные влияния, которые он еще не определил.

Большинство современных авторов, так или иначе упоминающих законсервированные тела, которые были найдены в огромном количестве в Перу и в других частях Америки, предполагают, что эти тела были сохранены не путем бальзамирования или любого другого искусственного метода или способа обработки, а просто в результате иссушения силами природы без посторонней помощи. Хотя в подавляющем большинстве случаев нет явных признаков того, что для сохранения тел использовались какие-либо искусственные средства, все же было обнаружено немалое количество примеров, демонстрирующих реальность практики мумификации в Америке (3; 37; 58; 63; и 106). Классическая монография Ярроу (106) довольно убедительно установила реальность практики бальзамирования в Америке. Более того, тот факт, что практически каждый предмет из множества удивительно отличительных практик, широко распространенных в других частях света, в теснейшей связи с методами бальзамирования, безусловно вдохновленными Египтом, не вызывает никаких разумных сомнений в том, что разнообразие американских практик сохранения тела также следует отнести к тому же источнику.

В своей книге “История завоевания Перу” Прескотт делает следующее заявление: “Когда инка умирал (или, используя его собственный язык, возвращался домой, в особняк своего отца, Солнца), его похороны проводились с большой помпой и торжественностью. Кишечник был извлечен из тела и помещен в храм Тампу, примерно в пяти лигах от столицы. Некоторое количество его посуды и драгоценностей было похоронено вместе с ним, и некоторое количество его слуг и любимых наложниц, доходивших иногда, как говорят, до тысячи, были принесены в жертву на его могиле....”

“Тело умершего инки было искусно забальзамировано и перевезено в великий Храм Солнца в Куско. Там перуанский правитель, входя в ужасное святилище, мог увидеть изображения своих царственных предков, выстроенных в противоположные ряды — мужчины справа, а их королевы слева от великого светила, которое сияло сверкающим золотом на стенах храма. Тела, облаченные в королевские одежды, которые они привыкли носить, были помещены на золотые стулья и сидели, наклонив головы, безмятежно скрестив руки на груди, их лица сохраняли свой естественный смуглый оттенок — менее подверженный изменениям, чем более свежий цвет лица европейца, — а их волосы были иссиня-черными или посеребренными с возрастом, в зависимости от периода, в который они умерли. Это было похоже на компанию торжественных молящихся, погруженных в благоговение, настолько верными были формы и черты жизни. Перуанцы были столь же успешны, как и египтяне, в жалкой попытке увековечить существование тела за пределами, отведенными ему природой. [Примечание — Ондегардо, отн. прим., M.S.—Гарсиласо, Ком. Настоящий., часть первая, lib. v., глава xxix. Перуанцы спрятали мумии своих монархов после завоевания, чтобы они не были осквернены оскорблениями испанцев. Ондегардо, когда был коррехидором Куско, обнаружил пятерых из них, трех самцов и двух самок. Первыми были тела Виракочи, великого Тупака, инки Юпанки и его сына Уайны Купака. Гарсиласо видел их в 1650 году. Они были одеты в свои царственные одежды, без каких-либо знаков отличия, кроме ллауту на головах. Они были в сидячем положении и, по его собственному выражению, “идеальны, как сама жизнь, безнедостатка даже в волоске в брови”. Когда их несли по улицам, прилично закутанных в плащи, индейцы бросились на колени в знак почтения, со слезами и стонами, и были еще более тронуты, когда увидели, что некоторые из испанцев сами снимают шапки в знак уважения к усопшим членам королевской семьи. (Там же. *ubi supra*.) Впоследствии тела были перевезены в Лиму; и отец Акоста, который видел их там примерно двадцать лет спустя, говорит о них как о все еще в прекрасной сохранности]” (58, стр. 19 и 20).

Позже в той же работе Прескотт, снова опираясь на несколько сомнительный авторитет работ Гарсиласо, делает утверждение, которое в некоторых отношениях может показаться расходящимся с тем, что я только что процитировал:

Именно эта вера в воскресение тела побудила их сохранять тело с такой тщательностью — однако с помощью простого процесса, который, в отличие от сложного бальзамирования египтян, заключался в том, чтобы подвергать его воздействию холодной, чрезвычайно сухой и сильно разреженной атмосферы гор. [Примечание. — Похоже, Гарсиласо действительно придерживается такого мнения, хотя некоторые авторы говорят о смолистых и других средствах для бальзамирования тела. Внешний вид королевских мумий, найденных в Куско, о чем сообщают как Ондегардо, так и Гарсиласо, позволяет предположить, что для их сохранения не использовалось никаких посторонних веществ.] Поскольку они верили, что занятия в будущем мире будут иметь большое сходство с занятиями в настоящем, они хоронили вместе с умершим аристократом часть его одежды, утвари и часто его сокровищ; и завершили мрачную церемонию, принеся в жертву его жен и любимых слуг, чтобы составить ему компанию и сослужить ему службу в счастливых заоблачных краях. Обширные курганы неправильной или чаще продолговатой формы, пронизанные галереями, идущими под прямым углом друг к другу, воздвигались над мертвыми, чьи высушенные тела или мумии были найдены в значительном количестве, иногда в вертикальном положении, но чаще в сидячей позе, общей для индейских племен обоих континентов” (стр. 54).

В свете информации о практике в других частях света, которую я собрал в настоящих мемуарах, не может быть никаких сомнений в существенной точности этих отчетов и в том, что они относятся к настоящему бальзамированию, а не к простому естественному высушиванию.

Хрдличка привел положительные доказательства применения процедур бальзамирования (37).

В своем отчете “Культура древних пуэбло в районе верховьев реки Хила, Нью-Мексико и Аризона” Уолтер Хаф (36 лет) публикует превосходные фотографии двух мумий младенцев, но он не дает никакой информации о методе сохранения.

В Анатомическом музее Манчестерского университета хранятся четыре перуанские мумии, трое из которых взрослые, а одна - младенец. Только в одном из них есть какие-либо положительные свидетельства того, что были приняты искусственные меры для сохранения тела, и в этом случае состояние мумии было самым удивительным. Тело было одето обычным образом в шерстяную одежду и носило шерстяную остроконечную шапочку, верхушка которой была украшена пучком перьев. Тело было помещено в сидячее положение, а большая рана, проходящая поперек туловища, была прикрыта тканью, сильно пропитанной смолистым веществом. Ноги были резко согнуты вдоль туловища, а руки связаны спереди. Но, к моему величайшему изумлению, я обнаружил лопатки в передней части грудной клетки, а при осмотре обнаружил, что грудная клетка была повернута назад. Поскольку голова уже была отделена, не было ничего, что указывало бы на то, какое положение она занимала первоначально; и казалось невозможным объяснить, как удалось искривить позвоночный столб в поясничной области так, чтобы грудная клетка выдвинулась вперед. Чтобы разгадать эту тайну, я снял пропитанную смолой ткань, которая была прочно прикреплена к ране в брюшной полости, и обнаружил, что тело было разрезано прямо поперек живота и набито шерстью после удаления внутренних органов. Затем брюшную полость и грудную клетку склеили с помощью широкой полосы ткани со смолистой пастой в качестве клея. Но по какой-то причине, которая не очень очевидна, или, вероятно, по простой небрежности, грудная клетка была расположена не так, как надо, и для того, чтобы придать чудовищу какое-то подобие живого вида, потребовалось с силой выкручивать руки в плечевых суставах, чтобы привести их в описанное выше положение. [С тех пор как это было написано, я узнал, что в некоторых американских племенах существует обычай одевать труп в пальто, повернутое задом наперед. Это, по-видимому, наводит на мысль, что только что описанная любопытная процедура, возможно, была продиктована той же основополагающей идеей, какой бы она ни была.] В черепе этого пациента все еще присутствовали остатки высушенного мозга, и хотя вместе с ним было некоторое количество коричневатого порошка, доказательства не были достаточно определенными, чтобы сказать, был ли какой-либо инородный материал введен в полость черепа. В случае с тремя другими телами, как я уже упоминал, не было никаких свидетельств, кроме отличной сохранности, указывающих на то, какие меры были приняты, чтобы помешать процессу разложения.

В своем отчете о погребениях королей ацтеков Бэнкрофт (3, том II., стр. 603) сообщает нам, что “тело омывали ароматической водой, добываемой в основном из трилистника, и иногда прибегали к процессу бальзамирования. Кишечник был удален и заменен ароматическими веществами”. “Однако это искусство было древним, как обычно, восходящим к тольтекам, но широко известным и практиковавшимся по всей стране” (стр. 604). Затем он переходит к описанию “любопытного способа сохранения тел, используемого владыкой Чалко”, который состоял в высушивании; и добавляет исключительно интересную ссылку на возлияния, не

только любопытным образом напоминающую древнеегипетскую практику, но также описанную языком, который можно рассматривать как парафраз текста Пирамиды, изложенного Блэкманом (5). “Затем на голову [мумии] вылили воду со словами: ”Это вода, которой ты пользовался в этом мире” — Брассер де Бурбур использует выражение "C'est cette eau que tu как требование к венеру в мире"" (Бэнкрофт, 3, том II., стр. 604).

Совершенно немыслимо, чтобы такая любопытная практика, воплощающая столь замечательную идею, могла случайно быть изобретена независимо друг от друга в Египте и Америке. Это может быть не простым совпадением, а доказательством наиболее определенного происхождения идей толтеков и ацтеков из Египта.

Далее Бэнкрофт описывает (3, стр. 604 и далее) целый ряд других ритуальных обрядов, многие из которых находят близкие параллели в сценах, изображенных в царских египетских гробницах Новой империи.

Я уже упоминал случай Тайлора (102) о том, что ацтеки *полностью* восприняли историю японского буддиста о странствиях души в стране духов. В случае, описанном Бэнкрофтом, воспроизводится почти та же история, но с характерными египетскими дополнениями, относящимися к участкам пути, охраняемым гигантской змеей и аллигатором соответственно [в египетском ритуале это, конечно, Крокодил; см. Бадж, “Египетский рай и ад”, том 1, стр. 159]. Это самый замечательный пример синкретизма между египетским ритуалом Новой империи и буддийскими практиками на далеких берегах Америки.

В качестве связующего звена между Старым и Новым Светом можно отметить, что в Океании “повсюду распространено поверье, что душа после смерти должна предпринять путешествие, сопряженное с различными опасностями, к обители духов умерших, которая обычно представляется лежащей на западе” (61, с. 138).

Ройтер (63) приводит краткое изложение информации, касающейся практики бальзамирования в Новом Свете и, в частности, у инков. Обычай сохранять тело был распространен не во всех случаях, поскольку у некоторых народов бальзамировали только тела королей и вождей. Индейские племена Вирджинии, Северной Каролины, конгарей Южной Каролины, индейцы Северо-Западного побережья, Центральной Америки и Флориды практиковали этот обычай так же, как и инки. Во Флориде тело высушивали перед большим костром, затем его облачали в дорогие ткани, а затем помещали в специальную нишу в пещере, куда родственники и друзья обычно приходили в особые дни и беседовали с умершим. Согласно Беверли (1722), племена Виргинии практиковали бальзамирование следующим образом: — С головы до ног надрезали кожу и удаляли внутренности, а также мягкие части тела. Чтобы кожа не пересыхала и не становилась ломкой, на нее наносили масло и другие жировые вещества. В Кентукки, когда тело высушивали и засыпали мелким песком, его заворачивали в шкуры или циновки и хоронили либо в пещере, либо в хижине. В Колумбии жители Дариена обычно удаляли внутренности и заполняли полость тела смолой, после чего тело коптили и хранили в своих домах, укладывая либо в гамак, либо в деревянный гроб. Муиски, алеуты, жители Юкатана и Чиапы также бальзамировали тела своих королей, вождей и священников методами, подобными только что описанным, с различными модификациями от племени к племени. Ройтер признает источником большей части своей информации мемуары Баувеннса, озаглавленные “Ингуляция и кремация”, и Парселли, “Исторический этюд и критика эмиграции”; но большая их часть явно почерпнута из большой монографии Ярроу (106). Единственные среди народов Нового Света,

практиковавших бальзамирование, инки применяли его не только для своих королей, вождей и священников, но и для населения в целом. Эти люди жили не только в Перу, но также в Боливии, Эквадоре, а также в части Чили и Аргентины. Мумифицированные тела помещались в памятники, называемые чулпас. Согласно Де Моркою, эти Чулпы были построены из необожженного кирпича и иногда имели форму усеченной пирамиды высотой от двадцати до тридцати футов, в других случаях - простых мавзолеев из простого монолита. Погребальная камера внутри них была квадратной, и в одной могло быть похоронено до дюжины мумий. Тела были резко согнуты и находились в сидячем положении. Интересным и курьезным фактом об этих мумиях, или, по крайней мере, мумиях из Верхнего Перу, было то, что у всех них на лбу или на затылке был круг, состоящий из маленьких отверстий в стенке черепа, которые, вероятно, использовались для эвакуации мозга и введения консервирующих веществ.

Ярроу (106) ссылается на тот факт, что индейцы Северо-Западного побережья и Алеутских островов также бальзамируют своих умерших. Это, как и практика нанесения татуировки (Бакленд, 10), служит для обозначения возможного альтернативного северного маршрута распространения культуры из Азии в Америку (см. выше описание бальзамирования айно; также *карта II*).

В своем рассказе об арауканосах Южного Чили (*Журнал. Roy. Anthr. Inst.*, Vol. 39, 1909, стр. 364) Латчем описывает, как, когда важная персона умирает от болезни, эти люди верят, что кто-то, должно быть, отравил его. Они “вскрывают бок умершего” и извлекают желчный пузырь, чтобы получить из содержащейся в нем желчи какой-нибудь ключ к разгадке личности виновного. “Затем труп подвешивают в плетеной раме, а под ней поддерживают тлеющий огонь до тех пор, пока преступник не будет найден и наказан”.

Это запутанное нагромождение практик, наводящее на мысль о смешении влияний египетского бальзамирования и вавилонской гепатоскопии, также, очевидно, связано с обычаями Океании и Индонезии.

В определенных охраняемых местах на всем протяжении великого “гелиолитического” пути встречается древнеегипетская [также халдейская и индийская] практика захоронения в больших урнах или кувшинах. В Америке она также встречается; но, по словам Ярроу, она ограничена определенными жителями Нью-Мексико и Калифорнии, хотя похожие урны были найдены в Никарагуа.

После прихода первой великой волны “гелиолита” азиатская цивилизация не перестала оказывать влияние на Америку.

Существуют бесчисленные признаки более поздних последствий развития как западной, так и Восточной Азии. Например, появление практики кремации. Тот факт, что такие обычаи погребения спорадически распространены на островах Тихого океана, предполагает, что обычай, возможно, был занесен в Америку тем же путем, что и основной поток культа “гелиолита”; но против этого есть доказательства того, что кремация практиковалась особенно на тихоокеанском склоне Скалистых гор и в Мексике, а не в Перу. Представляется более вероятным, что основной поток более поздней волны культуры, наиболее характерной практикой которой является кремация, шел северным путем, огибая восточноазиатское побережье, а затем следуя по линии Алеутских островов.

В описании метода мумификации, принятого индейцами Вирджинии (*выше*), было видно, что вся кожа снималась, а затем снова надевалась на скелет. Требовались большая осторожность и мастерство, чтобы предотвратить сморщивание кожи. Очевидно, трудности этой процедуры заставили некоторые индейские племена отказаться от попыток предотвратить сморщивание кожи. Так, эквадорские индейцы хиваро, а также некоторые племена западной части Амазонки придерживаются практики сохранения только головы и после удаления черепа позволяют более мягким тканям уменьшиться до размера, ненамного превышающего крикетный мяч (44; 52, с. 252, и 61, с. 288).

Согласно Пейджу (52), который описал один из двух образцов хиваро, находящихся сейчас в музее Манчестера, методом сохранения было высушивание под воздействием тепла. Он добавляет, “‘Мамеа’ и ‘Чанча’ - это названия, которые обычно дают таким образцам местные жители”. Несомненно, первое должно быть испанского происхождения!

Сравнение этого разнообразия методов сохранения тела в Америке с серией аналогичных практик, которым я следил с африканского побережья, делает совершенно очевидным, что не может быть никаких сомнений относительно источника вдохновения американцев на совершение таких экстраординарных поступков. Замечательный погребальный ритуал и все связанные с ним процедуры являются убедительными доказательствами.

Но доказательство влияния цивилизаций Старого Света на доколумбову Америку не зависит от свидетельств об одном наборе практик, какими бы сложными, причудливыми и самобытными они ни были.

Позитивная демонстрация, которую я попытался продемонстрировать в этом сообщении, зависит от того факта, что вся сложная структура “гелиолитической” культуры, которая медленно формировалась в Египте в течение тридцати столетий до 900 года до нашей эры, распространилась на восток, приобретая по пути приращения от цивилизаций Средиземноморья, Западной Азии, Восточной Африки, Индии, Восточной Азии, Индонезии и Океании, пока не достигла Америки. Подобно мощной закваске, она постепенно начала пронизывать обширную и широко распространенную культуру аборигенов Америки.

Грубая мегалитическая архитектура Америки несет очевидные свидетельства того же вдохновения, которое побудило к созданию архитектуры Старого Света; и что касается более роскошных зданий, то несомненно, что основным стимулом были египетские идеи, глубоко модифицированные вавилонским и, в меньшей степени, индийским и восточноазиатским влияниями. Сравнение усеченных пирамид Америки, Тихого океана, Восточной Азии и Индонезии с пирамидами древней Халдеи дает вполне определенное подтверждение этим взглядам. Было бы напрасно утверждать, что такой сложный рисунок и такая странная символика, как сочетание солнечного диска со змеей и сильно распростертых крыльев ястреба, вырезанных на перекладине двери храма солнца, могли возникнуть независимо в Древнем Египте и Мексике (особенно см. Бэнкрофт, 3, т. IV., стр. 351).

Но это не просто дизайн зданий и их связь с практикой мумификации (а позже, в Мексике, с кремацией), но природа культа храмов и все связанные с ними традиции, которые добавляют дополнительных подтверждений. Так, например, Уэйк (103, с. 383), описывая географическое распространение культа змеепоклонства (тесная связь которого с солнцепоклонством и фактически со всем “гелиолитическим” культом зародилась в Египте, как я уже объяснял),

пишет: “Кецалькоатль, божественный благодетель мексиканцев, был воплощением змея-солнца Тонакатлькоатля, который, таким образом, стал великим отцом, подобно тому как женщина-змея Чиуакоатль была великой матерью всего человечества”. человеческая раса”. “Солнечный характер бога-змея, по-видимому, не подлежит никакому сомнению.... Короли и жрецы древних народов заявляли об этом божественном происхождении, и ‘дети солнца’ были титулом членов священной касты. Когда истинный родовой характер божества скрыт, он рассматривается как ‘отец своего народа’ и их божественный благодетель. Он - основоположник сельского хозяйства, изобретатель искусств и наук и цивилизатор человечества”.

В книге Бэнкрофта “Об империи майя” (3, т. V., стр. 233) говорится: “Пернатый Змей, известный на разных языках как Кецалькоатль, Гукумац и Кукулкан, был существом, традиционно основавшим новый порядок вещей”.

Даже самые тривиальные черты “гелиолитического” культурного комплекса проявляются в Америке. Так, например, Харрисон говорит нам, что:—

“Искусственное увеличение мочки [уха], по-видимому, первоначально применялось в Индии с целью получения солнечного диска” (29, стр. 193).

“Ранний испанский историк упоминал, что в храме Солнца в Куско состоялась тщательно продуманная религиозная церемония, посвященная тому, чтобы развеселить уши молодой перуанской знати” (стр. 196).

“Практика увеличения мочек ушей была связана с поклонением Солнцу” (стр. 198).

То же самое относится и к обрезанию, татуировке и почти ко всем любопытным обычаям, которые я перечислил в предыдущем отчете. Затем, опять же, все характерные истории о сотворении мира, всемирном потопе, окаменении людей и духов, обитающих в скалах, и о происхождении избранного народа от кровосмесительного союза появляются в Мексике, Перу и других местах.

Своеобразный символ свастики, по чистой случайности связанный с культом “гелиолита” в месте его происхождения, который народ Тимора в Индонезии считает древней эмблемой огня, Сына Солнца, также появляется в Америке.

Даже такая причудливая практика, как искусственная деформация головы (48, стр. 515-519), которая, по-видимому, зародилась в Армении, вошла в репертуар фантастической коллекции трюков странников “гелиолита” и время от времени перенималась многочисленными изолированными группами людей вдоль великого миграционного пути. По какой-то причине эта странная идея “прижилась” в Америке в большей степени, чем где-либо еще, и распространилась повсюду на большей части континента.

Многие другие любопытные обычаи можно было бы назвать соломинками, которые ясно указывают, в какую сторону потек поток культуры. Например, Кин (42, стр. 264) утверждает, что “подобно бирманцам, никобарцы кладут монету в рот трупу перед погребением, чтобы помочь ему в загробном мире”; а Хатчинсон (38, стр. 448) приводит ссылку через Тихий океан: “У мужчин, женщин и детей [в древнем Перу] часто между зубами был кусочек меди, вроде обола,

который римляне—язычники клали в рот, чтобы заплатить лодочнику Харону за переправу через Тихий океан”. Стикс”.

Эта ссылка на Харона напоминает нам также о широко распространенном обычае, по-видимому, зародившемся в Египте и распространившемся повсюду, вплоть до Тихого океана и Америки, связывать с погребальным ритуалом использование лодки для перевозки мумии на запад.

Некоторые отличительные аспекты фаллизма в Америке также можно было бы упомянуть как свидетельство влияния практик Старого Света.

В приложении (часть 1) к своему “Завоеванию Мексики” Прескотт (59) полностью и справедливо резюмирует большую и наводящую на размышления массу свидетельств, имевшихся в то время, когда он писал, в пользу точки зрения, что доколумбова цивилизация Мексики и Перу была вдохновлена Азией. Ввиду очевидной убедительности его изложения доказательств становится вопросом определенного интереса и важности для выяснения причин, которые перед лицом явно подавляющего числа фактов, которые он обобщил, удержали его от принятия очевидного вывода, на который указывает вся его аргументация.

Ссылаясь на многочисленные острова Тихого океана как на одно из средств доступа населения в Америку, Прескотт цитирует “Путешествия Кука”, чтобы проиллюстрировать, как легко полинезийцы путешествовали с острова на остров на расстоянии сотен миль друг от друга, и добавляет: “было бы странно, если бы этим блуждающим баркам иногда не мешал огромный континент, который протянулся по всему земному шару почти от полюса до полюса.

“Откуда взялась утонченность этих более утонченных рас [Америки]? Было ли это всего лишь более высоким развитием того же индийского характера, который мы наблюдаем в более северных широтах, бросая вызов любой попытке постоянной цивилизации? Была ли она изначально привита расе более высокого порядка по шкале, но самоучкой, прокладываящей себе путь вверх собственными силами? Была ли это, короче говоря, местная цивилизация? или он был в какой-то степени позаимствован у народов Восточного мира? Если он коренной, то как нам объяснить странное совпадение с Востоком в институтах и взглядах? Если восточные, то как мы объясним огромное различие в языках и незнание некоторых из самых простых и полезных искусств, которые, будучи однажды известными, казалось бы, едва ли могли быть забыты? Это загадка Сфинкса, разгадать которую Ноэдику еще не хватило изобретательности”.

В свете фактов, сведенных воедино в настоящих мемуарах, для ответа на загадку не требуется никакого Эдипа. Ибо от единственных двух возражений, которые Прескотт выдвигает в противовес огромной массе доказательств, которые он приводит в пользу происхождения американской цивилизации из Старого Света, можно легко избавиться. Риверс полностью избавился от одного из них, продемонстрировав тот факт, что люди — особенно те, кто находится на прямом пути через Тихий океан в Америку — на самом деле “забывают простые и полезные искусства” (65). Другое возражение столь же легко устраняется, если вспомнить, что требуется всего несколько человек более высокой культуры, чтобы смешать большую массу низшей культуры с элементами более высокой цивилизации (см. Также по этому поводу, Rivers, 68). Более того, если в качестве теста использовать язык, то пришлось бы отрицать родство различных американских племен друг с другом. Таким образом, языковая трудность ведет в обоих направлениях. Но когда мы избавимся от его возражений, все его замечательное

резюме станет весомым аргументом в пользу происхождения американской культуры из Азии по ту сторону Тихого океана.

С тех пор у большинства этнологов вошло в моду пренебрежительно отбрасывать вероятность или даже возможность происхождения американской цивилизации из Старого Света (характерные примеры такого отношения можно найти в обращении Фукса, **18**, и в учебнике Кина, **41**). С другой стороны, обсуждение время от времени серьезно нарушалось совершенно некритичным и часто опрометчиво неточным использованием доказательств в поддержку реальности контакта, что в некоторой степени наносило ущерб серьезному обсуждению проблемы. Возможно, наименее предосудительными из таких неудачных попыток являются книги Макмиллана Брауна (**7**) и Еноха (**16**). Первый был сбит с толку гротескными ошибками в хронологии и непониманием того, что полезные искусства могут быть утрачены. Енох, с другой стороны, собрал большую серию интересных, но несовместимых утверждений и не предпринял серьезной попытки их просеять или ассимилировать.

Но время от времени серьезные исследователи, проявляя осторожность, подобающую обсуждению столь сложной проблемы, определенно выражают свою приверженность мнению, что элементы культуры действительно распространились по всему Тихоокеанскому региону от Азии до Америки (**8; 9; 10; 15; 20; 21; 29; 30; 38; 48; 49; 50; 51; 60; 73; 102; 103 и 105**). Среди современных доказательств я бы особенно обратил внимание на свидетельства, собранные Даллом (**73**, стр. 395), Сайрусом Томасом (**73**, стр. 396), Тайлором (**102**) и Зелией Наттолл (**49 и 50**), а из более древней литературы - на замечательное заявление Эллиса (**15**, стр. 117). [В монографии миссис Наттолл (**49**) есть многое, особенно во вводной части, против чего следует выступить с серьезными возражениями: но, несмотря на сильный уклон в пользу “психологического объяснения”, с которого она начала, в конце концов она была вынуждена признать силу доказательств распространения культуры.]

Подробные утверждения относительно обсуждений этой проблемы в прошлом отсылают читателя к превосходному резюме Бэнкрофта (**3**), которое также представляет собой удивительно богатый запас фактов и преданий, полностью подтверждающих выводы, к которым я пришел в настоящих мемуарах.

Мне трудно представить, как вообще могли возникнуть какие-либо сомнения по этому поводу у кого-либо, кто знает его “Бэнкрофта”.

Естественно, возникнет вопрос: если доводы в доказательство фактического распространения культуры из Азии в Америку столь убедительны, то на каких основаниях в согласии отказано? Одна школа (наиболее характерным высказыванием которой, насколько я знаю, является президентское обращение Фукса, **18**) отказывается обсуждать доказательства: с папской торжественностью она излагает догму независимой эволюции как непогрешимый принцип, подвергать который сомнению - почти святотатство. Я могу лучше всего проиллюстрировать методы другой школы реакционеров на примере ее диалектики.

Ни один случай в дискуссии о происхождении американской цивилизации не вызвал большего смятения в рядах “ортодоксальных” этнологов, чем заявление Тайлора (**102**):—

“Концепция взвешивания на духовных весах при суде над мертвыми, которая впервые появилась в египетской религии, была прослежена оттуда в ряде вариантов, послуживших для проведения линий взаимодействия через ведическую и зороастрийскую религии,

простирающихся от Восточного буддизма до Западного христианства. Связанное с этим учение о Мосте Мертвых, который отделяет добрых, которые переходят, от злых, которые падают в пропасть, впервые появляется в древнеперсидской религии, распространяясь аналогичным образом на окраины Азии и Европы. Этими мифическими верованиями практически устанавливаются исторические связи, соединяющие великие религии мира и служащие линиями, по которым следует проследивать их взаимозависимость. Доказательства того же рода приводились в поддержку теории, недостаточно признанной авторами по истории культуры, об азиатских влияниях, под влиянием которых формировалась доколумбова культура Америки. В "Религии старой Мексики" четыре великие сцены путешествия души в страну мертвых упоминаются ранними испанскими писателями после завоевания и изображены группой в ацтекском изобразительном письме, известном как Ватиканский кодекс. Четыре сцены - это, во-первых, переправа через реку; во-вторых, страшный переход души между двумя горами, которые сталкиваются друг с другом; в-третьих, восхождение души на гору, усеянную острыми обсидиановыми ножами; в-четвертых, опасность ветра, несущего такие ножи при своем порыве. Мексиканские изображения этих четырех сцен были сравнены с более или менее похожими изображениями, представляющими сцены из буддийских адов или чистилищ, изображенных на японских храмовых свитках. Здесь, во-первых, показана река смерти, которую души переходят вброд; во-вторых, души должны пройти между двумя огромными железными горами, которые сталкивают два демона; в-третьих, виновные души взбираются на гору ножей, лезвия которых режут им руки и ноги; в-четвертых, яростные порывы ветра бьют по их израненным телам, лезвия ножей летают по воздуху. Утверждалось, что появление столь близких и сложных аналогов буддийских идей в Мексике представляет собой соответствие столь высокого порядка, что исключает какое-либо объяснение, кроме прямой передачи из одной религии в другую. Автор, ссылаясь также на аргументы Гумбольдта, основанные на календарях и мифических катастрофах в Мексике и Азии, а также на соответствии работам бронзового века и играм в обоих регионах, выразил мнение, что на основании этих совокупных доказательств антропологи вполне могут чувствовать себя оправданными в рассмотрении народов Америки как достигших своего уровня культуры под азиатским влиянием".

Можно было бы предположить, что такой пример, особенно подкрепленный авторитетной[18] нашего величайшего антрополога, который, безусловно, не имеет предвзятости в пользу взглядов, которые я пропагандирую, убедил бы любого, кто желает быть убежденным точными доказательствами. Но только не для мистера Кина! Пытаясь приуменьшить значение этого решающего случая, он, между прочим, иллюстрирует, до каких пределов неразумия доводит свою аргументацию эта школа этнологов, когда вынуждена формулировать *доведение до абсурда*, не осознавая масштабов абсурда, на который их толкает слепая приверженность крылатому слову.

В "Этнологии" Кина (41, стр. 217-219) встречаются следующие отрывки:—

"Далее следует отметить, что религиозные идеи, как и социальные обычаи, легко передаются от племени к племени, от расы к расе. [Большинство моих критиков основывают свое несогласие на отрицании именно этих предположений!] Следовательно, сходства в таком порядке, где они возникают, должны оцениваться как очень низкие этнические критерии. Если они не являются продуктом общей структуры мозга, то мало что могут доказать, кроме социальных контактов в отдаленные или более поздние времена. Показательным примером является [заявление Тайлора, которое я только что процитировал].

“Параллелизм полон, но диапазон мышления крайне ограничен — ничего, кроме гор и ножей, рядом с рекой смерти, общей для египтян, греков и всех народов, наделенных хоть каплей воображения”. “Следовательно, профессор Э. Б. Тайлор, который обращает внимание на моменты сходства, слишком много на них строит, когда приводит их в качестве убедительного доказательства того, что доколумбова культура в Америке формировалась под азиатским влиянием. В том же месте он ссылается на аргумент Гумбольдта, основанный на сходстве календарей и мифических катастроф. Но “мифические катастрофы”, наводнения и тому подобное долгое время не принимались во внимание, в то время как мексиканский календарь, несмотря на авторитетность имени Гумбольдта, не имеет никакого сходства ни с календарями “тибетских и татарских племен”, ни с любым другим азиатским календарем, с которым его сравнивали. “Нет абсолютно никакого сходства между тибетским календарем и примитивной формой американского”, который “предназначался не для отсчета лет, а как ритуал и формуляр” и знаки которого “не имели ничего общего со знаками зодиака, как и все знаки тибетского и татарского календарей” (Д. Г. Бринтон, “О различных предполагаемых отношениях между американской и азиатской расами”, из *Воспоминаний Международного конгресса антропологии*, Чикаго, стр. 148). Относительно всех подобных аналогий, которые могут существовать “между культурой и обычаями Мексики и Китая, Камбоджи, Ассирии, Халдеи и Малой Азии”, доктор Бринтон уместно спрашивает: “Должны ли мы, следовательно, перенести все эти древние народы или их представителей в Мексику?” (*ib.* стр. 147). Так считает Лефевр, который считает ‘совершенно химерическими’ попытки проследить такое сходство со Старым Светом. “Если и бывают совпадения, то они случайны или являются результатом эволюции, которая ведет всю человеческую группу через одни и те же стадии и по одним и тем же ступеням” (“Раса и язык”, стр. 185).

“Гораздо более необъяснимые совпадения, чем любое из упомянутых здесь, происходят в разных регионах, где даже нельзя заподозрить контакт. Таков странный обычай *куваде*, который, как оказалось, преобладает среди народов, столь широко разделенных, как баски и индейцы Гвианы, которые никогда не могли ни прямо, ни косвенно каким-либо образом влиять друг на друга” (34).

Конечно, нет необходимости подробно комментировать эту придирку, которая является прекрасным образцом саморазрушительной критики, которую можно встретить в этнологических дискуссиях в наши дни. Говоря об “ограниченности диапазона мышления”, когда из неограниченных возможностей для своей беспрепятственной деятельности человеческий разум наткнулся на четыре эпизода столь фантастического характера, Кин слишком сильно подвергает сомнению доверчивость своих читателей, когда он торжественно пытается убедить их, что подобные идеи - самые естественные вещи в мире, которые человечество может себе представить!

Конечно, лучшей тактикой было бы откровенно признать идентичность происхождения, а затем, следуя примеру Хафа (35), преуменьшить его важность, указав на разнообразие возможных путей, которыми азиатское влияние могло спорадически влиять на Америку в сравнительно недавнее время.

Но вместо этого Кин настаивал на доведении своего отказа признавать наиболее очевидные выводы до крайнего предела и ссылался на практику *Кувады* как на *последний удар* по

взглядам, которые он критиковал. Но то, что он выбрал *Куваде*, было исключительно неудачно для его аргументации. Его догматическое утверждение о том, что два выбранных им народа “настолько далеко разделены”, что они “никогда не могли ни прямо, ни косвенно каким-либо образом влиять друг на друга”, полностью опровергается тем фактом, что, хотя *куваде* является или была широко распространенным обычаем, все места, где это происходило, находятся либо в пределах основного маршрута великой “волны гелиолитической культуры”, либо так близко, что легко могут оказаться в сфере ее влияния. Таким образом, он зарегистрирован среди басков,[19] в Африке, Индии, на Никобарских островах, Борнео, Китае, Перу, Мексике, Центральной Калифорнии, Бразилии и Гвиане. Вместо того чтобы быть “нокаутирующим ударом” по точке зрения, которой я придерживаюсь, географическое распространение этой исключительно нелепой практики является весьма желанным дополнением к списку своеобразного багажа, который путешественник эпохи “гелиолита” нес с собой в своих странствиях, и поразительным подтверждением того факта, что при распространении из центра своего происхождения этот обычай, должно быть, шел тем же путем, что и другие исследуемые нами практики.

После выдумок Кина и Фукса приятно вернуться к трудам старых этнологов, которые жили в те дни, когда еще не были изобретены так называемые “психологические” и “эволюционные объяснения”, и были довольны очевидной интерпретацией известных фактов.

Более восьмидесяти лет назад Эллис (15, стр. 117) с поразительной проницательностью объяснил взаимоотношения полинезийцев и их скитания из Западной Азии в Америку с ясностью и определенностью, которые должны вызывать восторженное восхищение у тех, кто знаком с более полной информацией, доступной в настоящее время. На стр. 119 он приводит интересный ряд расовых факторов, обычаев и верований в обоснование культурной связи между островами Тихого океана и Америкой.

Помимо простых свидетельств, представленных искусствами, обычаями и верованиями в пользу передачи определенных существенных элементов американской цивилизации из Старого Света, существует значительное количество свидетельств другого рода, состоящих, без сомнения, в значительной степени из обрывков. Например, существуют не только истории о китайских и японских джонках, прибывающих к американскому берегу, и американские предания о приходе бледнолицых бородатых мужчин с востока,[20] но также имеется определенное количество свидетельств физических характеристик самих жителей. Многими людьми выдвигалось в качестве возражения, что, если бы имела место сколь-нибудь значительная эмиграция полинезийцев в Америку, они оставили бы гораздо более определенный след своего прихода в физических характерах жителей Америки, чем это предполагается на самом деле. Но этот аргумент не обязательно имеет большой вес, поскольку число таких полинезийцев, достигших Америки, было бы просто каплей в океане огромного коренного населения Америки. Более того, существует определенное количество свидетельств присутствия людей с полинезийскими чертами характера в определенных частях тихоокеанского побережья. Фон Гумбольдт утверждал, что у жителей Мексики и Перу были гораздо большие бороды и усы, чем у остальных индейцев. Но есть более поразительный пример в подтверждение реальности такого смешения тихоокеанских народов в Америке, который повышает вероятность того, что определенное количество меланезийцев, чьи физические характеристики, будучи более бросающимися в глаза по контрасту, чем у

полинезийцев, были легче распознаны. В мемуарах Аллена (2, стр. 47) встречаются следующие утверждения:—

“Сэр Артур Хелпс рассказывает нам в своей ”Истории испанских завоеваний в Америке”, что испанцы, когда они впервые посетили Дариен под командованием Васко Нуньеса, обнаружили там расу чернокожих, которых они (как мне кажется, необоснованно) приняли за потомков негров, потерпевших кораблекрушение; эта раса жила отдельно от других рас и враждовала с ними”,

и на странице 48,

Возможно, другие негритянские племена можно обнаружить при более тщательном исследовании, и если принять теорию Кроуфорда, которая представляет жителей Полинезии в доисторические времена как великую полумодернизованную нацию, добившуюся некоторого прогресса в сельском хозяйстве и умевшую использовать золото и железо, одевавшуюся ‘в ткань из волокнистой коры растений, которую они ткали на ткацком станке”, и имевшую нескольких домашних животных, то, возможно, новый и неожиданный свет может быть пролит на происхождение примитивной американской культуры. Несомненно, что массивные руины и остатки пирамидальных сооружений и террасных построек, очень похожих на сооружения Индии, Явы и Камбоджи, а также Центральной Америки, Мексики и Перу, существуют на многих островах Полинезии, таких как острова Ладроне, Таити, Фиджи, остров Пасхи и Сандвичевы острова, и почти все обычаи полинезийцев, как оказалось, существуют также среди американских рас ”.

- Тогда, возможно, здесь мы имеем дело с “недостающим звеном” между цивилизациями Старого Света и загадочными цивилизациями Америки.

Краткие сведения.

Между 4000 и 900 годами до н.э. чрезвычайно сложная культура, состоящая из замечательного ряда своеобразных элементов, которые были связаны друг с другом в Египте в значительной степени случайно, тесно переплелась, сформировав любопытную структуру культа, который Броквелл назвал “гелиолитическим”, ссылаясь на тот факт, что он включает поклонение солнцу, обычай строительства мегалитических памятников и определенные необычные верования относительно камней. Еще более своеобразной и отличительной чертой, генетически связанной с развитием мегалитических практик и верой в то, что люди могли обитать в камнях, является обычай мумификации.

Самые ранние известные египтяне (до 4000 г. до н.э.) занимались ткачеством и сельским хозяйством, выполняли операцию “надреза” (прототип полного обрезания), и, вероятно, были солнцепоклонниками. Задолго до 3400 г. до н.э. они начали обрабатывать медь и золото. К 3000 г. до н.э. они начали практиковать бальзамирование, сооружение высеченных в скале гробниц, каменных надстроек и храмов. По чистой случайности, столица соединенного Королевства Египет оказалась в центре поклонения змеям (и связанного с этим любопытного символизма - Сете, 74), солнце, змей и ястреб Гор (древний символ королевской власти) слились в символ поклонения солнцу и стали эмблемой царя, который считался сыном бога солнца.

Своеобразные верования относительно возможности обитания одушевленных существ в каменных статуях (а позже даже в необработанных колоннах) и окаменения людей возникли в результате египетских практик эпохи пирамид (около 2800 г. до н.э.).

К 900 году до н.э. практически вся сложная структура “гелиолитической” культуры сложилась и окончательно оформилась в Египте, с многочисленными чисто случайными добавлениями из соседних стран.

Великое переселение “гелиолитического” культурного комплекса, вероятно, началось незадолго до 800 г. до н.э. [Его влияние в Средиземноморье и Европе, а также в Китае и Японии лишь случайно упоминается в этом сообщении.]

Продвигаясь на восток, культурный комплекс достиг Персидского залива, сильно испорченный влиянием Северной Сирии и Малой Азии, а когда он достиг западного побережья Индии и Цейлона, возможно, уже в конце восьмого века до нашей эры, на него оказали глубокое влияние не только эти средиземноморские, анатолийские и особенно вавилонские наросты, но и еще более глубокие восточноафриканские модификации. Эти эфиопские влияния становятся более выраженными в Индонезии (без сомнения, потому что в Индии и на западе беспорядки, вызванные другими куклами, уничтожили большую часть свидетельств).

Из Индонезии культурный комплекс “гелиолита” был перенесен далеко в Тихий океан и в конечном итоге достиг американского побережья, где он принес плоды в развитии великих цивилизаций тихоокеанского побережья и перешейка, откуда он постепенно распространился на основную часть огромного коренного населения Америки.

[Когда это сообщение было направлено Обществу, моей единственной целью было собрать воедино разрозненные свидетельства практики мумификации и других связанных с ней обычаев в подтверждение того факта, что влияние древнеегипетской цивилизации или определенной ее фазы распространилось на Дальний Восток и Америку. С тех пор появилось так много новой информации не только в подтверждение основного тезиса, но и для определения дат серии культурных волн, что вскоре станет возможным не только довольно подробно обрисовать маршруты, пройденные серией древних мореплавателей, распространивших за рубеж эту своеобразную цивилизацию, но и идентифицировать авантюристов и определить даты их величайших подвигов и мотивы большинства их предприятий. В сотрудничестве с мистером Дж. У. Перри я надеюсь вскоре быть готовым приступить к выполнению этой задачи.

Я намеренно воздержался от обращения к щекотливому вопросу о тотемизме в этом сообщении, хотя очевидно, что он тесно связан с культурой “гелиолита”. Я использовал выражение “поклонение змее” в нескольких местах, где, возможно, правильнее было бы ссылаться на змеиный тотем; но рассмотрение тотемизма не только не ослабляет его, но и добавляет силы и убедительности моим аргументам.

Когда я назначал (стр. 65) сравнительно позднюю дату для распространения “гелиолитической” культуры на западное Средиземноморье и за его пределы, я не знал, что Сирет (“Антропология”, Т. 20 и 21, 1909-10) пришел к тому же выводу.]

СНОСКИ

[1] Эти рисунки относятся к библиографии в конце.

[2] Тайлор (“Об игре в Патолли”, *Журн. Антроп. Инст.*, Вып. VIII., 1879, с. 128) приводит еще один конкретный случай заимствования со стороны доколумбовой Америки из Азии. “Лот-нардды, представленные таб,*пачиси* и др., распространены в Старом Свете от Египта через Южную Азию до Бирмы. Поскольку *патолли* мексиканцев - это разновидность лота-триктрак, наиболее приближающаяся к индуистскому *пачисии*, возможно, подобно ему переходящая в стадию игры в кости, его присутствие, кажется, доказывает, что он пришел из Азии. Во всяком случае, его можно причислить к элементам азиатской культуры, прослеживающимся в древней мексиканской цивилизации, высокое развитие которой ... похоже, это в значительной степени связано с азиатским влиянием”.

[3] Смотри также [2](#); [3](#); [7](#); [8](#); [9](#); [10](#); [16](#); [20](#); [21](#); [24](#); [29](#); [30](#); [38](#); [48](#); [49](#); [50](#); [51](#); [61](#); [73](#); [103](#); и [105](#).

[4] Для подтверждения того, что она была достигнута, смотрите [3](#); [8](#); [9](#); [10](#); [20](#); [21](#); [38](#); [49](#); [50](#); [51](#); [73](#); [102](#); [103](#); и [105](#).

[5] Дискурс доктора Февкса, по сути, представляет собой фарраго бессмысленного словоблудия. Позже в этом сообщении я приведу характерный образец диалектики покойного профессора Кина; но все упомянутые отрывки должны быть прочитаны всеми, кто склонен придирается к моим критическим замечаниям по поводу такого изложения современной этнологической доктрины. Очевидный курс, которым должен следовать любой серьезный исследователь, - игнорировать такие поверхностные и нелогичные утверждения: но этнологическая литература этой страны и Америки настолько пропитана идеями, подобными высказываниям Фукса и Кина, что стало необходимым прямо разоблачить абсолютную пустоту их аргументации.

[6] Ибо, если и вкладывать какой—либо смысл в эту фразу, то он подразумевает, что человек наделен инстинктами гораздо более сложного и высокоспециализированного рода, чем любое насекомое или птица, - более того, инстинктами, которые побуждают группу людей совершать в одну и ту же эпоху очень большую серию особенно сложных, бессмысленных и фантастических действий, которые не имеют никакого отношения к “борьбе за существование”, которая, как предполагается, должна будтье ответственны за формирование инстинктов.

Но Уильям Макдугалл говорит нам, что отличительной чертой человеческих инстинктов является то, что они относятся к “наиболее общему типу”. “Они просто обеспечивают основу для неопределенно направленной деятельности в ответ на неопределенно различимые впечатления от больших классов объектов”. (“Психология, изучение поведения”, стр. 171.) В экстраординарном репертуаре культа “гелиолита” нет ничего расплывчатого!

[7] Любопытно, что идея жизни в камне, которая сделала возможным такое фантастическое поверье, сама по себе могла возникнуть из египетских практик, которые будут описаны ниже.

[8] Насколько настойчивым было желание сделать статую самой мумии, показывают неоднократные попытки, предпринятые в более поздние времена; см. Описание мумий Аменофиса III. (86) и правителей и жрецов XXIST и XXIIIND династий (78 и 87) .

[9] Отчет о географическом распространении поклонения змеям и замечательную демонстрацию тесной связи этого культа с отличительными “гелиолитическими” идеями см. в уэйке (103).

[10] Сэр Уильям Тизелтон Дайер сообщает мне, что, по всей вероятности, древними египтянами из Сирии добывался не *кедр* а *можжевельник* [и использовался для бальзамирования]. Материал, на который здесь сделана ссылка, вероятно, был бы идентичен современному "huile de cade" и был получен из *juniperus excelsa*.

Я сохраняю термин “кедровое масло” для упрощения библиографических ссылок, поскольку все археологи и историки неизменно используют это выражение.

[11] С тех пор, как были напечатаны эти мемуары, доктор Алан Гардинер опубликовал наиболее яркий и важный отчет о “Гробнице Аменемхета” (Н. де Гарис Дэвис и Алан Гардинер, 1915), который проливает поток света на представления египтян относительно вопросов, обсуждаемых в этом сообщении.

[12] Мистер Крук привлек мое внимание к аналогичной практике в Индии. Лейт (Журн. Антр. Соч. из Бомбея, Т. I., 1886, стр. 39 и 40) заявил, что в *Кашиканде* содержится рассказ о брахмане, который сохранил труп своей матери. Сохранив его и завернув, он “покрыл все чистой глиной и, наконец, положил тело в медный гроб”.

[13] Джексон отсылает это предположение к книге Керзона “Персия и персидский вопрос”, 1892, где я нахожу (Том II., стр. 74, 79, 80, 146, 178 и 192) наиболее убедительные доказательства того факта, что тело Кира было мумифицировано и соблюдались все египетские обряды (особенно см. Примечание мистера Сесила Смита на стр. 80). В Персии при Дарии (стр. 182) египетские методы строительства гробниц были точно скопированы не только в их общем плане, но и в мельчайших деталях их убранства (см. стр. 178), а также в барельефе Кира в египетской короне (стр. 74). Камбиз даже представил египетских рабочих для выполнения такой работы (стр. 192).

Есть основания полагать, что Индия, в свою очередь, также подверглась влиянию этой прямой передачи египетских практик в Персию, но только после того, как (возможно, более века спустя) там была принята эфиопская модификация египетского бальзамирования.

[14] См., однако, стр. 69. Когда-нибудь в будущем я объясню, какую важную связь обеспечивает древняя культура Черноморского побережья между Египтом и цивилизациями Западного Средиземноморья, с одной стороны, и Индией - с другой.

[15] Reutter (63) цитирует заявление Кирха о том, что Нойхоф описал бальзамирование тел в Азии. На Борнео используются камфара, орех арека, древесина алоэ и мускус, а в Китае - камфара и сандаловое дерево.

[16] За эту и некоторые другие ссылки я должен поблагодарить моего коллегу профессора С. Дж. Хиксона, F.R.S. Пока я не смог ознакомиться с полными отчетами экспедиции Лоренца.

[17] Любопытной особенностью этих моделей является изображение лиц на плечах. Аналогичная практика была зафиксирована в Америке (Бэнкрофт, 3).

[18] В целом движущей силой так называемых “психологических” этнологов на самом деле является почтение к авторитетам и бессмысленное вероучение.

[19] Недавняя литература ставит под сомнение его распространение в Западной Европе.

[20] Вполне возможно, что это может относиться к относительно современному вторжению скандинавов и других европейцев в Америку через Северную Атлантику.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Пока эти мемуары находились в процессе печати, в текст было добавлено много других библиографических ссылок.

1. Д'Альбертис, Л. М. “Новая Гвинея”. Лондон, 1880, том I.
2. Аллен Ф. А. “Первоначальный ареал папуасской и негритянской рас”. *Journ. Антропол. Инст.*, Т. 8, 1878-9, с. 38.
3. Бэнкрофт Х. Х. “Коренные народы Тихоокеанских штатов Северной Америки”. Лондон, 1875.
4. Бент Т. “Бахрейнские острова в Персидском заливе”. *Труды по географии. Соч.*, 1870, с. 13.
5. Блэкман А. М. “Значение благовоний и возлияний в погребальных и храмовых ритуалах”. *Цейтш. ф. Египет. Sprache*, Bd. 50.
6. Брестед, Дж. Х. “История Египта”. Лондон, 1906.
7. Браун, Дж. Макмиллан. “Маори и полинезийцы”. Лондон, 1907.
8. Бакленд, А. У. “Змей в связи с примитивной металлургией”. *Journ. Антропол. Инст.*, Т. 4, 1874-5, с. 60.
9. Там же. “Этнологические намеки, которые дают стимуляторы, используемые дикарями и древними”. *Journ. Антропол. Инст.*, Т. 8, 1878-9, с. 239.
10. Там же. “О татуировке”. *Journ. Антропол. Инст.*, т. 17, 1887-8, с. 318.
11. Capart, J. “Une Rue de Tombeaux.” *Brussels*, 1907.
12. Крук У. “Северная Индия”. 1907.
13. Там же. “Грубые каменные памятники Индии”, *Proc. Полевой клуб Коттесволдских натуралистов*, Том XV., май 1905 г., стр. 117.
14. Дэвидс, Т. В. Рис. “Буддийская Индия”. Лондон, 1911.
15. Эллис, У. “Полинезийские исследования”. Том I., Лондон, 1832.

16. Енох К. Р. “Тайна Тихого океана”. Лондон, 1912.
17. Фергюссон Дж. “Грубые каменные памятники во всех странах”. Лондон, 1872.
18. Фоукс, Дж. Уолтер. “Великие каменные памятники в истории и географии”. Президентская речь, произнесенная перед Антропологическим обществом Вашингтона, 20 февраля 1912 г.
19. Флауэр, У. Х. “Иллюстрации способа сохранения мертвых на острове Дарнли и в Южной Австралии”. *Journ. Антропол. Инст.*, т. 8, 1878-9, с. 389.
20. Фокс, А. Лейн. “Замечания по статье мистера Ходдера Вестроппа о кромлехах с Картой Мира, показывающей распределение мегалитических памятников”. *Journ. Этнол. Соч.*, т. 1, 1869, с. 59.
21. Там же. “О ранних способах навигации”. *Journ. Антропол. Инст.*, т. 4, 1874-5, с. 389.
22. Фрейзер, Джон. “Аборигены Нового Южного Уэльса”. Сидней, 1892.
23. Статья Гардинера, Алана Х. “Жизнь и смерть”. *Словарь религии и этики Гастингса*, 1915.
24. Glaumont, M. “Usages, Moeurs, et Coutumes des Néo-Calédoniens.” *Revue d’ethnologie*, 1888, p. 73—Summary in Cartailhac’s “Materiaux pour l’histoire de l’homme,” Vol. 22, 1888, p. 507.
25. Хэддон, А. К., и Майерс, К. С. “Отчеты Кембриджской антропологической экспедиции в Торресов пролив”. *Похоронные церемонии*, Том VI., кембридж, 1908, стр. 126.
26. Хейг (мисс). “Некоторые сведения об острове Тенериф”. *Пер. с англ. Этнол. Соц.*, Новая серия, том 7. 1869, стр. 112.
27. Хэмлин-Харрис Р. “Папуасская мумификация”. *Воспоминания музея Квинсленда*, том I., 27 ноября 1912 г.
28. Там же. “Мумификация”, лок. цит. по. выше.
29. Харрисон, Дж. Парк. “Об искусственном увеличении мочки уха”. *Журн. Антропол. Инст.*, Т. 2, 1872-3, с. 190.
30. Там же. “Обратите внимание на финикийские иероглифы с Суматры”. *Journ. Антропол. Инст.*, Т. 4, 1874, с. 387.
31. Хартман К. В. “Археологические исследования в Коста-Рике”. Стокгольм, 1901 —Обзор в *Nature*, 16 марта 1905 г., стр. 462.
32. *Dictionary of Religion and Ethics.*,,
33. Hertz, R. “Contribution à une Étude sur la Représentation Collective de la Mort.” *L’Année Sociologique*, 1905-6, p. 48.
34. Ходсон, Т. К. “Погребальные обряды и эсхатологические верования горных племен Ассама”. *Третий Международный. История конгресса. Религии*, Оксфорд, 1908, Том 1, стр. 58.
35. Хаф У. “Восточные влияния в Мексике”. *Американский антрополог*, Том 2, 1900, стр. 66.

- 36.** Там же. “Культура древних пуэбло в районе верховьев реки Гила, Нью-Мексико и Аризона”. *Бюллетень 87, Смитсоновский институт*, 1914, стр. 132.
- 37.** Хрдличка А. “Некоторые результаты недавних антропологических исследований в Перу”. *Разные коллекции Смитсоновского института*, Том 56, № 16, 1911.
- 38.** Хатчинсон Т. Дж. “Антропология доисторического Перу”. *Журн. Антропол. Инст.*, т. 4, 1874-5, с. 438.
- 39.** Джонс, Ф. Вуд. *В Отчете об археологическом исследовании Нубии за 1907-8 гг.*, Т. II., стр. 194.
- 40.** Юнкер Х. “Раскопки Венской императорской академии наук у пирамид Гизы, 1914 год”. *Journ. Египетская археология.*, том I., октябрь 1914 г., стр. 250.
- 41.** Кин, А. Х. “Этнология”. Кембридж, 1896.
- 42.** Там же. “Человек в прошлом и настоящем”. Кембридж, 1900.
- 43.** Lorenz, H. A. “Eenige Maanden onder de Papoea's.” 1905, p. 224.
- 44.** Лаббок Дж. “Заметки об индейцах макас”. *Journ. Антропол. Инст.*, Т. 3, 1873-4, с. 29.
- 45.** Мейс, А. К. “Раннединастические кладбища Нага-эд-Дер, часть II”. 1909.
- 46.** Moll, Hermann. “Современная история”, том I., Дублин, 1739.
- 47.** Майерс К. С. “Вклад в египетскую антропологию: татуировка”. *Journ. Антропол. Инст.*, т. XXXIII., 1903, с. 82.
- 48.** Nadaillac De. “L'Amérique Préhistorique.” Париж, 1883.
- 49.** Наттолл, Зелия. “Фундаментальные принципы цивилизаций Старого и Нового Света”, Археологические и этнологические документы Музея Пибоди, Кембридж, Массачусетс, 1901, стр. 602.
- 50.** Там же. “Любопытное сохранение в Мексике пурпурных моллюсков для окрашивания”. Юбилейный том Патнэма, 1909.
- 51.** Олдхэм, К. Ф. “Солнце и змей”. Лондон, 1905.
- 52.** Пейдж, Х. “Посмертные искусственно сокращенные головы индейцев”. *Журнал. Anat. и физика.*, Том 31, 1897, стр. 252.
- 53.** Партингтон, Эдж. “Этнографический альбом островов Тихого океана”, 3-я серия, август 1898 г., стр. 94.
- 54.** Петри, У. М. Флиндерс. “Тархан”. 1913 и 1914гг.
- 55.** Перро и Чипье. “История искусства Финикии”. Лондон, 1885.

56. Петтигрю, Т. Дж. "История египетских мумий". Лондон, 1834 год.
57. Пирри. Article "Massage," in *Dictionnaire des Sciences Médicales*. 1819.
58. Прескотт, У. Х. "Завоевание Перу".
59. Там же. "Завоевание Мексики".
60. Quatrefages, A. de. "Hommes Fossiles et Hommes Sauvages." Париж, 1884.
61. Рид, К. Х., Джойс, Т. А. и Эдж-Партигтон, Дж. "Справочник по этнологическим коллекциям" (Британский музей), 1910.
62. Рейснер, Джордж А. *Бюллетень Бостонского музея изящных искусств*. Том XII., № 69, апрель 1914 г., стр. 23.
63. Reutter, L. "De l'embaumement avant et après Jésus-Christ." Париж, 1912 год.
64. Риверс, Обращение Президента W. H. R. к Секции Н. *Отчет Brit. Доц.*, Портсмут, 1911, стр. 490, или *Природа*, 1911, том. LXXXVII., стр. 356.
65. Там же. "Исчезновение полезных искусств". *Отчет британца. Доц.*, 1912, стр. 598 [Аннотация мемуаров, опубликованных в журнале "Фестивали Тиллянада Эдварда Вестермарка", Гельсингфорс, 1912, стр. 109].
66. Там же. "Выживание в социологии". *"Социологическое обозрение"*, октябрь 1913 г., стр. 292.
67. Там же. "Массаж в Меланезии". *Отчет 17-го Международного медицинского конгресса*, Лондон, август 1913 г., раздел XXIII, История медицины.
68. Там же. "Контакт народов". Эссе и исследования, представленные Уильяму Риджуэю. Кембридж, стр. 474.
69. Там же. "История меланезийского общества". Кембридж, 1914, Том II.
70. Там же. "Австралийская культура проста или сложна?" *Отчет британца. Доц.*, 1914; также *Человек*, 1914, с. 172.
71. Рот, У. Э. "Этнография Северного Квинсленда", *Бюллетень № 9 "Погребальные церемонии и захоронение мертвых"*. *Отчеты Австралийского музея*, Сидней, том VI., № 5, 1907, стр. 365.
72. Роско Дж. "Дальнейшие заметки о манерах и обычаях баганды". *Журнал Антропологического института*, том. XXXII., 1902, с. 44. [Также его книга, озаглавленная "Баганда".]
73. Сэмпл, Эллен К. "Влияние географической среды на основе антропогеографической системы Ратцеля". Лондон, 1911.
74. Сете, Купт. "Zur altaegyptischen Sage vom Sonnenauge das in der Fremde war." *Untersuchungen zur Gesch. u. Altertumskunde Aeg.*, Bd. V., Heft 3, 1912, p. 10.

75. Смит, Г. Эллиот. "О естественном сохранении мозга у древних египтян". *Журнал анатомии и физиологии*, том. XXXVI., стр. 375-380. Два текстовых рисунка. 1902.
76. Там же. "Физические характеристики мумии фараона Тутмоса IV". *"Анналы службы древностей Египта"*, 1904 г. [и в книге Картера и Ньюберри "Гробница Тутмоса IV". Лондон, 1908 г.].
77. Там же. "Отчет о четырех мумиях XXI века. династия". Там же, 1904.
78. Там же. "Вклад в изучение мумификации в Египте". *Воспоминания, представленные в Египетском институте*, Том V., Брошюра I., 1906, стр. 1-54, 19 листов.
79. Там же. "Рассказ о Мумии жрицы Амона. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*, 1906, pp. 1-28, 9 plates.
80. Там же. "Отчет о разворачивании мумий царей Сиптаха, Сети II., Рамзеса IV., Рамзеса V. и Рамзеса VI. в Каирском музее". *Бюллетень Египетского института*, 5e Série, T.I. стр. 45-67.
81. Там же. "Отчет о вскрытии мумии Менефтах". *Анналы Службы древностей*, 1907.
82. Там же. "Заметки о мумиях". *Каирский научный журнал*, февраль 1908г.
83. Там же. "О мумиях в гробнице Аменхотепа II". *Бюллетень Египетского института*, 5e Серия, том I., 1908.
84. Там же. Описание мумий Юаа и Туиу в книге Кибелла "Гробница Юаа и Туиу". Генеральный каталог Музея Кер, 1908.
85. Там же. "История мумификации в Египте". *Proc. Королевское философское общество Глазго*, 1910.
86. Там же. "Царские мумии". *Catalogue Général des Antiquités Égyptiennes du Musée du Caïre*, 1912.
87. Там же. "Египетские мумии". *Журнал египетской археологии*, том I., часть III., июль 1914 г., стр. 189.
88. Там же. "Сердце и поводья". *Журнал Манчестерского восточного общества*, том I., 1911, стр. 41.
89. Там же. "Самые ранние свидетельства попыток мумификации в Египте". *Отчет Brit. Доц.*, 1912, с. 612.
90. Там же. "Древние египтяне". Лондон и Нью-Йорк, 1911.
91. Там же. "Влияние Египта в эпоху Древней империи". *Отчет брит. Доц.*, 1911; также *Человек*, 1911, с. 176.
92. Там же. "Мегалитические памятники и их строители". *Отчет Brit. Доц.*, 1912, с. 607; также *Человек*, 1912, с. 173.

- 93.** Там же. “Происхождение дольмена”. *Отчет брит. Доц.*, 1913; также *Человек*, 1913, с. 193.
- 94.** Там же. “Эволюция вырубленной в скале гробницы и дольмена”. Эссе и исследования, представленные Уильяму Риджуэю. Кембридж, 1913, стр. 493.
- 95.** Там же. “Отчет о физических особенностях древних египтян”. *Отчет брит. Доц.*, 1914; также *Человек*, 1914, с. 172.
- 96.** Там же. “Ранние расовые миграции и распространение определенных обычаев”. *Отчет Brit. Доц.*, 1914; также *Человек*, 1914, с. 173.
- 97.** Там же. “Обряд обрезания”. *Journ. Manchester Egy. и Восточное общество.*, 1913, с. 75.
- 98.** Смит, Перси. “Гавайки”. Лондон, 3-е изд., 1910.
- 99.** Тэлбот, П. Амор. “Некоторые обычаи и верования ибибио”. *Журнал. Африканский союз.*, 1914, с. 241.
- 100.** Тейлор, Медоуз. “О доисторической археологии Индии”. *Журнал. Этнол. Соч.*, Новая серия, Т. I., 1868-9, с. 157.
- 101.** Терстон Э. “Президентство Мадраса”, 1913.
- 102.** Тайлор, Э. Б. “О распространении мифических верований как свидетельстве в истории культуры”. *Доклад британца. Доц.*, 1894, с. 774.
- 103.** Уэйк, К. С. “Происхождение поклонения змеям”. *Журнал. Антропол. Инст.*, Том 2, 1872-3.
- 104.** Уикс Дж. Х. “Антропологические заметки о бангале в верховьях реки Конго”. *Journ. Рой. Антропол. Инст.*, Том. XXXIX., 1909, стр. 450 и 451.
- 105.** Уилсон, Томас. “Свастика”. *Отчет Смитсоновского института*, 1896.
- 106.** Ярроу, Х. К. “Дальнейший вклад в изучение североамериканских индейцев”. *1-й отчет, Бюро амер. Этнол.*, Вашингтон, 1881.